

ЭКО

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ № 3 2022 г.

Самоопределение и экономическое развитие

Главный редактор **В.А. КРЮКОВ**, академик РАН,
директор Института экономики и организации промышленного производства СО РАН

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А.Г. Аганбегян, РАНХ и ГС при Президенте РФ, академик РАН, Москва; **А.О. Баранов**, зам. директора по научной работе ИЭОПП СО РАН, зав. кафедрой НГУ, д.э.н., проф., Новосибирск; **Р. Бардацци**, факультет государственного управления, Университет Флоренции, д-р философии, проф. (Италия); **Е.Б. Бухарова**, директор Института экономики, управления и природопользования СФУ, к.э.н., проф., Красноярск; **Ш. Вебер**, президент РЭШ, д-р философии (Канада – Россия); **Ю.П. Воронов**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н., Новосибирск; **И.П. Глазырина**, зав. лабораторией эколого-экономических исследований ИПРЭК СО РАН, д.э.н., Чита; **Л.М. Григорьев**, НИУ ВШЭ, к.э.н., проф., Москва; **В.И. Зоркальцев**, СЭИ СО РАН им. Л.А. Мелентьева, д.т.н., проф., Иркутск; **В.В. Колмогоров**, к.э.н., Москва; **В.В. Кулешов**, гл. науч. сотр. ИЭОПП СО РАН, академик РАН, Новосибирск; **Чжэ Ён Ли**, вице-президент Корейского института международной экономической политики, д-р философии (Республика Корея); **Юцзюнь Ма**, директор Института России, Хэйлунцзянская академия общественных наук, к.и.н., Харбин (Китай); **С.Н. Мироносецкий**, генеральный директор «Солар Системс»; **А. Му**, Институт Фридьофа Нансена, канд. полит. н. (Норвегия); **В.А. Никонов**, генеральный директор АО «Технопарк новосибирского Академгородка»; **В.И. Псарев**, зав. кафедрой Алтайского госуниверситета, зам. председателя Исполнительного комитета МАСС, к.э.н., д.т.н.; **Н.И. Суслов**, зам. директора по научной работе ИЭОПП СО РАН, д.э.н., проф., Новосибирск; **А.В. Усс**, губернатор Красноярского края, д.ю.н., проф., Красноярск; **Хонгёл Хан**, Департамент экономики Университета Ханьянг, председатель Корейского института единения, д-р наук, проф. (Республика Корея); **Цзе Ши**, директор Центра международных энергетических исследований, Китайский институт международных исследований, Пекин (Китай); **А.Н. Швецов**, зам. директора по научной работе ФИЦ «Информатика и управление» РАН, Институт системного анализа РАН, д.э.н., проф., Москва.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

А.В. Алексеев, ИЭОПП СО РАН, д.э.н., Новосибирск; **С.Ю. Барсукова**, НИУ «Высшая школа экономики», д.соц.н., Москва; **Э.Ш. Веселова**, зам. главного редактора, Новосибирск; **К.П. Глущенко**, ИЭОПП СО РАН, д.э.н., Новосибирск; **Е.В. Гоосен**, Институт экономики и управления Кемеровского госуниверситета, к.э.н., Кемерово; **Е.А. Капогузов**, Омский госуниверситет им. Ф.М. Достоевского, д.э.н., Омск; **В.И. Клисторин**, ИЭОПП СО РАН, д.э.н., Новосибирск; **Г.П. Литвинцева**, НГТУ, д.э.н., Новосибирск; **В.В. Мельников**, НГУЭиУ, НГТУ, к.э.н., Новосибирск; **Л.В. Мельникова**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н., Новосибирск; **П.Н. Тесля**, зам. главного редактора, к.э.н., Новосибирск; **О.П. Фадеева**, ИЭОПП СО РАН, к.соц.н., Новосибирск; **Л.Н. Щербакова**, Кемеровский госуниверситет, д.э.н.; **В.В. Шмат**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н., Новосибирск

УЧРЕДИТЕЛИ:

Учреждение Российской академии наук Сибирское отделение РАН,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики и организации промышленного производства
Сибирского отделения РАН,
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Новосибирский национальный
исследовательский государственный университет» (НГУ),
АНО «Редакция журнала «ЭКО»

ИЗДАТЕЛЬ:

Новосибирск, Сибирское отделение Российской академии наук

3 (573) 2022

Editor-in-chief, Member of RAS, **VALERY A. KRYUKOV**, Director of Institute of Economics and Industrial Engineering (IEIE), SB RAS

Editorial Board:

A.G. Aganbegyan, Member of RAS, Russian Academy of National Economy and Public Service Sponsored by the Russian President; **A.O. Baranov**, Dr. Sci. (Econ.), professor, IEIE, SB RAS, Novosibirsk State University; **R. Bardazzi**, PhD, professor, University of Florence, Italy; **E.B. Bukharova**, Cand. Sci. (Econ.), professor, Institute of Economics, Management and Land Use, Siberian Federal University, Krasnoyarsk; **I.P. Glazyrina**, Dr. Sci. (Econ.), Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, SB RAS, Chita; **L.M. Grigoriev**, Cand. Sci. (Econ.), professor, Higher School of Economics, Moscow; **Jae Young Lee**, PhD, Korean Institute for International Economic Policy; **Hong Yul Han**, PhD, professor, Hanyang University, The Korea Consensus Institute; **V.V. Kolmogorov**, Cand. Sci. (Econ.), professor; **V.V. Kuleshov**, Member of RAN, Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS; **S.N. Mironosetsky**, general manager Solar System; **A. Moe**, PhD, The Fridtjof Nansen Institute, Norway; **V.A. Nikonov**, Technopark of Novosibirsk Academgorodok; **V.I. Psarev**, Cand. Sci. (Econ.), Dr. Technical Sci., Interregional Association of the Economic Cooperation 'Siberian Accord', Altai State University; **A.N. Shvetsov**, Dr. Sci. (Econ.), professor, Institute of Systems Analysis, RAS; **N.I. Suslov**, Dr. Sci. (Econ.), professor, IEIE, SB RAS; **A.V. Uss**, Dr. Sci. (Law), professor, Governor of Krasnoyarsk Krai; **Sh. Weber**, PhD, Russian Economics School; **Yu.P. Voronov**, Cand. Sci. (Econ.), Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS; **Yutszyun Ma**, PhD (History), Russia Institute, Heilongjiang Academy of Social Sciences, Harbin, China; **Ze Shi**, Center of Energy Research, Institute of International Studies, Beijing, China; **V.I. Zorkaltsev**, Dr. Technical Sci., professor, Energy Systems Institute, SB RAS, Irkutsk.

Editorial Council:

A.V. Alekseev, IEIE, SB RAS, Dr. Sci. (Econ.); **S.Yu. Barsukova**, Higher School of Economics, Dr. Sci. (Sociology); **O.P. Fadeeva**, IEIE, SB RAS, Cand. Sci. (Sociology); **K.P. Gluschenko**, IEIE, SB RAS, Dr. Sci. (Econ.); **E.V. Goosen**, Institute of Economics and Management of Kemerovo University, Cand. Sci. (Econ.); **E.A. Kapoguzov**, Omsk State University, Dr. Sci. (Econ.); **V.I. Klistorin**, IEIE, SB RAS, Dr. Sci. (Econ.); **G.P. Litvintzeva**, Novosibirsk State Technical University, Dr. Sci. (Econ.); **V.V. Melnikov**, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk State Technical University, Cand. Sci. (Econ.); **L.V. Melnikova**, IEIE, SB RAS, Cand. Sci. (Econ.); **L.N. Shcherbakova**, Kemerovo University, Dr. Sci. (Econ.); **V.V. Shmat**, IEIE, SB RAS, Cand. Sci. (Econ.); **P.N. Teslia**, Deputy Editor-in-chief, Cand. Sci. (Econ.); **E.Sh. Veselova**, Deputy Editor-in-chief.

Founders:

Russian Academy of Sciences, Siberian Branch,
Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch, RAS
Novosibirsk State University
ANO Editorial Office of ECO journal

Prepared for publication by

Novosibirsk, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch

В НОМЕРЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

- 4 Раздумья на площади Республики

Тема номера: Самоопределение и экономическое развитие

- 8 ДУЙСЕН Г.М.,
АЙТЖАНОВА Д.А.,
ТЕСЛЯ П.Н.
Казахстан и другие республики
Центральной Азии: разные судьбы
после распада СССР
- 41 МИГРАНЯН А.А.
Украинский выбор: 30 лет спустя
- 62 КУЗЬМИНА Е.М.
Эволюция
внешних связей Молдовы
периода независимости

ПРОБЛЕМЫ

РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

- 84 КОЖЕВНИКОВ С.А.
Пространственная интеграция
экономики: теоретические
концепции и проблемы обеспечения
на региональном уровне

ФИНАНСОВЫЙ СЕКТОР

- 108 АГЕЕВА С.Д.
Финансиализация
и усиление влияния государства
в России

ОТРАСЛИ И РЫНКИ

- 130 БАРСУКОВА С.Ю.
Книжный рынок России:
быть или не быть?

КНИЖНАЯ ПОЛКА

- 153 БУХАРОВ С.В.
КЛИМАТ: что ждет энергетику
и экономику России
к середине XXI века
(о новой книге Т. Густафсона.
Часть 1)

ВЕРШИНЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

- 178 Борис Павлович Орлов:
Учитель и Ученый

CONTENTS

EDITORIAL

- 4 Deliberation
on Republic Square

Cover story: Self-Determination and Economic Development

- 8 DUISEN, G.M.,
AITZHANOVA, D.A.,
TESLJA, P.N.
Kazakhstan and Other Central
Asian Republics: Different Destinies
after the Collapse of the USSR
- 41 MIGRANYAN, A. A.
The Ukrainian Choice: 30 Years Later
- 62 KUZMINA, E. M.
Evolution of External Relations
of Moldova in the Period
of Independence

REGIONAL DEVELOPMENT

- 84 KOZHEVNIKOV, S.A.
Spatial Integration of the Economy:
Theoretical Concepts and Problems
of Implementation at the Regional Level

FINANCIAL ECONOMY

- 108 AGEEVA, S. D.
Financialization and Strengthening
of the State Influence in Russia

ECONOMY SECTORS AND MARKETS

- 130 BARSUKOVA, S.Yu.
The Russian Book Market:
to Be or not to Be?

BOOKSHELF

- 153 BUKHAROV, S.V.
KLIMAT: What awaits Russia's
energy industry and economy
by the mid-21st century (on the New
Book by Thane Gustafson. Part 1)

PINNACLES OF ECONOMIC SCIENCE

- 178 Boris Pavlovich Orlov:
Master and Scientist

Раздумья на площади Республики

Год только начался, а уже имеет на своем счету события, которые войдут, без сомнения, в число важнейших в современной истории не только постсоветского пространства, но и, пожалуй, мира в целом. Речь идет о попытке силового влияния на внутривнутриполитическую расстановку сил в Казахстане, апогеем которой стало вооруженное столкновение на площади Республики в Алма-Аты, а также обострение ситуации на востоке Украины и на российско-украинской границе. В последнем случае события послужили основанием для обвинений России в подготовке вооруженного вторжения на территорию суверенной страны, что привело к резкому ухудшению внешнеполитической обстановки и новому витку антироссийских экономических санкций.

Эти события имеют не только (и не столько) политический подтекст, сколько коренятся в тех социально-экономических процессах, которые развивались и в Казахстане, и на Украине на протяжении нескольких последних десятилетий. Эти страны не одиноки в тех трудностях, с которыми им пришлось столкнуться после распада СССР. С одной стороны, это резкое обострение проблемы самоопределения (самоидентификации) и нового государства, и его жителей, с другой – шоковая терапия, вызванная следованием постулатам «Вашингтонского консенсуса». Процессы самоидентификации и реализации выбранного пути экономических преобразований были и остаются тесно связанными и взаимообусловленными. Именно попытке рассмотрения и анализа их взаимодействия посвящена тематическая часть настоящего выпуска журнала.

Самоопределение в значительной степени основывается на понимании своей исторической, культурной и этнической принадлежности наиболее влиятельной и подготовленной к роли лидера политической и экономической частью элиты той или иной страны. Нельзя, непродуктивно объяснять состояние и динамику экономики молодых государств, возникших на постсоветском пространстве, исключительно через призму теорий экономического роста или экономической трансформации.

Как показано на страницах «ЭКО», вопросы самоопределения и ориентации элиты играли и играют едва ли не определяющую роль в этом процессе.

В некотором смысле до 2022 г. ситуация в Казахстане, казалось бы, не подтверждала этот вывод, по крайней мере, в его столь же жесткой и категоричной формулировке, как это происходило на Украине. Увы, события января – начала февраля 2022 г. со всей очевидностью показали, что Казахстан далеко не исключение. Его успехи в преобразовании экономики на протяжении последних 30 лет зиждились на нефти и благоприятной внешнеэкономической конъюнктуре. Плюс к тому открывались возможности реэкспорта и российских энергоносителей (что, кстати, послужило одной из причин изменения и принципа взимания, и размера налога на добычу полезных ископаемых в России).

Чрезвычайно сложно (подчас – невозможно) понять и объяснить те решения по дезинтеграции созданных во времена СССР производственно-технологических и экономических связей, которые были приняты руководством постсоветских республик (прежде всего, по линии Россия – Украина, а также Россия – Молдавия), руководствуясь лишь принципом экономической эффективности – возврата инвестиций, срока окупаемости и проч.

Экономическая наука во все большей степени стремится учитывать и включать в рассмотрение как поведенческие, так и культурные, и исторические факторы и обстоятельства. Так, например, Э. Хелпман задается вопросом¹: «Экономические и политические интересы взаимодействуют друг с другом, определяя экономическое развитие. Но как именно они взаимодействуют?». Рассмотрев и проанализировав различные подходы, он с сожалением констатирует, что²: «У нас нет ни хорошей теории, которая устанавливала бы связи между политическими институтами и ростом, ни надежных эмпирических доказательств существования таких связей».

Пример экономического развития постсоветских стран, по мнению авторов настоящей тематической подборки, как раз

¹ Хелпман Э. Загадка экономического роста. М.: Изд. Института Гайдара, 2011. 240 с. [С. 202].

² Там же. С. 212.

и является подтверждением наличия подобных связей и дает обширный эмпирический материал для последующих обобщений.

В то же время нельзя не согласиться и с мнением Д. Родрика³, который пишет: «Сегодня утверждение о том, что нет такого набора мер экономической политики, который подходил бы для любой страны, и что реформы должны адаптироваться к конкретным обстоятельствам, стало практически мантрой для специалистов по экономике развития, финансовых экспертов и международных агентств. “Типовые проекты” реформ больше не актуальны; выбор моделей актуален как никогда».

Одна из теорий перехода от диктатуры к демократии была предложена Д. Аджемоглу и Дж. Робинсоном, которые связывают ключевые меры экономической политики с разрешением конфликта по поводу перераспределения влияния между богатыми и бедными, что является движущей силой основных изменений⁴.

Статьи настоящего номера не претендуют на формулировку каких-либо рекомендаций для рассматриваемых стран, но дают представление об основных проблемах их развития через призму самоопределения. Это касается прежде всего современной Украины (статья А. А. Мигранян) и Молдавии (статья Е. М. Кузьминой). В случае стран Центральной Азии основное внимание уделялось собственно экономическим проблемам (статья Г. М. Дуйсен, Д. А. Айтжановой, П. Н. Тесли).

Отметим, что значительное число современных работ по проблемам экономики Казахстана и Центральной Азии было выполнено под эгидой Евразийского банка развития и имеет «инвестиционно-ориентированный характер»⁵, тогда как особенности процесса формирования моделей экономического развития на постсоветском азиатском пространстве, его тесная связь с самоопределением (самоидентификацией) и позиционированием элит, получили у исследователей гораздо меньше внимания. Между тем о значимости данного аспекта свидетельствует

³ Родрик Д. Экономика решает. Сила и слабость «мрачной науки». М.: Изд. Института Гайдара, 2016. 256 с. [С. 198].

⁴ Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: Издательство АСТ, 2016. Введение – X, 693 с.

⁵ См., например, EDB Monitoring of Mutual Investments.// Reports and Working Papers 21/4 – Moscow: EDB Centre for Integration Studies. 2021. 45 p.

заявление президента Республики Казахстан К.-Ж.Токаева: «Моя главная цель – максимально избавиться от монополий, будь то в экономике или политике. ... Конечно, это нелегкая работа, но мы непременно должны к ней приступить. Другого пути просто нет⁶».

Какие группы и каким образом возникают в процессе развития суверенных государств на постсоветском пространстве, как они влияют на формирование и реализацию экономической политики – эти вопросы не могут оставаться вне сферы интересов как исследователей, так и практиков. От ответов на них зависит не только содержание и наполнение экономической политики, но и, в конечном счете, социально-экономическая и политическая стабильность на Евразийском пространстве.

Главный редактор «ЭКО»

КРЮКОВ В.А.

⁶ Токаев: Казахстан должен полностью избавиться от монополий в экономике и политике. – 17 февраля 2022 года.

URL: <https://mir24.tv/news/16496770/tokaev-kazahstan-dolzhen-polnostyu-izbavitsya-ot-monopolii-v-ekonomike-i-politike>

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-3-8-40

Казахстан и другие республики Центральной Азии: разные судьбы после распада СССР¹

Г.М. ДУЙСЕН, доктор экономических наук

E-mail: galyimzhan@inbox.ru; ORCID: 0000-0002-4352-0482

Д.А. АЙТЖАНОВА, кандидат экономических наук

E-mail: diait@inbox.ru; ORCID: 0000-0001-5373-1075

Институт востоковедения им. Р. Б. Сулейменова КН МОН РК,
Алматы, Казахстан

П.Н. ТЕСЛЯ, кандидат экономических наук

E-mail: teslia.pavel@gmail.com; ORCID: 0000-0001-5128-2564

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирский национальный исследовательский государственный
университет, Новосибирск

Аннотация. В статье рассмотрены экономические процессы, произошедшие в Центральной Азии после распада СССР. Расслоение Центральной Азии на относительно успешные (Казахстан и Узбекистан) и проблемные экономики (Таджикистан, Туркменистан и Кыргызстан) стало к концу 30-летнего периода очень отчетливым. Наибольший успех, пришедший на долю Казахстана, связан как с ресурсными факторами (нефть и газ), так и с умеренной реформистской деятельностью. В целом, для центральноазиатских республик характерна высокая доля государственного сектора, что порождает действие ряда негативных факторов. При этом следует отметить позитивные сдвиги, происходящие в экономике Узбекистана за последние 5–7 лет. Главная проблема в Центральной Азии – недостаточно сильная промышленная политика, необходимая для структурных и технологических преобразований и включения в глобальные цепочки создания добавленной стоимости.

Ключевые слова: Центральная Азия; либеральные экономические реформы; коррупция; государственный сектор; приватизация; развитие малого и среднего бизнеса; финансовая и банковская системы

Проблематика экономик Центральной Азии (ЦА) обсуждается в современной научной литературе, на наш взгляд, недостаточно основательно, хотя их роль и значимость для регионального

¹ Работа выполнена в рамках программы целевого финансирования МОН РК на тему: «Внешняя политика Казахстана в контексте развития сотрудничества и формирования региональной системы безопасности в странах Востока» (проект OR11465457).

и глобального развития очень велика. Интенсивные геополитические сдвиги и изменение стратегических балансов, идущие в центральноазиатском регионе после 2014 г., побуждают обратиться к вопросам о происходящих здесь переменах. Дополнительным, хотя и значимым поводом для этого стала «круглая дата» – 30-летие политической и экономической независимости республик ЦА после распада СССР. Из немногочисленных публикаций, освещающих проблематику данных регионов, можно отметить обзоры происходящих там событий [Batsaikhan, Dabrowski, 2017; Pomfret, 2010], работы о транзитном потенциале Казахстана [Вардомский, 2015], о трудностях внутрирегиональных интеграционных процессов [Акунова, 2020; Дуйсен и др., 2020; Тун, Уржумцева, 2019] и по экономическим проблемам отдельных республик [Бободжонов и др., 2019].

В данной статье будут рассмотрены проблемы и возможности экономического развития в центральноазиатских республиках за 30 лет после распада СССР. В связи с этим поставлена задача оценки проведенных экономических преобразований за этот период и основных направлений обеспечения экономического потенциала устойчивого развития республик и их экономической безопасности.

Географические и геополитические нюансы Центральной Азии

При оценивании успехов и неудач независимого развития стран Центральной Азии следует принимать во внимание нюансы географических и геополитических обстоятельств, в которых они находятся.

Во-первых, регион удален от основных центров мировой экономической активности: Северной Америки, Западной Европы, Восточной и Юго-Восточной Азии.

Во-вторых, все страны находятся вдали от магистральных транспортных путей. Так, Казахстан – крупнейшая страна мира, не имеющая выхода к морю (Каспий географически является озером), а Узбекистан, Кыргызстан и Таджикистан не имеют выхода даже к Каспию.

В-третьих, страны Центральной Азии подвержены политической нестабильности, подкрепленной этническими, религиозными,

клановыми, региональными конфликтами², все они, по сути, являются авторитарными режимами и нестабильными соседями. Внешнее их окружение создает многочисленные риски для безопасности и, следовательно, ограничивает потенциал для торговли, транспортного транзита, инвестиций и туризма. В частности, угрозами чреватая ситуация в Афганистане, где недавно пришла к власти запрещенная в России и Казахстане террористическая организация «Талибан», сепаратистское движение в Синьцзянском регионе Китая, индо-пакистанский конфликт в Кашмире и т.д.

В-четвертых, страны Центральной Азии не являются этнически однородными. Русский язык все еще играет роль регионального лингва франка, особенно в Казахстане и Кыргызстане, но его роль слабеет, как слабеет и лояльность к России.

В-пятых, регион находится под мощным влиянием граничащих с ним мировых и региональных держав – России, Китая и Ирана, причем в последнее время значимость России в регионе снижается, а КНР – возрастает. Это заметно, в частности, по динамике географической структуры экспорта и импорта: доля России имеет тенденцию к снижению, в то время как доля Китая увеличивается. Кроме того, ЕС является крупнейшим экспортным рынком для Казахстана и довольно значительным источником импорта в Казахстан, Узбекистан и Туркмению, Турция – важный торговый партнер Таджикистана и Туркмении³.

Разная политика реформ в республиках Центральной Азии

Особенностью пяти центральноазиатских республик было то, что после обретения независимости в 1991 г. они придерживались различных экономических политик. Несмотря на первоначальное сходство в культуре, истории, географии и экономической структуре, их переход от советского централизованного

² Ярким примером являются январские бунты 2022 г., прокатившиеся по городам Казахстана. Начавшиеся с социальных протестов против выросшей в два раза цены на автомобильное газовое топливо в нефтегазовых районах на западе страны, они вспыхнули и в других местах, перерастая в массовые погромы и насилия, особенно шокирующие в Алматы.

³ Основные подвиги в международных торговых позициях стран ЦА рассмотрены в нашей статье [Дуйсен и др., 2020].

планирования варьировался от ускоренной либерализации Киргизии до минимальных реформ Туркмении.

Кыргызстан раньше всех принял советы западных институтов. Этим президент А. Акаев способствовал возникновению самого либерального режима в регионе. Ценообразование и внешняя торговля были полностью либерализованы, проведена первоначальная приватизация. В июле 1998 г. Кыргызстан стал первым постсоветским государством, вступившим в ВТО. Более сложные реформы, такие как преобразование статуса предприятий и создание рыночного финансового сектора, были менее завершенными, а деятельность инфраструктуры (энергетика, транспорт, водоснабжение) оставалась нереформированной.

Туркменистан установил наиболее персонализированный и авторитарный режим в Центральной Азии, проводя политику, основанную на самоизоляции и экономической независимости с минимальными экономическими реформами. Президент С. Ниязов (или Туркменбаши) сохранил контроль над распределением ресурсов, что было относительно легко, учитывая простую структуру экономики с ее высокой зависимостью от экспорта энергоносителей и хлопка, но оказалось неэффективно. Вскоре после обретения независимости С. Ниязов принял популистскую стратегию обеспечения населения бесплатной водой, электричеством, газом, отоплением, солью и другими предметами первой необходимости, однако большая часть государственных доходов уходила на дорогостоящие проекты по поддержанию культуры личности и обеспечению внутренней безопасности.

Постепенность реформ в *Узбекистане* можно объяснить тем, что первоначально, сразу после получения независимости, республика имела относительно высокие показатели ВВП, это стимулировало проведение экономических преобразований, однако топтание на месте привело к тому, что результаты Узбекистана во втором десятилетии оказались разочаровывающими, и реформирование экономики стало неизбежным. Поначалу макроэкономическая стабилизация не была приоритетной задачей, однако после краха рублевой зоны в конце 1993 г. пришлось приступить к борьбе с инфляцией. Макрополитика в течение двух с половиной лет после января 1994 г. проводилась в соответствии со стандартными рекомендациями МВФ, и благодаря этому отношения с международными финансовыми институтами

на некоторое время улучшились. Но в октябре 1996 г., несмотря на взятые перед МВФ обязательства по обеспечению свободной конвертируемости национальной валюты по текущим операциям, Узбекистан отреагировал на падение мировых цен на хлопок введением валютного контроля. Сочетание системы государственного заказа на хлопок и пшеницу и эффективного налогообложения позволило государству достаточно быстро и полно экспроприровать сельскохозяйственную ренту, сохранить финансовую стабильность, не прибегая к займам, и обеспечить устойчивость системы социальной защиты и самого высокого соотношения расходов на образование к ВВП в Содружестве Независимых Государств (СНГ).

Казахстан в 1990-е годы также демонстрировал неспешность реформ, что объяснялось рядом институциональных недостатков, таких, например, как коррупция, особенно тяжелая в секторе нефтедобычи. Но уже во втором десятилетии после обретения независимости реформы начались, и экономика этой республики стала одной из самых успешных в мире.

Таджикистан был единственным из пяти стран, кто не сумел мирно перейти от советской республики к независимому государству. Вплоть до 1997 г. здесь продолжалась кровавая гражданская война, мешающая реализации серьезной и последовательной экономической стратегии, но к концу первого десятилетия президент Э. Рахмонов построил политическую систему, аналогичную системе его соседей.

Распад СССР был неожиданным для стран Центральной Азии. Все они серьезно пострадали. Производственные связи с предприятиями других республик бывшего СССР в начале 1990-х гг. быстро рухнули. Переход к мировым ценам мог бы принести пользу экспортерам энергоресурсов из Казахстана и Туркменистана, но тогда их способность реализовать эти выгоды была ограничена зависимостью от российских трубопроводов, прокачка через которые была сильно ограничена. Попытки не утратить прежние экономические связи путем сохранения рубля в качестве единой валюты обострили в 1992–1993 гг. проблему гиперинфляции и были оставлены к концу 1993 г. В течение десятилетия после обретения независимости происходило национальное строительство. В тех республиках, где основные государственные институты и связанный с ними человеческий

капитал сильнее контролировались из Москвы во времена СССР, процесс шел более медленно.

Население Центральной Азии пережило огромный экономический шок в начале 1990-х годов, хотя точное измерение масштабов экономического спада как по странам, так и во времени затруднительно.

Особенности реформ и главные проблемы в первые две декады

Казахстан. Несмотря на свои ресурсные и геополитические преимущества, Казахстан столкнулся с двумя серьезными проблемами. Это была единственная страна в регионе, где титульная нация не была в большинстве. По переписи 1989 г. население составляло примерно 2/5 казахов, 2/5 русских и 1/5 других этнических групп. После распада СССР значительная часть русского и немецкого населения предпочли эмигрировать, и это были, как правило, люди с высоким образованием и квалификацией, что подрывало преимущество Казахстана в человеческом капитале. Оставшиеся русские были сосредоточены в основном на севере и востоке, вблизи российской границы, что несло в себе потенциал сепаратизма, порождающего политическую и социальную нестабильность. Президент Казахстана был главным сторонником сохранения единого экономического пространства с Россией, и с целью решения демографической проблемы национальная столица с большими затратами была перемещена из Алматы на юго-востоке в Астану (ныне Нур-Султан) в центре северной части страны.

Вторая проблема на пути реализации экономического потенциала Казахстана была связана с нефтяным сектором. Единственный выход за пределы страны для казахстанской нефти давали трубопроводы, проходящие через Россию, и последняя пользовалась своим монопольным положением, регулируя потоки и устанавливая высокие тарифы. Несмотря на многочисленные планы строительства альтернативных трубопроводов, спустя десятилетие после обретения независимости, ситуация практически не изменилась: небольшие объемы нефти переправлялись через Каспийское море, но основная часть по-прежнему экспортировалась через Россию.

Нефть играла ключевую роль в экономическом и политическом развитии Казахстана. Приватизационная программа середины 1990-х гг. привела к тому, что инсайдеры и аффилированные лица получили контроль над ценными активами. Правящие институты стали более авторитарными, а политико-экономическая система – более коррумпированной⁴. Исходные условия с точки зрения ресурсного изобилия оказались заблокированными, нефть и газ из-за транспортных проблем не могли экспортироваться по мировым ценам. Ограниченность экономических реформ и клановый капитализм также препятствовали здоровому экономическому развитию в середине 1990-х гг. В 1996–1997 гг. экономика Казахстана начала было расти, но вновь сильно пострадала от российского кризиса 1998 г.

Восстановление казахстанской экономики после кризиса 1998 г. было вызвано силами мирового рынка и удачей. Резкое реальное обесценивание валюты стимулировало экспорт и помогло правительству решиться на реформы в пользу усиления рыночных механизмов. Подъем мировых цен на нефть, которые стагнировали с 1986 г. по 1998 г., укрепил позитивные тенденции в международной торговле, способствовал открытию крупных нефтяных месторождений на Каспии и новых трубопроводных маршрутов.

Доминирующим экономическим фактором в Центральной Азии с 1999 г. по 2008 г. был бум цен на энергоносители. Он был особенно важен для Казахстана, чьи крупные каспийские нефтяные месторождения начали давать большое количество нефти для экспорта после рубежа веков благодаря запуску независимых трубопроводов через Россию (2001 г.) и Турцию (2005 г.). Таким образом, Казахстан выигрывал как от увеличения объемов добычи и продаж, так и от повышения цен, а также усилил свои позиции в переговорах о транзитных сборах.

Кыргызстан. Экономика Кыргызстана была тесно связана с экономикой Советского Союза, поэтому она сильно пострадала

⁴ В конце 1990-х гг. в Казахстане разразился крупный коррупционный скандал, получивший в мировой прессе название «Казахгейт». Ряд высокопоставленных лиц оказались замешанными в коррупционных экспортных схемах поставок нефти по контрактам, платежи по которым сопровождались откатами. Взятчики были наказаны, а их заграничные авуары арестованы и направлены на благотворительные цели [Lillis, 2018].

от распада СССР. Хотя киргизы составляли большинство, на севере страны присутствовало значительное славянское, а на юге – узбекское население. Это, как и в Казахстане, создавало серьезные этнические и конфессиональные проблемы.

Как уже отмечалось, с 1993 г. по 1998 г. Кыргызстан был самой реформистской из среднеазиатских республик. Объяснялось ли это тем, что президент А. Акаев был самым либеральным лидером, или же у него было меньше всего альтернатив, – вопрос дискуссионный. В мае 1993 г. Кыргызстан первым заменил рубль национальной валютой⁵, что было частью программы экономических реформ, направленной на сдерживание инфляции и более эффективное распределение ресурсов посредством рыночного ценообразования. Кыргызстан добился успеха в борьбе с инфляцией, но все же столкнулся с большим бюджетным дефицитом, поскольку налоговые поступления упали, а государственные расходы не были пропорционально сокращены. Общий дефицит государственного бюджета достиг максимума в 17% ВВП в 2010 г.

Рынок быстро показал, что экономика Кыргызстана была фундаментально, технологически неэффективной. Единственным крупным предприятием, показывавшим положительный финансовый результат, был Кумторский золотой рудник, совместное предприятие с канадской компанией. К началу 2000-х гг. на долю рудника Кумтор приходилась шестая часть ВВП республики, но под давлением канадских акционеров дивиденды поглощали основную часть прибыли.

Хрупкость экономики Кыргызстана проявилась во время российского кризиса 1998 г. Хотя она после распада СССР стала менее тесно связана с российской, чем казахстанская, шок для Кыргызстана оказался более сильным из-за слабости киргизского финансового сектора. Три из четырех крупнейших банков страны были ликвидированы в 1998–1999 гг., а активы банковского сектора к концу 2000 г. сократились со 160 до 90 млн долл., то есть с 10 до 7% ВВП.

То, что лидерство в проведении либеральных реформ не принесло Кыргызстану экономического успеха, можно объяснить его ресурсной бедностью (в том числе и слабым человеческим

⁵ За Кыргызстаном последовали Казахстан, Туркменистан, Узбекистан (все три в ноябре 1993 г.) и Таджикистан (май 1995 г.).

капиталом), плохими стартовыми условиями, низким уровнем капиталовооруженности, недостаточно последовательным осуществлением реформ и отсутствием стратегии развития после 1998 г.

Второе десятилетие независимости Кыргызстана знаменовалось появлением новых возможностей, обусловленных прогрессом энергетического сектора. Растущий спрос на электроэнергию стимулировал новые проекты по использованию огромного гидроэнергетического потенциала горных районов Таджикистана и Киргизии, реализация гидропроектов вызвала противоречие между республиками региона – Казахстаном, Узбекистаном и Туркменистаном. В советское время вода использовалась для нужд сельского хозяйства нижнего течения рек, а Киргизия и Таджикистан обеспечивали своих соседей энергией. С момента обретения независимости не было реализовано каких-либо крупных новых гидропроектов, а соглашения об обмене энергией и водой продолжали действовать. Тем не менее напряженность в отношениях сохранялась и даже нарастала.

Таджикистан. Шок от развала СССР здесь усугубился гражданской войной, которая унесла десятки тысяч жизней и вынудила полмиллиона человек уехать из республики в течение первого года после обретения независимости. После 1997 г. политика правительства на некоторое время оказалась довольно либеральной. Страна в основном следовала рекомендациям международных организаций, однако их осуществление было половинчатым, особенно в конце 1990-х годов, когда центральное правительство лишилось полноты контроля над национальной территорией. После сентября 2001 г. президент Э.Ш. Рахмонов стал более настойчивым в очищении правительства от оппозиционных деятелей при молчаливой поддержке Запада. Это укрепило его власть, а реформы почти на десятилетие были приостановлены.

Экономические показатели 1990-х годов были катастрофическими. Объем производства к концу периода сократился на две трети. Отсутствие рабочих мест привело к тому, что многие мужчины мигрировали в Россию в поисках работы, и поскольку их денежные переводы в основном возвращались, минуя банки и почту, и не регистрировались, трудно оценить, насколько это стабилизировало доходы населения. Иностранная помощь шла

главным образом из России и была в основном военной, что мало способствовало экономическому росту. Слабая финансовая политика привела Таджикистан к самому высокому отношению государственного долга к ВВП среди всех постсоветских государств. Хотя экономика начала расти после 1997 г., рост с низкой базы был очень медленным.

Туркменистан долгое время был одной из беднейших союзных республик, но в последние советские десятилетия там начался бурный рост, основанный на хлопке и природном газе. Переход от советских цен к мировым обеспечил Туркменистану более выгодные условия экспорта, чем любому другому постсоветскому государству, но унаследованная инфраструктура направляла поток энергоносителей исключительно в страны СНГ, и монополистические покупатели быстро накопили значительную задолженность. Для решения этой проблемы Туркменистан принял решительные меры по прекращению поставок газа должникам в период с марта 1997 г. по январь 1999 г. Это нашло отражение в падении ВВП после 1997 г., когда другие страны начали восстанавливаться. Кроме того, механизмы централизованного планирования, рухнувшие в начале 1990-х годов, не были заменены функционирующей рыночной экономикой. Правительство Туркменистана сохраняло жесткий контроль над сельскохозяйственным сектором системой, похожей на государственную монополию Узбекистана, и с помощью валютного контроля, который был ужесточен после 1998 г. Репрессивная сельскохозяйственная политика и ошибочные управленческие решения привели к тому, что урожайность хлопка упала намного больше, чем в соседнем Узбекистане, и экспортные доходы в 1990-е годы резко сократились. Энергетический сектор также оставался под жестким президентским контролем; производство резко сократилось в 1990-е годы, и мало что было сделано для освоения потенциально крупных запасов нефти и газа Каспийского моря.

Данные по Туркменистану являются наименее надежными из всех стран с переходной экономикой, статистикой там манипулировали сильнее, чем в остальных центральноазиатских республиках. Тем не менее любому наблюдателю ясно, что после обретения независимости экономика Туркменистана существенно ухудшилась, особенно за пределами столицы.

Узбекистан – самая густонаселенная из стран Центральной Азии, и его экономические итоги после обретения независимости являются самыми спорными. Стартовые условия можно оценить как нейтральные, а экономические реформы были осторожными, но в 1990-е годы Узбекистан оказался наиболее успешным из всех постсоветских республик, включая быстро реформирующиеся и географически более благополучные страны Балтии. У узбекского правительства были прохладные взаимоотношения с международными финансовыми институтами, и это стало причиной «узбекской загадки»: как объяснить удовлетворительные экономические показатели страны, отстающей в проведении либеральных экономических реформ?

Благоприятным фактором развития Узбекистана было положение Ташкента как региональной столицы советской Средней Азии. Получение в наследство от СССР накопленных активов привело к тому, что в Узбекистане оказались самый большой воздушный флот и значительная часть советской военной техники, оставшейся в Центральной Азии. Менее ощутимо, но, возможно, стратегически наиболее важно было то, что Узбекистан унаследовал и самых эффективных администраторов в регионе. Физическая инфраструктура, включая как внутреннюю транспортную сеть, так и ирригационные каналы, имеющие решающее значение для хлопковой экономики, поддерживалась относительно хорошо. Коррупция, широко распространенная во всей Центральной Азии, в Узбекистане была не так сильна, как в других четырех странах, что подразумевает более результативный центральный контроль и относительно высокий уровень эффективности государственной службы.

Узбекистан с самого начала взял курс на самодостаточность, и это могло задуть экономический прогресс, но наличие сравнительно хорошо управляемой экономики помогло свести к минимуму масштабы переходной рецессии, и постепенных реформ было достаточно, чтобы обеспечить основу для скромного, но устойчивого роста после 1995 г. Важно и то, что республика отказалась установить конвертируемость валюты и прибегла к валютному контролю после снижения цен на хлопок в 1996 г. Завышенный официальный обменный курс позволил государству, как монопольному покупателю хлопка, получать от фермеров большую ренту (разницу между мировой и внутренней ценой),

он также защищал отечественных производителей от притока на рынок иностранной продукции и позволял людям, имеющим доступ к иностранной валюте, получать прибыль на черном рынке.

Опыт других стран, которые полагались на аналогичные сельскохозяйственные налоги, свидетельствует, что такие меры могут оказывать краткосрочное стабилизирующее воздействие, но приводят к существенным долгосрочным издержкам нерационального распределения ресурсов. Это произошло и в Узбекистане. Следствием консервативной экономической политики стало возникновение корыстного стремления к выгоде, извлекаемой из регулируемой системы, со стороны тех, кто выступал против реформ даже после того, как валютный контроль был официально отменен в конце 2003 г., но многие практические ограничения на доступ к иностранной валюте остались.

Если в 1990-е годы Узбекистан и Казахстан соперничали за гегемонию в Центральной Азии, то после 2000 г. на волне нефтяного бума Казахстан сильно вырвался вперед по экономической мощи. Прямое воздействие этого бума на Узбекистан оказалось в целом нейтральным, поскольку большая часть добываемых углеводородов потребляется внутри страны. Косвенные последствия были, однако, существенными: обострилась напряженность в отношениях с соседними Таджикистаном и Кыргызстаном, поскольку эти страны верхнего течения рек Узбекистана стали активнее использовать свои водные ресурсы для производства электроэнергии, а Узбекистан стал полностью обеспечивать себя электроэнергией, но нуждался в воде для орошения хлопковых полей. Условия водно-энергетического обмена стали несбалансированными. Экономическое процветание Казахстана также бросило вызов узбекским претензиям на политическое лидерство, которые в 1990-е годы казались несомненными.

Третье десятилетие независимости. Перспективы

Сильная зависимость экономического роста от экспорта природных ресурсов ряда центральноазиатских стран создает угрозу для устойчивости развития в условиях усиления волатильности мировых рынков сырья и энергоресурсов.

Казахстан. Несмотря на декларируемые правительством усилия по экономической диверсификации, промышленность дала в 2019 г. только 11% ВВП, при этом более половины этой незначительной доли (6,7 из 11,8 трлн тенге, или 57%) произошла из добывающих отраслей⁶. Экспорт Казахстана почти на 2/3 состоял из нефтепродуктов (58%) и газа (6%)⁷. Чувствительность к шокам цен на сырьевые товары была продемонстрирована обвалом цен на нефть в 2014–2015 гг. Динамика ВВП упала с 6,0% в 2013 г. до 1,2% в 2015 г. и примерно таких же темпов в дальнейшем.

Если на долю добывающих отраслей приходилось (2019 г.) 57% от продукции всей промышленности, то из всех промышленных инвестиций 7,8 трлн тенге в развитие добычи природных ресурсов направлено 5,6 трлн тенге, или 71%⁸, что свидетельствует о недиверсификации и усилении сырьевой специализации.

Какие проблемы препятствуют устойчивому развитию Казахстана?

1. *Аномально высокая значимость добывающего сектора*, которая наращивается не только из внутренних, но и из внешних источников. Так, около 60% притока прямых иностранных инвестиций в 2001–2015 гг. в Казахстане приходилось на добывающие отрасли⁹, доля которых составила лишь 6,3% от ВВП, то есть почти в 10 раз более интенсивно, чем во всю остальную часть экономики. Это аномально много, даже учитывая высокую капиталоемкость добывающего сектора. Казахстан ускоренными темпами становится энергетической колонией. Вопрос: чьей?

2. *Гипертрофированное присутствие государства в экономике.* Государственные и квазигосударственные предприятия производят до 50% ВВП, что значительно выше среднего

⁶ Статистический бюллетень по основным показателям промышленности Казахстана. Акционерное общество «Казахстанский центр индустрии и экспорта QazIndustry». г. Нур-Султан, 2020 г. С. 2, 9.

⁷ UN Comtrade.

⁸ Статистический бюллетень по основным показателям промышленности Казахстана. Акционерное общество «Казахстанский центр индустрии и экспорта QazIndustry». г. Нур-Султан, 2020 г. С. 28.

⁹ Kazakhstan Diagnostic Paper: Assessing progress and challenges in developing sustainable market economy. EBRD. July 2017. Примечательно, что только 16% китайских инвестиций в Казахстан идут в добывающие отрасли [Додонов, 2020. С. 126]. Парадоксальным образом получается, что Китай больше заинтересован в диверсификации казахстанской экономики, чем местные власти и бизнес.

показателя по странам ОЭСР-8 и всем странам ОЭСР (19 и 15% соответственно). Например, национальному холдингу «Самурык-Казына» (SK Holding) принадлежит значительная и часто доминирующая роль в таких отраслях, как добыча полезных ископаемых и разработка карьеров (60% активов сектора добычи природных ресурсов), аналогично, хотя и не в таких масштабах и по другим секторам государство контролирует электроснабжение, газоснабжение и кондиционирование воздуха (42%), транспортировку и хранение (31%), информационные телекоммуникации (30%). Сельскохозяйственный сектор также характеризуется сильным присутствием государства, при этом «Продовольственная контрактная корпорация», полностью принадлежащая государству через Национальный холдинг «КазАгро», является крупнейшим трейдером и экспортером зерна¹⁰.

В настоящее время в Правительстве Казахстана существует четкое понимание необходимости повысить эффективность экономики и снизить роль государства, в том числе путем приватизации госпредприятий. Так, ключевой целью проекта «Трансформация», который был запущен в 2014 г., является перевод SK Holding с функций администратора государственных активов на роль активного инвестора. «Трансформация» сосредоточена на повышении стоимости холдинговых компаний, росте эффективности и внедрении новых принципов корпоративного управления. Проект охватывает холдинг SK и его дочерние компании «Казакстан темир жолы», «Казпочта», «КазМунайГаз», KEGOC, «Самрук-Энерго», «Казатомпром» и «Самрук-Казына Контракт».

3. *Слабый банковский сектор и проблемы с доступом к финансированию* сдерживают развитие более диверсифицированной и устойчивой экономики. Банковский сектор недостаточно устойчив, несмотря на, казалось бы, благополучную отчетность. Заявленная совокупная капитализация адекватна (по состоянию на октябрь 2020 г. коэффициент достаточности капитала $k_1 = 19,9\%$ при нормативном минимуме 12%; $k_2 = 25,3\%$)¹¹.

¹⁰ Kazakhstan Diagnostic Paper. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/161381493298696029/pdf/114651-v2-WP-PUBLIC-KazakhstanCPFLDiagReviewVolumeIFINAL.pdf>

¹¹ Текущее состояние банковского сектора Казахстана по состоянию на 1 октября 2020 г. Агентство Республики Казахстан по регулированию и развитию финансового рынка. Алматы 2020 г.

Однако капитализация подвержена рискам из-за давления ряда факторов, в числе которых наиболее значимы внебалансовые обязательства и замороженные убытки от реструктурированных кредитов. Ситуация с тенговой ликвидностью на рынке хотя и улучшилась после 2016 г., но все еще остается очень сложной, что обусловлено высоким уровнем долларизации, жесткой денежно-кредитной политикой Национального банка Казахстана и слабой развитостью местных денежных рынков. Повышение устойчивости банковского сектора имеет решающее значение для дальнейшего развития частного бизнеса, особенно в несырьевых отраслях, с учетом долговременных последствий кризисов 2008 и 2014–2015 гг.

4. *Инфраструктура и логистика.* Казахстан добился значительного прогресса в улучшении инфраструктуры и снижении «мягких» барьеров в торговле, однако трансграничное сообщение остается недостаточно развитым из-за невысокого качества логистики и больших затрат на пересечение границ. Издержки трансграничной торговли промышленными товарами достигают 50% адвалорной стоимости при торговле с Россией и более 200% – с Арменией¹².

В стране, не имеющей выхода к морю, дороги играют ключевую роль в экономике, но дорожный сектор не полностью реформирован и нуждается в инвестициях. Государственная железнодорожная компания «Казакстан темир жолы» является естественной монополией. В последние годы она значительно улучшила свое управление, стратегическое планирование, финансовую, производственную и энергетическую эффективность, однако остаются значительные проблемы в отношении структуры тарифов, которые не отражают затраты и перекрестного субсидирования между пассажирскими и грузовыми операциями. Кроме того, издержки и риски торговли растут под влиянием коррупции в секторе транспорта и логистики. Бизнес-сообщество воспринимает ее как одно из самых больших препятствий для ведения бизнеса.

5. *Экологичность развития.* В долгосрочной перспективе экологизация казахстанской экономики может стать ключевым

¹² Kazakhstan Diagnostic Paper. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/161381493298696029/pdf/114651-v2-WP-PUBLIC-KazakhstanCPFLDiagReviewVolumeIFINAL.pdf>

фактором создания благоприятных условий для роста частного сектора. Обязательства Казахстана на Парижском экологическом форуме 2015 г. по сокращению выбросов CO₂ к 2030 г. на 15–25% по сравнению с 1990 г. (при условии получения международных средств) и «экологизация» основных торговых и инвестиционных партнеров Казахстана – Китая и ЕС актуализируют внедрение рамок зеленой экономики, поскольку текущее воздействие на окружающую среду не является устойчивым. Частный сектор призван сыграть ключевую роль в увеличении доли возобновляемых источников энергии в энергобалансе страны, повышении энергоэффективности экономики, внедрении новых механизмов финансирования (например, выделенных кредитных линий для маломасштабных «зеленых» проектов), а также в переходе к более устойчивым методам производства, например, посредством внедрения климатически сбалансированных технологий. За последние годы Казахстан предпринял значительные усилия по совершенствованию нормативно-правовой базы, регулирующей зеленую экономику, включая принятие одноименного закона (2016 г.), но требуются серьезные усилия по ее дальнейшему развитию и, в более широком плане, созданию условий для участия частного сектора.

При развитии глобального низкоуглеродного сценария Казахстан, вероятно, потеряет существенные государственные и частные доходы от ископаемого топлива. Согласно оценкам Инициативы ЕБРР по климатической политике, наибольшие потери будут нанесены государственным доходам, связанным с нефтяным сектором, которые в период с 2015 по 2030 гг. сократятся на 23% по сравнению с «обычным бизнесом». Впрочем, скорость перехода к зеленой экономике во многих странах сдерживается корыстными интересами, связанными с углеродоёмкими производствами.

6. *Инклюзивность роста.* Казахские компании все чаще сталкиваются с проблемами привлечения работников с навыками, необходимыми для повышения конкурентоспособности сырьевых секторов. Отсюда вытекают высокие затраты на поиск, найм и обучение персонала, низкая динамика производительности труда, сложности с продвижением ресурсосберегающих инноваций и разработкой новых продуктов. Особенно остро кадровые проблемы стоят в регионах. Согласно исследованию

2017 г., 29,4% фирм в Восточном Казахстане, 18,9% на Западе и 18,5% на Севере сообщают, что недостаток образования у работников является основным препятствием для ведения бизнеса. В Алматы и Астане (ныне Нур-Султан) об этом заявили не более 5% компаний. В национальном опросе работодателей 2013 г. самые значительные доли незаполненных вакансий относились к «специалистам высшей квалификации» (25,8% от общего числа) и «квалифицированным работникам... в области промышленного машиностроения, строительства, транспорта, связи и геологии» (15,6%). Отметим, что при этом Казахстан имеет неплохие показатели по занятости молодежи: безработица составляет всего 4,1%, что ниже общего уровня безработицы во всех возрастных группах (5%).

Кыргызстан. В отличие от Казахстана здесь частный сектор играет ключевую роль в экономике. Он генерирует, по разным оценкам, 70–75% ВВП. Однако его доля практически не изменилась с начала 2000-х годов, что отражает низкую конкурентоспособность и стагнацию производительности. Устранение основных препятствий для развития частного сектора в Кыргызстане будет иметь ключевое значение для раскрытия его потенциала и увеличения вклада в диверсификацию экономического роста и создание рабочих мест. Размер государственных предприятий в республике невелик, их число составляет примерно 135 единиц, но менее 10% из них приносят заметную прибыль¹³.

Согласно официальной статистике Кыргызстана, в 2013–2019 гг. на долю МСП приходилось 40% ВВП, при этом значительную долю добавленной стоимости (более 20% ВВП) производили индивидуальные предприниматели. В целом сектор МСП достаточно эффективен, – генерируя 3/4 ВВП, он занимает только 1/5 рабочей силы. Однако следует учесть, что МСП распространены преимущественно в сельском хозяйстве и сфере услуг, а в промышленности доминируют государственные предприятия. Кроме того, истинный вклад МСП недооценивается из-за наличия значительного неформального сектора, на долю которого, по данным госстатистики, в 2017 г. пришлось 23,6% ВВП, но вполне вероятно, что истинные размеры неформальной экономики Кыргызстана еще более значительны.

¹³ Kyrgyz Republic Diagnostic. EBRD. May 2019.

Так, в исследовании 2019 г. доля теневого сектора оценивалась примерно в 40% [Williams, Horodnic, 2019]. Неформальная занятость преобладает в сельском хозяйстве, строительстве и сфере услуг. В докладе ОЭСР¹⁴ говорится, что примерно две трети работников трудятся в неформальном секторе, из них 80% заняты в сельском хозяйстве.

Среди факторов, вынуждающих фирмы/работников уходить в тень, наиболее значимы тяжесть бремени взносов на социальное обеспечение (27,25% от заработной платы), чрезмерные административные препятствия и громоздкое регулирование. Наличие большого неформального сектора ставит легальный бизнес в невыгодное положение, подвергает его неравной конкуренции. Правительство с помощью международных экспертов в настоящее время разрабатывает обновленный план действий¹⁵.

Иностранный капитал играет в Кыргызстане заметную роль. В 2017 г. 3107 предприятий с участием иностранных инвестиций произвели примерно 22% ВВП. Иностранные инвесторы охотнее всего вкладываются в торговлю (37% всех предприятий с участием иностранного капитала), промышленность (17%), профессиональную и научную деятельность (13%). Приток ПИИ в 2013–2018 гг. составлял от 7 до 24% ВВП ежегодно. Крупнейший инвестор – Китай, за которым следуют Россия, Канада и Казахстан¹⁶.

В последние годы этот приток, однако, сильно замедлился. Инвесторов отпугивают обостряющиеся проблемы: нестабильность регулирования, связанная с политическими потрясениями, дискреционные полномочия налоговых чиновников, коррупция и слабость судебной системы. Так, проблемы, связанные с деятельностью золотодобывающего рудника Кумтор, включая продолжающиеся с 2015 г. споры по поводу контроля над активами, привели к резкому падению канадских инвестиций в 2017 г. Вероятно, разрешение ситуации вокруг Кумтора может восстановить доверие инвесторов и поддержать рост ПИИ. Еще одним серьезным ограничением является небольшой размер киргизского рынка. Более глубокая интеграция в глобальные и региональные

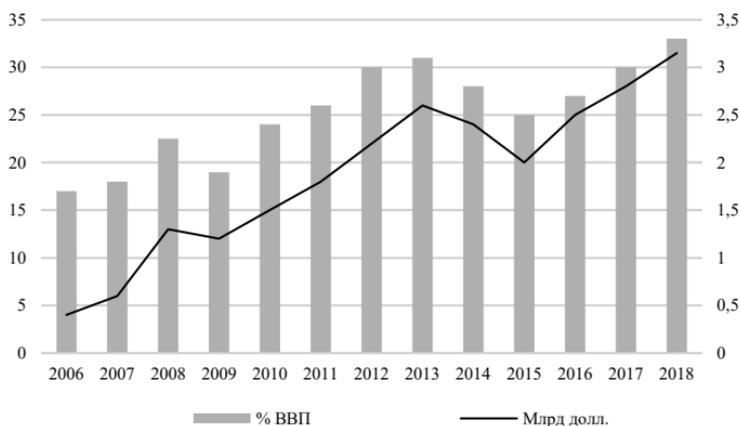
¹⁴ OECD/ILO (2017) How Immigrants Contribute to Kyrgyzstan's Economy, OECD Publishing, Paris. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264287303-en>.

¹⁵ Kyrgyz Republic Diagnostic. EBRD. May 2019.

¹⁶ Там же.

цепочки создания стоимости позволила бы лучше использовать эффект масштаба и разнообразия видов экономической деятельности и, таким образом, способствовала бы повышению инвестиционной привлекательности Кыргызстана.

Производительность труда в Кыргызстане одна из самых низких в регионе (ниже – только в Таджикистане) и не проявляет заметных признаков роста. Экономический рост в республике сильно зависит от добычи золота (9% ВВП в 2018 г.) и денежных переводов мигрантов (около 33% ВВП). Прирост реального ВВП за последнее десятилетие составил 4,4%. При этом доля в нем денежных переводов от граждан, работающих за рубежом, увеличилась вдвое (рис. 1). Признаков прекращения этой тенденции не просматривается, особенно с учетом вступления Кыргызстана в ЕАЭС.

Источник. Построено авторами по данным National Statistics Committee of the Kyrgyz Republic, World Bank World Development Indicators.

Рис. 1. Денежные переводы в Кыргызстан в 2006–2018 гг.,
(левая шкала – % ВВП), (правая шкала – млрд долл. США)

Вступление в ЕАЭС в августе 2015 г. привело к переориентации с реэкспорта на экспорт большего количества товаров местного производства, что, вероятно, улучшит общую структуру экономики и поддержит создание более высокой добавленной стоимости в средне- и долгосрочной перспективе. Экспорт за 2015–2018 гг. увеличился на 17% в долларовом выражении,

а без учета золота – на 32%. Возросли продажи одежды, медного лома, стекла, цемента, хлопчатобумажных тканей, восстановился экспорт электроэнергии. Доля России в экспорте Кыргызстана выросла за эти три года с 10,9% до 16,1%, импорт увеличился на 19% (на 28% без учета минерального топлива). Этот рост в основном произошел за счет текстиля и обуви, машин, животных и сельскохозяйственной продукции. Заметим при этом, что Китай, хотя и не является членом ЕАЭС, обгоняет Россию по объему импорта из Кыргызстана.

Однако главным преимуществом вступления в ЕАЭС стало смягчение ограничений по трудовой миграции в страны – члены союза. По официальным данным, в 2017 г. за рубежом работало около 800 000 граждан Кыргызстана, в то время как альтернативные источники называют цифру в 1,2 млн. Членство в ЕАЭС отменяет квоты для трудящихся-мигрантов, освобождает их от необходимости получения разрешений, обеспечивает социальную защиту страны-получателя. Ожидается, что это приведет к дальнейшему увеличению числа мигрантов, ищущих работу за рубежом, учитывая, что население республики растет быстрее, чем идет создание рабочих мест внутри страны.

К числу ключевых проблем Кыргызстана в первую очередь относится *низкое доверие деловых кругов к государственным институтам*. Частые изменения в правительстве (в среднем каждые 10 месяцев с момента обретения независимости) создают политическую нестабильность и неопределенность, ослабляют преемственность в проводимой экономической политике. Нормы регулирования постоянно меняются, как и публичные партнеры по проектам, все это вкупе с ограниченными возможностями и ресурсами государственных учреждений препятствует реализации сколько-нибудь серьезных долгосрочных стратегий. Отсутствие однородности механизмов господдержки, обременительный бюрократизм затрудняют бизнес-планирование, позволяют заинтересованным лицам во властных структурах манипулировать процедурами в своих корыстных интересах, тем самым препятствуя предпринимательству. Программа цифровой трансформации, запущенная в июне 2017 г., направлена на то, чтобы перевести все государственные услуги в электронный формат, она является важным пунктом повестки дня по борьбе с коррупцией, средством повышения прозрачности и подотчетности.

Запуск электронного лицензирования для МСП («электронный патент») с 1 октября 2018 г. стал одним из первых ощутимых результатов программы.

Усилиям по улучшению бизнес-среды сильно препятствует *коррупция*. Несмотря на некоторое повышение позиции Кыргызстана в рейтинге восприятия коррупции Transparency International, коррупционная практика все еще рассматривается как ключевое препятствие для развития частного сектора, последовательного применения и надлежащего осуществления закона. Она создает дополнительный скрытый «налог» на бизнес и фактически увеличивает стоимость предпринимательства.

Президент С.Ш. Жээнбеков, избранный в конце 2017 г., сделал борьбу с коррупцией главным направлением своей программы. Однако последовавшая череда многочисленных уголовных дел против коррупционеров, аресты видных политиков и бизнесменов, в том числе бывшего премьер-министра и мэра города Бишкек, неожиданно привели к негативному эффекту, почти заморозив процесс принятия правительственных решений, как в отношении реформы, так и в отношении прозрачности и подотчетности судебной системы. В результате в Индексе экономической свободы Кыргызстан занимает место ниже среднего как по показателям эффективности судебной системы, так и по критериям прав собственности. Тем не менее новый президент Садыр Жапаров, избранный в январе 2021 г., намерен продолжить антикоррупционную борьбу, тем более что прежде он возглавлял Агентство по предупреждению коррупции при Государственной кадровой службе республики.

Таджикистан. Происходящие здесь в последнее десятилетие структурные преобразования трудно назвать благоприятными. Доля сельского хозяйства увеличилась с 18% до 23% от общей добавленной стоимости, в то время как промышленность¹⁷ и коммунальные услуги сократили свою совокупную долю с 28% до 13%. Торговля и отели стали крупнейшим сектором, занимая с 15 до 28% ВДС. Сектор услуг в целом обеспечивает около 53% ВДС.

¹⁷ В стране в основном действуют производства электроэнергии, алюминия, переработки нефти, пищевой и легкой промышленности.

Как и в Кыргызстане, ограниченные возможности экономики Таджикистана привели к массовой трудовой эмиграции и росту зависимости от денежных переводов мигрантов. По официальным данным, в 2016 г. за рубежом работало около 550 тыс. граждан Таджикистана. Это составляет примерно 6% населения, или 25% рабочей силы страны. Фактическая численность таджикских трудовых мигрантов может быть еще выше. Таджикистан экспортирует в основном низкоквалифицированных работников – большинство имеют максимум среднее образование. Россия принимает 99% таджикских мигрантов и обеспечивает наибольшую долю притока денежных переводов в страну.

Достигнув пика почти в 50% ВВП в 2008 г., доля денежных переводов понизилась до 29% в 2018 г. Переводы стимулируют рост частного потребления, которое в настоящее время составляет наибольшую долю ВВП. В 2007–2014 гг. потребительские расходы достигли 110% ВВП¹⁸, но снизились до 90% в 2015–2018 гг. Доля инвестиций в ВВП в прошлом была очень низкой, но начала расти в 2015 г., что было обусловлено государственными расходами на крупномасштабные инфраструктурные проекты, включая Рогунскую ГЭС. Однако частные инвестиции по-прежнему ограничены, что является отражением недружелюбности деловой среды. Вклад экспорта сильно сократился с 2007 г. в ответ на замедление спроса на основные товары Таджикистана.

В сельском хозяйстве занято 60% рабочей силы. На образование и здравоохранение также приходится значительная доля занятости. На деятельность с более высокой добавленной стоимостью, такую как высокопроизводительные услуги (транспорт, связь и торговля), промышленное производство и строительство, приходится лишь 19%¹⁹.

По оценкам Всемирного банка²⁰, в 2013 г. около 57% работников были заняты в неформальном секторе: 39% – в качестве неоплачиваемых семейных работников и 18% – получая зарплату

¹⁸ Данный факт объясняется наличием значительного положительного сальдо по текущим операциям, отражаемым в платежном балансе и в макростатистике ВВП. Денежные переводы из-за рубежа позволяли компенсировать дефицит внутренних доходов, обусловленный вынужденной безработицей и экспортом рабочей силы за рубеж, это и стало причиной превышения потребительских расходов над ВВП.

¹⁹ Tajikistan diagnostics. EBRD. March 2020.

²⁰ Tajikistan Jobs Diagnostic: Strategic Framework for Jobs. World Bank, 2017

«в конвертах»). Неформальная занятость преобладает в сельском хозяйстве, торговле и строительстве. Национальная стратегия развития на период до 2030 г. определяет *неформальную экономику как одну из главных проблем страны*, негативно влияющую на инвестиции, производительность и государственные доходы. Только размер недополученных налоговых поступлений от неформального сектора разработчики документа оценивают в 17% ВВП. При этом они признают, что привлекательность неформальной занятости поддерживается обременительным государственным регулированием легальной экономики.

Создание благоприятных условий для инвесторов особенно важно для Таджикистана в свете относительно *высокого государственного долга* (по оценке МВФ, в 2018 г. он составил 47,9% ВВП) и ограниченного бюджетного пространства. Учитывая низкий уровень ПИИ и частных инвестиций, крупные инфраструктурные проекты финансируются главным образом государственным сектором за счет займов от международных финансовых учреждений и двусторонних кредиторов. Условия кредитов, расходы на обслуживание долга являются относительно скромными, однако существует значительное финансовое давление, связанное главным образом с расходами на строительство Рогунской ГЭС, а также рисками кредитных гарантий со стороны национального банковского сектора и государственных предприятий.

В частном секторе Таджикистана в 2017 г. было произведено около 62% ВВП (против 52% в 2012 г.). Это сопоставимо с показателями Кыргызстана и значительно выше, чем, в Казахстане. Частный сектор обеспечивает 66% рабочих мест, в основном – в сельском хозяйстве, торговле, гостиничном бизнесе и обрабатывающей промышленности. Но проблемой является его слабый динамизм. На каждые 10 000 человек трудоспособного возраста в Таджикистане ежегодно создается всего 1,8 компании против 13 в Кыргызстане и 22 в Казахстане. *Вялый бизнес не привлекает достаточных инвестиций*. В этом и состоит главная причина застоя таджикской экономики.

Государственные предприятия остаются доминирующими во многих секторах. Они заметно присутствуют в энергетике, горнодобывающей промышленности, транспорте, коммунальных услугах, связи, страховании и банковском деле. Госсектор производит

более 40% ВВП и 50% инвестиций. Играя значительную экономическую роль, государственные предприятия продолжают порождать высокие финансовые и общие макроэкономические риски для страны. Их сильное присутствие ограничивает конкуренцию, что приводит к предоставлению услуг низкого качества. Из-за растущих убытков и обязательств некоторые государственные предприятия поглощают большую долю бюджета, и это подрывает финансовую позицию правительства.

В госсекторе имеется около 920 государственных унитарных организаций и свыше 140 акционерных обществ, где в большинстве случаев государство является мажоритарным владельцем. При этом централизованная система мониторинга эффективности и анализа вклада госпредприятий в экономику отсутствует. Исключения составляют 24 крупнейших госпредприятия, контроль за которыми осуществляется специальным подразделением, созданным в 2008 г. в Министерстве финансов. Но, похоже, даже этот мониторинг осуществляется неэффективно. Согласно имеющимся данным, общие убытки этих 24 предприятий в 2015 г. составили около 5% ВВП.

Таджикистан удаляется от мировых цепочек создания стоимости. В последние несколько лет оборот внешней торговли составлял около 57% ВВП страны, и в ней преобладает импорт. Это намного скромнее, чем 107% в 2003–2013 гг. Спрос на основные статьи экспорта Таджикистана (руды, хлопок-сырец и алюминий) сокращается. Зависимость от ограниченного числа сырьевых товаров делает экономику уязвимой к волатильности цен на эти товары.

Таджикская экономика непривлекательна для иностранных инвесторов. Объем накопленных прямых иностранных инвестиций (около 2,6 млрд долл.) там самый низкий в Центральной Азии. Основная часть ПИИ поступает из России и Китая. Их приток в 2007–2017 гг. был сосредоточен в добывающей промышленности и энергетике (42%), другими секторами, привлечшими ПИИ, являются обрабатывающая промышленность, финансовый сектор, связь и строительство.

Туркменистан. Закон о разгосударвлении и приватизации государственной собственности был принят здесь в 2013 г. и вступил в силу в июле 2014 г. За три года было приватизировано около 400 предприятий, что составило менее 5% от их общей

численности. Энергетический сектор приватизации не подлежит, и правительство заявило о своем намерении сохранить его в неизменном виде. Он поглощает до 70% бюджетных средств, выделяемых на экономику²¹.

Частные предприятия в значительной степени управляются государством и встроены в государственные программы путем координации их деятельности Союзом промышленников и предпринимателей. Государство строго контролирует доступ частного бизнеса к финансовым ресурсам (особенно к иностранной валюте) и земле. Государственные закупки осуществляются весьма избирательно.

Многочисленные программы экономического развития в Туркменистане охватывают широкий спектр видов деятельности, начиная от обобщающей Программы социально-экономического развития до программ энергосбережения (включая поддержку альтернативных энергоисточников) и развития туризма. Власти готовят такие реформы, как введение среднесрочного бюджетирования, переход на международные стандарты финансовой отчетности и статистики GFSM 2001, внедрение элементов Базельских принципов банковского надзора и т.д. Насколько эта реформаторская активность окажется успешной, судить трудно, однако заявления о реформах делались и ранее, но прогресс в их осуществлении до сих пор был весьма ограниченным.

Законодательство Туркменистана не предусматривает частной собственности на землю. Частные лица и иностранные компании могут арендовать землю для несельскохозяйственных целей. Согласно Земельному кодексу, только президент имеет право предоставлять аренду.

Страна сильно зависит от экспорта энергоносителей и хлопка, импорта оборудования и услуг, но остается единственной в регионе, не подавшей заявку на вступление в ВТО. *Слабое экономическое управление* является серьезной проблемой для Туркменистана. Сильное присутствие государства, усугубляемое чрезмерной централизацией, доминирует и в политике, и в принятии хозяйственных решений. Развитие частного сектора отражено только в стратегиях правительства, но госпредприятия доминируют в экономике.

²¹ Turkmenistan Diagnostic. MBRD. May 2019.

При этом государственному сектору не хватает потенциала, в частности и в том, что касается технических и управленческих/ административных навыков. Это еще больше подрывает качество и эффективность регулирования, которые, по оценкам, являются одними из самых низких в странах операций ЕБРР.

Засилье государства порождает проблему *коррупции*. Госзакупки часто непрозрачны, и контракты не всегда выполняются. В Индексе восприятия коррупции Transparency International за 2018 г. Туркменистан занял 167-е место из 180 стран. Эффективности корпоративного управления препятствует недостаточная независимость руководства, даже в частных фирмах, из-за подчиненности государственным программам. В этих обстоятельствах *опора на неформальные институты* становится своеобразной системой защиты.

Туркменистан обладает *самой высокой энергоемкостью и углеродоемкостью* в регионе ЕБРР. В производстве энергии преобладают природный газ и нефть. Значительное сокращение выбросов CO₂ может быть достигнуто за счет снижения потерь в электрических и газовых сетях, а также за счет решения проблемы вентиляции и сжигания на факелах.

Узбекистан. Страна коренным образом изменилась во второй половине 2010-х гг., приступив к реформам, направленным на поддержку частного сектора. Хотя проведение этих реформ встретило меньшее сопротивление, чем ожидалось, переходный процесс по-прежнему является сложным, не в последнюю очередь из-за масштабов задач и нехватки квалифицированных кадров.

Указ президента Ш.М. Мирзиёева «Стратегия действий» от февраля 2017 г. установил задачу либерализации экономики в сочетании с реформой административной и судебной систем. В нем определены следующие ключевые шаги: (1) сокращение присутствия государства в экономике, (2) укрепление прав и роли частного сектора, (3) стимулирование развития малого бизнеса и частного предпринимательства, а также привлечение иностранных инвестиций, (4) улучшение инвестиционного климата, (5) улучшение отношений и развитие сотрудничества с соседними странами региона.

Уже удалось добиться заметных результатов. За последнее десятилетие доля частного сектора значительно возросла.

Согласно официальным данным, в 2016 г. на него приходилось 81% ВВП, 82% занятости и 86% зарегистрированных предприятий. В промышленности доля негосударственного сектора в объеме производства увеличилась с 36% в 2000 г. до 94% в 2016 г. Доля МСП в занятости увеличилась с 50% в 2000 г. до 78% в 2017 г., а в инвестициях – с 13% до 32%. Но для обеспечения перехода к процветающей рыночной экономике потребуются еще более масштабные подвижки, включая реформы рынка труда и социального обеспечения, реформу образования и серьезную реорганизацию деятельности научно-исследовательских институтов страны.

Присутствие иностранного капитала в Узбекистане заметно, но оно уступает Казахстану. Наибольшее иностранное участие представлено в промышленности (4,8% предприятий), за которой идут торговля (1,5%), транспорт и телекоммуникации (1,4%). Для сравнения: аналогичные показатели по Казахстану составляют 6,2, 12,8 и 8,8% соответственно.

Достоверных оценок размеров неформального сектора не существует, но считается, что он велик. Один из показателей неформальной активности – высокая доля самозанятых лиц, которая, по официальным данным, в 2015–2016 гг. составила около 40%. Самозанятые часто подвержены неформальной занятости и рискам потери работы и социально не защищены. Факторы, которые подталкивают бизнес в неформальный сектор, включают чрезмерное регулирование, часто противоречивые, устаревшие и медленные процедуры лицензирования и получения других разрешений, большое количество контрольных проверок со стороны государственных органов. Содействие легализации бизнеса может открыть возможности для роста частного сектора и параллельно сократить неэффективную деловую практику.

Ключевые проблемы развития экономики Узбекистана лежат прежде всего в области *внешнеэкономической деятельности*. Длительные процедуры получения пограничного и документального соответствия, часто меняющиеся правила препятствуют международному товарообмену. Торговые издержки слишком высоки. Узбекистан занимает самое низкое среди стран Центральной Азии 147-е место в компоненте свободы торговли Индекса экономической свободы Фонда наследия. Снятие хотя бы части ограничений может изменить геополитический и экономический

ландшафт Центральной Азии. Модернизация жесткой и мягкой инфраструктуры могла бы превратить Узбекистан в крупный центр трансграничной торговли и иностранных инвестиций.

Узбекистану предстоит решить и другие инфраструктурные проблемы. Среди них заметное место занимает *низкая устойчивость энергоснабжения*. Для его стабилизации, кроме физического наращивания энергомощности и инфраструктуры, необходимы также реформы тарифов и более активное участие частного сектора в развитии энергетики.

Высокая энергоемкость экономики Узбекистана создает серьезное препятствие экономическому прогрессу. По данным Всемирного банка, имея энергоемкость 280 кг нефтяного эквивалента на тысячу долларов ВВП (по ППС, в ценах 2011 г.), Узбекистан был девятым по энергоемкости страной в мире в 2013 г.

Международное сотрудничество – драйвер роста?

Фокус международной торгово-экономической активности стран ЦА постепенно перемещается в сторону Китая, который возрождает старый торговый маршрут в рамках амбициозного проекта «Один пояс – один путь». В этом мегапроекте предложены три основных пояса/пути: Северный, Центральный и Южный. Северный пройдет через Казахстан и Россию в Европу. Центральный связывает Центральную, Западную Азию, Персидский залив и Средиземное море. Наконец, Южный пояс протянется от Китая до Юго-Восточной Азии, Южной Азии и Индийского океана. Все страны Центральной Азии, за исключением Туркменистана, являются членами Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, который будет финансировать этот проект наряду с Азиатским банком развития и другими источниками.

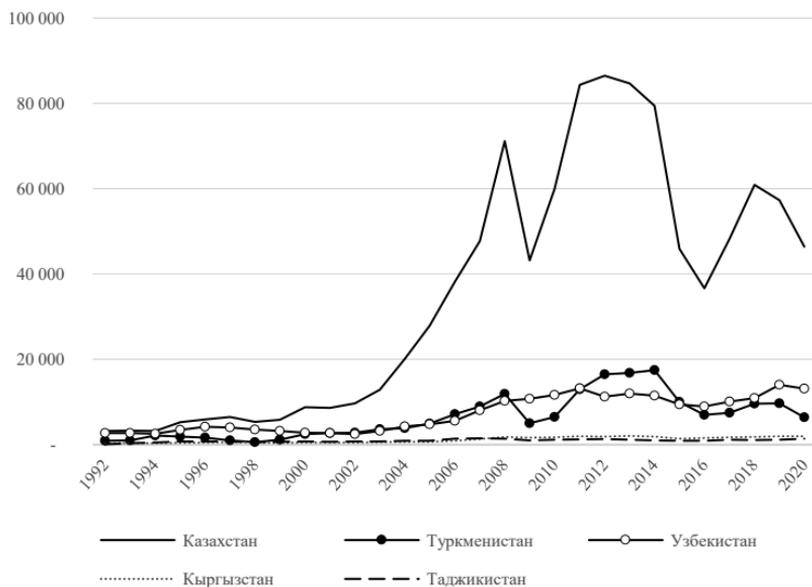
Китай активно инвестирует в нефте- и газопроводы, автомобильные и железные дороги и сопутствующую инфраструктуру. В частности, в 2006 г. введен в эксплуатацию нефтепровод Казахстан–Китай. Импорт нефти в КНР из Казахстана уже в 2008 г. увеличился почти в десять раз относительно 2005 г. Завершено строительство крупного газопровода из Туркменистана. Планируется строительство второго, линия которого пройдет через Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан. Трубопровод разрушил прежнее доминирование российского «Газпрома»,

но произошло это ценой того, что Туркменистан стал почти полностью зависим от Китая. В 2009 г. доля Китая составляла 1% от общего объема его экспорта, а к 2015 г. она увеличилась почти до 80%, при этом почти весь прирост пришелся на природный газ. Второй по величине торговый партнер Туркменистана – Турция, занимает лишь 5% от общего объема экспорта. Казахстан стремится сотрудничать с Китаем в строительстве железной дороги от пограничного Хоргоса до порта Актау на Каспийском море, включая дополнительные промышленные и инфраструктурные проекты в Хоргосе в качестве хаба²².

К сожалению, сотрудничество с Китаем имеет и оборотную сторону. Центральная Азия нужна ему лишь в роли транспортно-го коридора, в обустройство которого в основном инвестируются его средства. В последние несколько лет инвестиции из КНР замедлились. Причиной этого может быть как достижение опасных уровней задолженности стран ЦА и осознание этого их властями, так и «негатив общества в отношении китайских инвестиций, который вызывает ответную реакцию китайской стороны, не желающей наращивать свое присутствие на таком фоне» [Додонов, 2020. С. 148].

Современное состояние торгового потенциала у стран ЦА очень неоднородное. Пока что бесспорным лидером, если судить по экспортной активности, является Казахстан (рис. 2). Примечательно, что в самом начале постсоветского периода различие между странами ЦА было почти незаметно. Драматические перемены принесли открытие и развитие нефтегазодобычи. В регионе появился бесспорный лидер – Казахстан, середняки – Туркменистан и Узбекистан, и аутсайдеры – Кыргызстан и Таджикистан. Последний занимает в ЦА особое место: будучи активным поставщиком энергоносителей, он сильно отстает от соседей по общим показателям экономической активности. Международное сотрудничество не стало в Таджикистане драйвером роста. Надо полагать, это связано с плохой работой экономических институтов.

²² Первые поезда по маршруту от города Наньнин на юге Китая до столицы Казахстана Нур-Султан были пущены в начале 2021 г. Время в пути теперь составляет 13 дней. Ранее автомобильным транспортом грузы по этому маршруту перевозились 45 дней. (URL: <https://kursiv.kz/news/otraslevye-temy/2021-03/novyy-zhelezodorozhnyy-marshrut-soedinil-kazakhstan-i-kitay>)

Источник. Построено авторами по данным МВФ. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/April/download-entire-database>

Рис. 2. Динамика экспорта центральноазиатских стран
в 1992–2020 гг., млн долл.

Объемы экспорта Кыргызстана и Таджикистана настолько незначительны, что не нашли заметного отражения на рисунке. Два других конкурента Казахстана, Туркмения и Узбекистан, сильно отстают. В отдельные годы их экспорт был меньше казахстанского в 6–7 раз, но в последнее время этот разрыв сокращается.

Выводы

Из всех постсоветских республик, которые можно объединить в кластеры по географическому принципу, группа стран ЦА показала наиболее сильную дивергенцию своих траекторий развития. Они же продемонстрировали и большой разброс в выборе экономической политики. Как ни парадоксально, но сильно реформируемая экономика Кыргызстана в противоречие с ожиданиями экономистов-либералов-рыночников не показала ожидаемых успехов. Еще одним парадоксом стал опыт Узбекистана – отказ от либеральных реформ не привел к экономическому краху.

Очень плохо на экономике сказалась рыночная несвобода в Таджикистане и, особенно – Туркменистане. Казахстан, поначалу не слишком стремившийся к экономическим реформам, оказался наиболее успешным. Возможно, определяющую роль в этом сыграла мудрость руководителя республики, Нурсултана Назарбаева. Аналогичную картину мы видим в Узбекистане, где недавно переизбранный президент Ш. Мирзиёев инициировал активизацию реформ. Вполне может быть, что Узбекистану удастся вернуть себе роль регионального лидера, во всяком случае, – частично. Сдерживаемая до поры до времени политическая нестабильность Казахстана, продемонстрированная событиями января 2022 г., может отпугнуть иностранных инвесторов и переключит их внимание, а также потоки капитала в узбекском направлении.

Кроме институциональных преобразований и проведения экономических реформ, перспективы развития стран региона сильно зависят от ресурсного обеспечения, острота дефицита которого и дисбалансы становятся все заметнее (особенно по электроэнергии и воде). К сожалению, они не способны решить проблему слабого разнообразия своих экономических структур. Легкость получения валютных доходов от экспорта природных ресурсов породила местную разновидность голландской болезни. В странах Центральной Азии заметна слабость промышленных политик, из-за чего сохраняется и даже усиливается неразвитость обрабатывающих производств, особенно высокотехнологичных, и это будет мешать включению их в мировые цепочки создания стоимости. Названные проблемы в большинстве стран данного региона осознаются, но решаются с огромными трудностями.

Литература/References

Акунова Г. Ч. Страны Центральной Азии: трудности на пути сближения // Проблемы постсоветского пространства. 2020. Т. 7. № 3. С. 300–311.

Akunova, G. Ch. (2020). Central Asian countries: difficulties on the way of rapprochement. *Problems of the post-Soviet space*. Vol. 7. No. 3. Pp. 300–311. (In Russ.).

Бободжонов Д. Д., Назири Г. Н., Садриддинов М. И. Тенденции развития экономики Республики Таджикистан в системе экономик Центральной Азии // Kishovar. 2019. № 3. С. 142–146.

Bobojonov, D.D., Naziri, G.N., Sadridinov, M.I. (2019). Trends in the development of the economy of the Republic of Tajikistan in the system of economies of Central Asia. *Kishovarz*. No. 3. Pp. 142–146. (In Russ.).

Вардомский Л. Б. Транзитный потенциал Казахстана в контексте евразийской интеграции // ЭКО. 2015. № 6. С. 59–79.

Vardomsky, L. B. (2015). Transit potential of Kazakhstan in the context of Eurasian integration. *ECO*. No. 6. Pp. 59–79. (In Russ.).

Додонов В. Ю. Динамика инвестиций КНР в страны Центральной Азии: контекст, тенденции, особенности / Многовекторность Центральной Азии: взгляд изнутри: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. / Под ред. Дуйсена Г. М. Алматы: Институт востоковедения им. Р. Б. Сулейменова КН МОН РК, 2020. 288с.

Dodonov, V. Yu. (2020). *Dynamics of China's Investments in Central Asian countries: context, trends, features* / The Multi-vector nature of Central Asia: an inside Look: Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference. / Ed. Duysena G. M. – Almaty: Institute of Oriental Studies named after R. B. Suleimenov KN MES RK. 288p. (In Russ.).

Дуйсен Г. М., Айтжанова Д. А., Тесля П. Н. Возможна ли экономическая интеграция в Центральной Азии? Региональный вектор политики Казахстана // ЭКО. 2020. № 10. С. 8–33. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2020–10–8–33

Duisen, G.M., Aitghanova, D.A., Teslya, P.N. (2020). Is economic integration possible in Central Asia? The regional vector of Kazakhstan's policy. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2020–10–8–33. *ECO*. No. 10. Pp. 8–33. (In Russ.).

Тун В., Уржумцева Т. Б. Анализ внешней торговли и ее экономическое влияние на страны Центральной Азии // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 4 (30). С. 62–67.

Tun, V., Urzhumtseva, T.B. (2019). Analysis of foreign trade and its economic impact on the countries of Central Asia. *Eurasian integration: economics, law, politics*. No. 4 (30). Pp. 62–67. (In Russ.).

Batsaikhan, U., Dabrowski, M. (2017). Central Asia – twenty five years after the breakup of the USSR. *Russian Journal of Economics* Vol. 3, Issue 3, September, Pp. 296–320/ (Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2405473917300429#!>)

Lillis, J. (2018). *Dark Shadows. Inside the Secret World of Kazakhstan*. I. B. Tauris.

Pomfret, R. (2010). Central Asia after two decades of independence / WIDER Working Paper. No. 2010/53. The United Nations University World Institute for Development Economics Research (UNU-WIDER). Helsinki.

Williams, C.C., Horodnic, A. (2019). Why is informal employment more common in some countries? an exploratory analysis of 112 countries. *Employee Relations*. No. 41 (6). Pp. 1434–1450. ISSN0142–5455.

Статья поступила 15.11.2021

Статья принята к публикации 07.12.2021

Для цитирования: Дуйсен Г. М., Айтжанова Д. А., Тесля П. Н. Казахстан и другие республики Центральной Азии: разные судьбы после распада СССР // ЭКО. 2022. № 3. С. 8–40. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-3-8-40

For citation: Duisen, G.M., Aitzhanova, D.A., Teslia, P.N. (2022). Kazakhstan and Other Central Asian Republics: Different Destinies after the Collapse of the USSR. *ECO*. No. 3. Pp. 8–40. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-3-8-40

Summary

Duisen, G.M., Doct. Sci. (Econ.), Aitzhanova, D.A., Cand. Sci. (Econ.), Institute of Eastern Studies, Almaty, Kazakhstan, Teslia, P.N., Cand. Sci. (Econ.), Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk State Research University, Novosibirsk

Kazakhstan and Other Central Asian Republics: Different Destinies after the Collapse of the USSR

Abstract. This paper examines the economic processes that took place in Central Asia after the collapse of the USSR. The division of Central Asia into relatively successful (Kazakhstan and Uzbekistan) and troubled economies (Tajikistan, Turkmenistan, and Kyrgyzstan) became very clear by the end of the 30-year period. It has been shown that liberal reforms do not always contribute to economic prosperity (the case of Kyrgyzstan) and that a conservative policy of rejecting radical economic reforms may not be harmful (the case of Uzbekistan). Kazakhstan's greatest success has come from both resource factors (oil and gas) and moderate reformism. Overly, Central Asia states show excessive government involvement in economic activity, which produce negative influence on efficiency. However, Uzbekistan demonstrates notable success during last 5–7 years. Their main problem is the slight success in implementing a strong industrial policy in order to achieve the necessary structural and technological transformation, and to engage in global value chains.

Keywords: *Central Asia; liberal economic reforms; corruption; public sector; privatization; SME development; financial and banking systems*

Украинский выбор: 30 лет спустя

А.А. МИГРАНЯН, доктор экономических наук
E-mail: a.mihrayan20@gmail.com; SPIN-код: 9433–7609
ORCID: 0000–0001–6014–5955
Институт экономики РАН, Москва

Аннотация. В статье исследуются проблема социокультурного самоопределения Украины, идеологических и политических особенностей формирования украинской внешней стратегии, а также экономические процессы, характер развития и специфика экономической модели страны. Дана оценка эффектов евроинтеграции, итоги влияния реформ после 2014 г., экономических циклов и модели экономики, сформированной в условиях нестабильности внешних рынков и геополитической конфронтации с бывшими торговыми партнёрами.

Ключевые слова: украинская идентичность; социокультурные подходы; евроинтеграция; специфика украинской экономики; экономические реформы

Украинский опыт тридцати лет суверенного статуса вызывает огромный интерес не только в национальной и российской научной и экспертной среде, но и в мировой политике в силу ярко выраженных радикальных перемен, интенсивности проявлений социокультурной, политической и институциональной специфики, скорости и характера трансформации экономической системы, а также влияния этих процессов на геополитическую ситуацию и экономическую конкуренцию в мире.

Несмотря на высококонкурентные стартовые позиции по обеспеченности природными ресурсами, по уровню развития экономического потенциала (особенно промышленного сектора), качества жизни населения и квалификации трудовых ресурсов, спустя 30 лет после обретения независимости Украина единственная из всех стран евразийского пространства не сумела восстановить свой экономический потенциал хотя бы до параметров союзного периода [Мигранян, 2017]. Нестабильность политической системы и низкая эффективность государственных институтов также не прибавили ей политического веса в мировом табеле о рангах, более того, привели к дефрагментации страны и превратили ее в центр геополитической конфронтации основных акторов мировой политики [Симония, Торкунов, 2014].

Нерешенность проблем социокультурного, религиозного, политического и экономического характера формируют здесь

условия системного кризиса с его крайними проявлениями (военным конфликтом внутри страны) [Мироненко, 2021]. На международной арене украинский кризис стал триггером геополитического противостояния России и коллективного Запада, фактором, определяющим риски и турбулентность международных отношений, военно-политическую и экономическую безопасность в регионе [Симония, Торкунов, 2016].

Исследование проблем, связанных с украинским кризисом и его влиянием на международные отношения, прогнозы развития ситуации, составляют большой пласт российской науки и экспертной аналитики. Изучению генезиса украинского кризиса как фактора геополитической конфронтации между Россией и коллективным Западом посвящены работы Ф. А. Лукьянова, С. А. Караганова, А. М. Бусыгина, В. В. Кочеткова, В. Е. Морозова, Н. Л. Прохоренко, Г. Г. Салихова, И. С. Семененко, В. С. Степина, В. Чернеги, Б. А. Шмелева, А. В. Гущина, А. А. Сущенцова, Н. Ю. Силаева и др., экономическим аспектам больше внимания уделено в трудах А. В. Торкунова, С. Ю. Глазьева, А. А. Дынкина, А. В. Кузнецова, Л. Б. Вардомского, В. Ю. Винокурова, Л. С. Косиковой, Ю. Д. Квашина, Н. А. Симонии, Л. М. Григорьева, И. П. Булеева, Н. Е. Брюховецкой, А. Чухно, В. Геца, А. Амоши, Н. Кизимы и др.

Аналитики разных стран сходятся в оценке значимости и степени влияния украинского кризиса на мировую политику. Особый интерес вызывает практикуемый в стране подход преодоления экономического кризиса – за счет внешних ресурсов (преимущественно российских) и использования геополитических факторов и инструментов, а не стимулирования рыночной экономики и честной конкуренции. Он формирует новую архитектуру международных отношений, которая строится на основе санкционных ограничений и жесткой конкуренции, балансирующей на грани военного конфликта [Вардомский, 2018]. При этом внутривосточная повестка Украины выстраивается без учета проблем низкого уровня экономического развития, необходимости поддержки качества и уровня жизни населения, реформирования политической и институциональной структуры государства. В приоритете – рост валовых показателей и ситуационная политика встраивания страны в формат МВФ, ориентированная на постоянную финансовую помощь [Грицаенко, 2014].

Проблемы «украинской идентичности» и социокультурной разобщенности

Истоки внутривосточной нестабильности Украины были заложены крайне противоречивым процессом формирования национальной идентичности, сущностные основы которой до сих пор не имеют научного и идеологического обоснования. С одной стороны, «украинство» определяется как безусловная европеизация, опирающаяся на стремление элит интегрироваться в европейское пространство, с другой – как некий базовый этнос, конкурирующий с русским цивилизационным концептом, с третьей – как последовательное развитие русского мира со своей специфической идентичностью [Кондорский, 2021].

Противоречивость и незавершенность процесса идеологического обоснования украинской идентичности, сопровождаемого агрессивной политикой героизации «борцов за независимость» с нацистским прошлым, приводит к крайней форме противостояния в украинском социуме, вплоть до вооруженных столкновений. В результате формирование единого этноса существенно осложняется, критерии «украинства» еще более размываются, а социокультурный разрыв в украинском обществе усиливается. Такой подход приводит к подмене понятия единого этноса национализмом, что неприемлемо для страны со столь пестрой палитрой этнического состава (в стране проживают представители более 130 национальностей).

С момента приобретения независимости в 1990-е годы формирование украинской идентичности было направлено на создание националистического государства, посредством жесткого подавления этнического и культурного разнообразия, в полном соответствии с принципами Н. Михновского, В. Липинского, Д. Донцова, М. Грушевского, С. Петлюры, В. Винниченко, П. Скоропадского и М. Драгоманова [Хаген, 2000; Motyl, 1985]. Доминирование национализма во внутренней политике Украины не позволяет в полной мере укоренить единое социокультурное, этническое и мировоззренческое понимание «украинской идентичности» и использовать ее для укрепления государственности.

Противопоставление мировоззренческих подходов, ментальности разных групп населения, проживающих в разных регионах страны (запад – восток – центр – юг – север и т.п.) приводит

к социокультурному разрыву между регионами, не позволяет интегрироваться населению, а попытки элит преодолеть эту разобщенность путем насаждения национализма лишь усиливают тенденции регионализма.

Противоречивость понимания «украинской идентичности» обусловлена не только различиями культурно-цивилизационного восприятия «украинства» на западе и востоке страны¹, но и политическими концептами – выбором вектора экономического развития страны между «европеизацией» и «консервацией» [Кынев, 2005]. При этом именно политика сохранения социокультурных и ментальных противоречий позволяет оправдывать продавливание жесткого национализма как единственно возможного инструмента сохранения целостности страны и ее «украинизации»².

Она же породила систему олигархическо-кланового противостояния элит, бизнес-интересы которых и борьба за доступ к наиболее выгодным активам формировали экономическую политику страны с самого начала рыночных реформ. В итоге к 2000 г. в стране сложилась система экономических отношений, построенная на постоянной борьбе за обладание административным ресурсом (властью), обеспечивающим доступ к ресурсам экономическим.

Опора на социокультурные и этнолингвистические противоречия, агрессивная националистическая политика, кланово-олигархический характер экономических отношений стали основными причинами радикализации политической борьбы внутри Украины [Кынев, 2005] и привели к ряду системных, экономических и военно-политических кризисов в стране. В результате последнего из них (2014 г.) произошли преобразования, которые коренным образом изменили политическую систему, структуру и характер экономики, государственные институты, превратив националистическую идеологию в основу украинской государственности³.

¹ *Миллер А.* Дуализм идентичностей на Украине // Отечественные записки: виртуальный журнал [Эл. ресурс]. URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=140d>

² *Галкин Д., Лейбин В.* Украинская элита почти разломала страну // 2000 (Украина). 2012. 22–28 июня. URL: http://www.2000.ua/v-nomere/forum/mnenie/vitalij-lejbin-ukrainskaja-elita-pochti-razlomala-stranu_arhiv_art.htm

³ Там же.

Внешнеполитический курс Украины

С первых дней получения суверенитета внешняя политика Украины отличалась стремлением максимально дистанцироваться от России и сотрудничества с ней. Особенно декларировалась этнолингвистическая, социокультурная и военно-политическая независимость. К 2014 г. это переросло в откровенное противопоставление себя РФ, и форматирование Украины как «анти-России» с абсолютно враждебной риторикой по отношению не только к РФ, но и ко всему русскому миру, русской культуре и славянской цивилизации [Жильцов, 2021].

Первый законодательный акт независимой Украины в июле 1990 г. «Декларация о государственном суверенитете» провозгласил внеблоковый военный статус страны без ядерного оружия, политику нейтралитета и открытости (многовекторного сотрудничества со всеми государствами)⁴. Однако уже в 1991 г. начались активные контакты руководства страны с НАТО, которые на сегодняшний день абсолютизировались до настойчивого желания Украины полноценного членства в данном военном блоке. В 1992 г. были подписаны первые соглашения с блоком и Советом евро-атлантического партнерства, в 1994 г. началось полномасштабное участие в программе «Партнерство ради мира», в 1997 г. подписана «Хартия об особом партнёрстве НАТО и Украины» с целью начала подготовки к вступлению в военный блок, в 2002 г. началась военная реформа под стандарты НАТО в соответствии с «Планом действий НАТО-Украина», в 2004 г. было объявлено о всеобъемлющем тесном сотрудничестве и взаимодействии с североатлантическим альянсом и ЕС как «гарантами безопасности и стабильности»⁵.

Далее происходила практическая реализация намерений Украины вступления в военный блок: в 2005 г. стартовала программа «Интенсивный диалог», в 2009 г. приняты дополнения к Хартии об особом партнерстве, с 2013 г. Украина участвует в операциях НАТО (первая из них «Океанский щит» по борьбе с пиратами, а в 2021 г. уже в трех операциях: Sea Breeze, «Три меча – 2021»

⁴ Официальный сайт ВР Украины. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/55-12>

⁵ Официальный сайт Министерства обороны Украины. URL: <http://www.mil.gov.ua/diyalnist/mizhnarodne-spivrobitnicztvo/prioriteti-spivrobitnicztva-ukraini-z-nato>; Официальный сайт НАТО. URL: <http://web.archive.org/web/20070411113805/http://www.nato.int/issues/nato-ukraine/topic.html#evolution>

и «Объединенные усилия – 2021»⁶). В 2014 г. законодательно утвержден официальный отказ от внеблокового статуса, принятая в 2015 г. «Военная доктрина» фактически утвердила план действий по приведению вооруженных сил Украины в полное соответствие со стандартами НАТО, что фактически было осуществлено к 2020 г. В 2018 г. ратифицированы изменения Конституции Украины, провозгласившие стремление в НАТО как официальный курс, в 2019 г. получен статус партнера альянса с расширенными возможностями [Семенов, 2021]. В 2021 г. после очередного обострения российско-украинских взаимоотношений РФ выдвинула требование о невхождении Украины в НАТО в качестве основного условия сохранения нормальных отношений в рамках дипломатического взаимодействия как со странами НАТО, так и сохранения окна возможностей сотрудничества с Украиной. Очевидно, это требование будет проигнорировано, что позволяет прогнозировать ухудшение отношений со странами блока.

Одновременно с углублением военного и политического взаимодействия с североатлантическим альянсом Украина вела политику экономического, правового интегрирования с Европейским союзом – сначала по программе «Восточного партнерства», а затем и в рамках ассоциированного членства с ЕС. Явно выраженный тренд европеизации всей институциональной (особенно правовой) системы и дистанцирования от сотрудничества с СНГ и Россией до 2004 г. проявлялся в первую очередь в военно-политической, правовой, гуманитарной, цивилизационной сферах.

В экономическом сегменте внешняя политика концентрировалась на формировании либеральных институтов рыночного хозяйствования и на балансировании между европейским и российским векторами торгово-экономического взаимодействия с целью максимизации экономических выгод. Это до определенного времени позволяло сохранять экономическую систему страны в дееспособном состоянии за счет постоянного торга и получения от партнеров дополнительных бонусов и финансовых вливаний. Преференциальные условия торговли, сохранение кооперационных связей с Россией, низкие цены на энергоносители и т.д. позволяли поддерживать мощный промышленный

⁶ SHAPE/ NATO EXERCISES. URL: <https://shape.nato.int/nato-exercises>

сектор. Бонус от ЕС – новые рынки сбыта для сырьевых продуктов сельского хозяйства и металлов, технологии и инвестиции [Григорьев и др., 2014].

Отношения со странами СНГ трудно назвать полноценными. Украина по сей день не имеет юридического статуса оформленного членства в СНГ, хотя де-факто до 2014 г. она активно участвовала в ее работе, пользуясь привилегиями члена Содружества (особенно соглашением о Зоне свободной торговли, что делает и сейчас). На данный момент она объявила о своем выходе, что также не было юридически оформлено. Такая политика позволяла Украине пользоваться преимуществами двухвекторного экономического сотрудничества: восточные соседи рассматривались ею в качестве донора, источника компенсации низкой конкурентоспособности собственной экономики, на западном направлении сотрудничество со странами СНГ (преимущественно с РФ, особенно в газотранспортном сегменте) использовалось как инструмент торга для получения лучших условий членства (ассоциированного партнерства) в ЕС [Кутафин, 2014].

Политика балансирования между западным и восточным направлениями торгово-экономического сотрудничества позволила Украине одновременно вести подготовку к интеграции с ЕС, мотивируя это необходимостью экономического развития, внедрения новых технологий и модернизации промышленного сектора, и обеспечивать преференциальные условия во взаимоотношениях со странами СНГ, получая рынок сбыта и доступные ресурсы. Цикличность сближения с западным и восточным векторами зависела от политических предпочтений руководства страны и отчасти – позиции России. Так, в 2008 г. сложные переговоры с Россией по газовому контракту использовались украинскими властями как предмет торга с ЕС для получения инвестиций и дополнительных преференций при подписании ассоциативного соглашения.

Ухудшение отношений с Россией началось в 2004 г. после того, как В. Ющенко назвал основным приоритетом курс на евроинтеграцию и вхождение в НАТО. На президентство Ющенко приходятся первые газовые конфликты, введение квот и тарифных ограничений взаимной торговли, разрыв кооперационных связей промышленных предприятий, агрессивная националистическая политика внутри страны. С приходом к власти

В. Януковича наблюдался возврат к двухвекторной политике балансирования и некоторое потепление отношений с Россией (договор по Черноморскому флоту в обмен на снижение цен на газ, получение финансовой помощи и т.п.).

При этом в части поставок газа на Украину и обеспечения его бесперебойного транзита в ЕС оставался ряд противоречий, что поддерживало высокий уровень напряженности в российско-украинских отношениях. Последним аккордом политики торго стали подписание соглашения о предоставлении Украине российского кредита на 15 млрд долл. (из них были выданы 3 млрд) и попытка отсрочить подписание соглашения с ЕС по ассоциативному членству Украины [Григорьев и др., 2009].

Противоречивость внутренней и внешней политики, пренебрежение внутренними экономическими проблемами, неэффективность государственных институтов, социокультурная разобщенность, столкновение кланово-олигархических бизнес-интересов привели к насильственной смене власти в 2014 г. Во главе страны встали силы, полностью переориентировавшие Украину на западный вектор сотрудничества, культивирующие агрессивную враждебность по отношению к России, не допускающие инакомыслия в вопросах «украинства», любой альтернативе противопоставляющие воинствующий национализм. Жесткость националистической политики вкупе с экономическим кризисом обострили противоречия в украинском социуме, что привело к протестам в восточной части страны и впоследствии к ее дефрагментации (выход Крыма из состава Украины, самопровозглашение ДНР и ЛНР) и военному противостоянию, не решенному по сей день.

Подписанные в феврале 2015 г. после военного поражения украинских вооруженных сил в Дебальцево «Минские соглашения» фактически законсервировали военный конфликт между Киевом и непокорными республиками. Участие в подписании документа нормандской четверки (России, Германии, Франции и собственно Украины) подтвердил факт международного статуса данного конфликта и его влияния на мировую политику. Вовлеченность РФ в минский переговорный процесс стала трактоваться на Западе как ее участие в самом конфликте, что активно используется Киевом для усиления антироссийской риторики

и продвижения националистической политики по отношению к русскому миру.

Сами «Минские соглашения» стали постоянной мишенью для критики, в том числе их подписантами. Они предполагают полную амнистию со стороны Киева, создание условий для проведения выборов в мятежных республиках и их последующей интеграции в политическую и институциональную системы Украины (с сохранением автономности в вопросах языка, национальной самоидентификации, свобод, выбора партнеров и т.п.), и затем – передачу государственной границы с РФ под контроль центральным властям. То есть по факту это план поэтапной федерализации Украины (или, как минимум, определения высокого уровня автономии восточных регионов).

Киевские власти интерпретируют эти соглашения иначе: в первую очередь – возвращение контроля над границей с целью обеспечения территориальной целостности, и лишь затем – начало политических процессов по формированию всех уровней власти на восточных территориях, также под контролем Киева.

Очевидно, что противоречивая трактовка подпитывается внешними игроками, так как сам формат конфликта и «Минских соглашений» включает не только государственные интересы Украины и вопросы автономии ЛДНР (особенно в вопросах национальной самоидентификации), но еще и жесткое цивилизационное противостояние между современным форматом Украины как «анти-России» и Россией. Способ разрешения этого конфликта напрямую затрагивает интересы коллективного Запада в геополитической конкуренции с РФ, а конечное самоопределение Украины, ее статус, формат, государственное устройство и национальная политика рассматриваются как ее итог.

Таким образом, внешнеполитические ориентиры Украины спустя 30 лет ее суверенитета стали инструментом глобального геополитического противостояния. Основные усилия Киева направлены на сохранение украинской государственности вне российского влияния. При этом потери человеческих ресурсов, качества жизни населения и конкурентоспособности экономики, чему способствует внутренняя политика украинских властей, в большой геополитической игре не имеют значения.

Политика евроинтеграции: эффекты, достижения и риски

С момента обретения суверенитета и по настоящее время на Украине происходило последовательное переформатирование экономической системы под стандарты ЕС и МВФ. Квинтэссенцией политики европеизации стало подписание в 2014 г. соглашения по ассоциативному членству Украины в ЕС, которое, по мнению Киева, может обеспечить ускоренное экономическое и технологическое развитие страны, способствовать росту уровня жизни.

По прошествии шести лет, несмотря на рост валовых экономических показателей, Украина не приблизилась к заявленным целям. Экономика Украины остается в состоянии кризиса, который уже вышел за рамки национального государства и превратился в фактор риска для стран ЕС и России, оказывает негативное влияние на их экономические отношения, в том числе из-за конфликта по транзиту российского газа [Пархитько, Ли Линцзя, 2020].

Проблема в том, что ограниченный формат взаимодействия Украины с ЕС лишь создает регулируемый квотами преференциальный доступ украинской продукции на европейский рынок, но не дает возможности полноценного интегрирования в европейскую систему экономических отношений. В частности, он не предусматривает промышленной кооперации, а также предоставления доступа к новым технологиям (или хотя бы к технологиям, допускающим требуемый по евростандартам уровень конкурентоспособности производимой продукции), не предполагает включения Украины в европейские программы финансовой поддержки и развития реального сектора, в отличие, например, от стран Балтии [Воронов, 2014].

В результате украинская экономика вместо ожидаемой синергии от евроинтеграции получила обратный эффект дивергенции, который выражается в технологической (промышленной) деградации, вымывании из страны сырьевых ресурсов (металлов, продукции сельского хозяйства), ускорении расслоения общества по уровню доходов, усилении миграционного оттока населения. Все эти проблемы усугубляются в результате реализуемой Киевом политики замещения механизмов конкуренции и критериев экономической целесообразности ограничениями и ростом

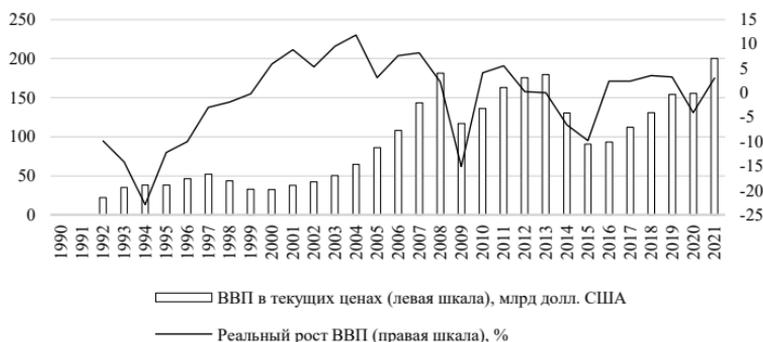
фискального бремени, исходя из политических предпочтений правящих элит. Переход экономики страны на евростандарты качества в условиях сохраняющейся мобилизационной модели, свойственной для военного времени, привел к формированию инвестиционной и институциональной ловушек, которые лишь усилились в период пандемии коронавируса.

Можно ли надеяться на помощь ЕС в преодолении негативных тенденций? На наш взгляд, – вряд ли. Разразившийся в Европе кризис, в том числе обусловленный конфронтацией с Россией по «украинскому вопросу», привел к существенному пересмотру стратегий поддержки новых партнеров и, соответственно, эффектов, получаемых от интеграции [Мигранян, 2020]. Украине предоставлена уникальная возможность самостоятельно преодолевать кризис в своей экономике, формируя такие способы и подходы, которые полностью отвечали бы высоким европейским стандартам по качеству продукции, обеспечению экономических свобод, открытости и конкурентности внутреннего рынка, и все это в условиях жесткого дефицита ресурсов (особенно финансовых) и мобилизации сил и средств для решения военно-политического конфликта на востоке страны.

Особенности экономической модели Украины: потенциал и риски

Реализуемая на Украине экономическая модель представляет собой переход от индустриально-аграрной к аграрно-сервисной отраслевой структуре, от промышленного экспорта к сырьевому. Она характеризуется крайне неустойчивым циклическим характером развития, множеством институциональных противоречий, предопределяющих низкую эффективность макрорегуляторов (особенно фискальных инструментов), хронической деградацией промышленного производства, зависимостью от внешних связей (прежде всего, в энергетической и финансовой сферах).

Динамика ВВП Украины в исследуемые 30 лет отличалась крайней нестабильностью, когда периоды спада (роста) совпадали с основными политико-экономическими циклами (рис. 1).

Источник рис. 1–3. Составлено автором по данным МВФ. World Economic Outlook (october 2021). URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/>

Рис. 1. Показатели ВВП Украины в 1990–2021 гг.

Первый кризис 1990–1995 гг., самый глубокий (потери ВВП до 40% от уровня 1990 г.), имел трансформационный характер и был обусловлен формированием новой рыночной модели экономики с соответствующим переформатированием системы управления, выстраиванием новых хозяйственных отношений после разрыва кооперационных связей периода социализма. Следующие кризисы в большей степени были вызваны влиянием внутривластных процессов (за исключением кризиса 2008 г., который был частью общемирового).

Далее по значимости идут факторы волатильности украинской экономики – ее высокая зависимость от уровня мировых цен на металлы, энергетические ресурсы и сельскохозяйственную продукцию, а также высокий уровень инфляции. Особенно сильным и разрушительным для национальной экономики стал кризис 2014–2015 гг., приведший к двукратному падению стоимостного объема ВВП (51% от уровня 2013 г.).

Основным фактором экономического роста остается рост цен, что отражается в динамике дефлятора ВВП: его значение выросло с 3% в 1995 г. до 53% в 2013 г. и 168% – в 2020 г. При этом показатели инфляции в официальной статистике выглядят гораздо скромнее (максимальные темпы роста инфляции зафиксированы в 2008 г. – 25% и в 2015 г. – 46%), и соответственно, рост значений ВВП в постоянных ценах оказывается существенно ниже показателей номинального прироста (рис. 2).

Рис. 2. Показатели инфляции и темпов роста ВВП Украины в 1990–2021 гг., %

Инфляционный рост обуславливает хроническое сокращение экономической базы страны: каждый последующий восстановительный период после очередного кризиса, несмотря на высокие значения валовых (стоимостных) показателей, не обеспечивает достижение докризисного уровня экономического потенциала. Так, в 2018 г. ВВП Украины составил лишь 72% от уровня 1992 г. и 89% от ВВП 2013 г. (в ценах 1992 г.). Кризис 2020 г., по данным официальной статистики Украины, оказал наименьший разрушительный эффект – лишь 4,1% сокращения реального ВВП по сравнению с 2019 г., но не позволил преодолеть уровень 1992 г.⁷

Этот инфляционный рост в течение всего периода исследования опирается главным образом на внешние источники. Это прежде всего доходы от экспорта товаров и от транзита газа (экспорт услуг, также с учетом ценового фактора). Третий фактор инфляционного роста – потребление домохозяйств (обеспечивается ростом стоимости импорта и тарифов по всем видам услуг, особенно – коммунальным платежам).

Следовательно, экономическую модель Украины можно охарактеризовать как *систему экстенсивного воспроизводства, основанную на ускоренном росте дефлятора (ценового фактора) и внешнего сектора экономики*. Проблема усугубляется тем, что в течение 2014–2021 гг. экономика страны потеряла существенную

⁷ Государственная служба статистики Украины. Официальный сайт. URL: <http://ukrstat.gov.ua/>

долю несырьевого экспорта из-за сокращения промышленного сектора, что привело к потере собственных инвестиционных ресурсов и полной зависимости от внешних заимствований. Развитие сервисных отраслей локального значения не способно заместить потери экспорта высокотехнологичной промышленной продукции [Малышко и др., 2021].

В период интенсивной евроинтеграции (после 2014 г.) наблюдается постоянное снижение темпов поступления прямых инвестиций от роста в 11% в 2013 г. до сокращения на 10–13% в годовом исчислении в 2019–2020 гг. При этом уровень валовых инвестиций в экономику сократился с 20% от ВВП в 2000 г. (в период кризиса в 2008 г. он составил 27%) до 7% в 2020 г. Объем валовых сбережений национальной экономики к ВВП сократился с 23% в 2000 г. до 11,3% в 2020 г.⁸ (рис. 3).

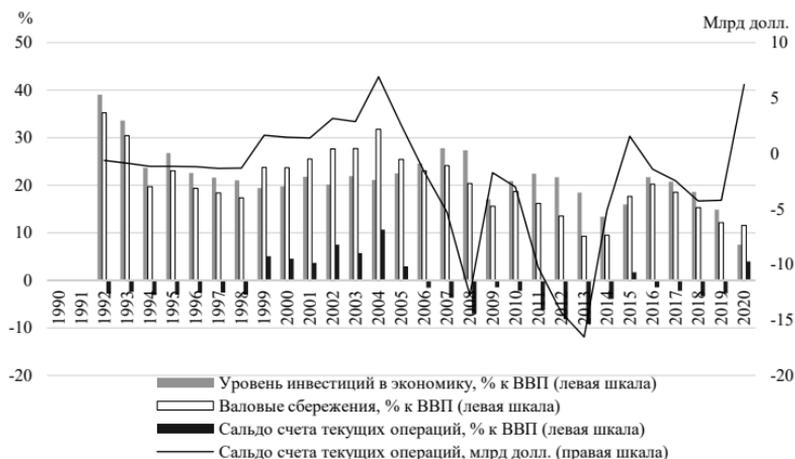

Рис. 3. Показатели инфляции и темпов роста ВВП Украины в 1990–2021 гг.

Несколько улучшилась ситуация по платежному балансу: благодаря сокращению импорта энергоресурсов из-за закрытия основных промышленных потребителей сальдо счета текущих операций стало положительным и достигло 4% от уровня ВВП, что могло бы расцениваться как положительный эффект развития, если бы не рост внешнего долгового бремени [Кривогуз, 2018].

⁸ Государственная служба статистики Украины. Официальный сайт. URL: <http://ukrstat.gov.ua/>

За период с 2014 по 2018 г. наблюдался самый высокий темп роста внешнего долга Украины (с 65,51 до 78,32 млрд долл. соответственно по годам), или на 32,8%, что составило 79,5% от уровня ВВП (для сравнения: в 2013 г. внешний долг составлял 40,5% к ВВП). В 2020 г. показатели внешнего долга снизились до 60,7%, что по-прежнему остается в зоне технического дефолта экономики⁹.

Проблема внешнего долга Украины непосредственно связана с программой экономических реформ, которые были приняты в качестве обязательств по условиям ассоциативного соглашения с ЕС, подписанного в 2014 г. Финансирование (кредитование) реформ осуществляется преимущественно МВФ и другими международными кредитными организациями. Они же определяют их содержание, точнее, требования по направлениям и формам либерализации украинской экономики. Реформы предполагают кардинальные преобразования институциональной системы, что в корне разрушает систему макрорегулирования, введение рыночных принципов формирования тарифов на социально значимые услуги ЖКХ, энерго- и теплообеспечения населения, что подрывает систему социальной поддержки, переход на евро-стандарты качества продукции, что фактически привело к уничтожению машиностроения, авиастроения и перерабатывающей промышленности. При этом переход к политике открытого рынка для продукции оставшихся производителей привел к полному замещению национальных товаров импортом в силу их низкой конкурентоспособности [Бурлай, 2018].

Борьба с коррупцией в Украине превратилась в элемент политической люстрации, а реформы в социальной сфере (прежде всего – пенсионная реформа, заморозившая доходы населения старшей возрастной группы, что в условиях высокой инфляции быстро привело к его обнищанию) обрушили уровень жизни. Либерализация цен на энергоносители в свою очередь способствовала не только снижению реальных доходов населения, но и банкротству большинства промышленных предприятий.

Но главным шоком для украинской промышленности стала имплементация евростандартов в сфере оценки качества

⁹ Государственная служба статистики Украины. Официальный сайт. URL: <http://ukrstat.gov.ua/>

и сертификации продукции. Именно выполнение требований по внедрению европейских стандартов обусловило тотальное сокращение промышленного сектора в структуре экономики Украины (с 23% в 2013 г. до 10,3% в 2020 г.) и лишило ее экспортного потенциала, снизив долю продукции промышленности в экспорте с 28,9% в 2011 г. (это был максимум за всю постсоветскую историю) до 7,7% в 2018 г.

Помимо очевидной неэффективности этих преобразований, они порождают дополнительные риски, связанные с источниками финансирования. На долю МВФ, МБРР, ЕС и США приходится 80% всего внешнего государственного долга Украины. В 2015 г. с ними было подписано соглашение о реструктуризации задолженности, которое стало инвестиционной ловушкой для Украины. По условиям соглашения были списаны 26% долга, оставшиеся платежи продлены до 2021–2025 гг. с обязательным условием своевременного текущего обслуживания всех долгов и сохранения годового уровня роста ВВП не более 3%.

Влияние ловушки привело к следующим последствиям: практически все поступления от внешних кредиторов направляются на погашение старых долгов, что увеличивает долговую нагрузку и лишает возможности использовать заимствования для развития экономики. В свою очередь ограничение темпов экономического роста не позволяет Киеву реализовать инвестиционно привлекательные проекты по созданию высокотехнологичных конкурентоспособных производств.

Логика навязанных западными консультантами реформ и «инвестиционной ловушки» обуславливает рост налогов, снижение социальных расходов государственного бюджета и приводит к формированию «ловушки бедности», так как высокая налоговая нагрузка (к концу 2020 г. – около 23% от совокупных доходов граждан) при высокой инфляции не позволяет населению выйти за границы бедности, вынуждает его влезать в долги.

Курс на евроинтеграцию и разрыв отношений с Россией пагубно отразился на внешней торговле Украины. В 2011 г. украинский экспорт составлял 81 млрд долл., в 2015 г. – 47,9, а в 2020 г. – 60,7 млрд долл., импорт, соответственно, 92 млрд долл., 36,6 и 54,2 млрд долл. Сокращение внешнеторгового оборота связано в первую очередь с падением взаимной торговли с РФ в 2014 г. В 2013 г. она составила 39,6 млрд долл.,

в 2020 г. – 9,92 млрд долл. Такой провал невозможно компенсировать наращиванием объемов торговли с ЕС и другими странами, с которыми уровень комплементарности в системе экономических связей заведомо ниже, чем с РФ. При этом сокращение торговли в основном произошло за счет снижения экспорта машиностроительной продукции из Украины в Россию (с 23,4 млрд долл. в 2013 г. до 6,3 млрд долл. в 2020 г.) и импорта из России энергоресурсов (с 15,8 млрд долл. до 3,6 млрд долл. за тот же период)¹⁰. Несмотря на то, что Россия до сих пор остается третьим по значимости внешнеторговым партнером Украины, суммарное снижение внешнеторгового оборота не обеспечивает Украине экспортную выручку, достаточную для формирования финансовой и инвестиционной базы развития экономики.

Таким образом, современная экономическая модель Украины основана на развитии *отраслей локального значения*, продукция которых предназначена для удовлетворения потребностей внутри экономики и создания рабочих мест: услуг по обслуживанию населения, транспорта, связи, финансового сектора и т.п., экспорт формируется за счет вывоза металлов и изделий из них, зерна и жиров растительного и животного происхождения, а внутренний спрос поддерживается за счет наращивания государственных расходов, так как доходы домохозяйств неуклонно снижаются. Госрасходы растут главным образом за счет программ по поддержке инфраструктуры, финансируемых в рамках выделяемых кредитных линий ЕС и МВФ.

В 2021 г. после коронакризиса были предприняты меры поддержки населения с целью стимулирования внутреннего спроса и снижения социальной напряженности, рост ВВП составил разрешенные 3%. Драйверами роста стали увеличение внутреннего потребления (на фоне почти двукратного роста МРОТ, роста на 15% номинальных доходов населения и высоких темпов инфляции) и рекордный урожай зерновых, обеспечивший рост экспортной выручки.

Основным источником восстановительного роста остается инфляция (в 2020 г. – 5%, а в 2021 г. ИПЦ достиг 11% – постмайданный рекорд). Политика дешёвых денег, стимулирующая

¹⁰ Государственная служба статистики Украины. Официальный сайт. URL: <http://ukrstat.gov.ua/>

рост потребительского кредитования, способствует разгону покупательского спроса внутри экономики. Однако высокая учетная ставка (8,5%) не позволит и дальше накачивать экономику дешёвыми деньгами, а альтернативы инфляционному таргетированию нет. К тому же, как отмечалось выше, такой подход фактически съедает реальный экономический рост, что создает условия для стагфляции.

Рост промышленности по итогам 2021 г. составил 1,4% в стоимостном выражении, а по физическому объёму сократился; сохраняется высокий уровень рисков пандемии коронавируса из-за недостаточной доли вакцинации населения, что может привести к обвалу деловой активности.

Разгону инфляции способствует высокий уровень спотовых цен на «еврогаз», приобретаемый по реверсу, он же обуславливает и рост бедности населения; и, наконец, ситуация открытой подготовки к военным провокациям существенно повышает экономические риски Украины, хотя и позволяет усилить сплоченность населения перед лицом внешней угрозы и снизить градус недовольства из-за падения уровня жизни.

Для преодоления сложной экономической ситуации и выхода из множества «ловушек», в которые загнала себя Украина, необходимы существенные инвестиционные вливания и включение украинских производителей в международные производственные цепочки, что позволило бы реанимировать промышленный сектор. Однако такой план не отвечает стратегии и интересам партнеров Украины по ЕС, особенно в ситуации постпандемийного кризиса в этих странах. Поэтому наиболее вероятным сценарием развития для страны будет поддержание жизнедеятельности действующей модели с целью сохранения рынков сбыта, доступа к ресурсной базе, и самое главное, сохранения геополитической напряженности для России.

Литература

Бурлай Т.В. Риски формирования ловушки дивергентности в процессе евроинтеграции Украины // Экономическая теория. 2018. № 3. С. 99–119.

Вардомский Л.Б. Состояние и перспективы взаимных экономических отношений Беларуси, России и Украины в контексте их идентичности // Россия и мир в XXI веке. 2018. № 3. С. 103–117.

Воронов В. В. Конвергенция регионов Европейского союза: особенности и оценка // Экономические и социальные перемены: факты тенденции, прогноз. 2014. № 6(36). С. 85–99.

Григорьев Л. М., Азибалов С., Салихов М. Украина: раздвоение трансформации // Вопросы экономики. 2009. № 3. С. 125–147.

Григорьев Л. М., Буряк Е. В., Голяшев А. В. Второй старт трансформации украинской экономики // Вопросы экономики. 2014. № 9. С. 30–52. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2014-9-30-52>

Грицаенко О. Украинский кризис: взгляд изнутри // *Russie.Nei.Visions*. 2014. № 78. С. 18–34.

Жильцов С. С. Внешняя политика Украины: куда ведет страну В. Зеленский // Постсоветские исследования. 2021. № 4(3). С. 189–198.

Кондорский Б. М. К вопросу об истории государственности Украины // История и современность. 2021. № 1,2. С. 54–81. DOI: 10.30884/iis/2021.01.03

Кривогуз М. И. Иностранные спонсоры украинской экономики // Россия и новые государства Евразии. 2018. № 2 (39). С. 154–164.

Кутафин Д. О. К вопросу о российско-украинском газовом конфликте // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 10 (47). С. 2169–2174

Кынев А. В. Эффекты «Майдана»: политическая система Украины после кризиса 2004 г. // Полис. Политические исследования. 2005. № 1. С. 63–71.

Малышко В. В., Евтушенко Н. М., Городниченко Ю. В. Анализ государственного долга Украины // Экономический вестник университета. 2021. № 44. С. 187–194. DOI: <https://doi.org/10.31470/2306-546X-2020-44-187-195>

Миграня А. А. Экономика Украины // Экономика и политика постсоциалистических государств: опыт трансформации / Под ред. чл.-кор. Р. И. Хасбулатова. Т. 2. М.: Вече, 2017. С. 419–470. ISBN: 978-5-4444-6001-6

Миграня А. А. Экономика Украины: влияние евроинтеграции и торгового эмбарго с Россией // Вестник ИЭ РАН. 2020. № 2. С. 168–180. DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10023

Мироненко В. Украина, quo vadis? Тридцать лет. Итоги и уроки // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2021. № 4. С. 88–95. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran420218895>

Пархитько Н. П., Ли Линцзя. Современная Украина: экономический обзор // Инновации и инвестиции. 2020. № 4. С. 64–68.

Семенов М. Е. Подходы президентов П. Порошенко и В. Зеленского к урегулированию конфликта в Донбассе: сравнительный анализ // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 1. С. 250–270. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-13

Симония Н. А., Торкунов А. В. Влияние геополитических факторов на состояние международных энергетических рынков (на примере США) // Полис. Политические исследования. 2016. № 2. С. 38–48.

Симония Н. А., Торкунов А. В. Энергобезопасность ЕС и России // Полис. Политические исследования. 2014. № 5. С. 9–19.

Хаген М. Имеет ли Украина историю? // *Ab imperio*. 2000. № 1. С. 51–72.

Motyl A. J. Viacheslav Lypin'skyi And Politics of Ukrainian Monarchism. *Canadian Slavonic Papers*. 1985. Pp. 31–48.

Статья поступила 03.02.2022

Статья принята к публикации 07.02.2022

Для цитирования: Мигранян А. А. Украинский выбор: 30 лет спустя // ЭКО. 2022. № 3. С. 41–61. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2022-3-41-61

Summary

Migranyan, A.A., Doct.Sci.(Econ.), Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow

The Ukrainian Choice: 30 Years Later

Abstract. The paper examines the problem of socio-cultural self-determination of Ukraine, the ideological and political peculiarities of the formation of the Ukrainian foreign strategy, as well as economic processes, the nature of development and the specificity of the economic model of the country. The author assesses the effects of European integration, the results of the impact of reforms after 2014, economic cycles and the model of the economy, formed under the conditions of instability in foreign markets and geopolitical confrontation with the former trading partners.

Keywords: *Ukrainian identity; socio-cultural approaches; European integration; specificity of Ukrainian economy; economic reforms*

References

- Burlai, T.V. (2018). Risks of forming a trap of divergence in the process of European integration of Ukraine. *Economic theory*. No. 3: 99–119 (In Russ.).
- Grigoriev, L.M., Buryak, E.V., Golyashev, A.V. (2014). The second start of the transformation of the Ukrainian economy. *Economic issues*. No.9. Pp.30–52. Available at: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2014-9-30-52> (In Russ.).
- Grigoryev, L.M., Agibalov, S., Salikhov, M. (2009). Ukraine: bifurcation of transformation. *Economic issues*. No. 3. Pp.125–147. (In Russ.).
- Gritsayenko, O. (2014). Ukrainian crisis: a look from the inside. *Russians. Nei. Visions*. No.78. Pp.18–34. (In Russ.).
- Hagen, M. (2000). Does Ukraine have a history? *Ab imperio*. No.1. Pp. 51–72. (In Russ.).
- Kondorsky, B. M. (2021). To the question of the history of statehood of Ukraine. *History and modernity*. No. 1, 2. Pp. 54–81. (In Russ.) DOI: 10.30884/iis/2021.01.03
- Krivoгuz, M.I. (2018). Foreign sponsors of the Ukrainian economy. *Russia and the new states of Eurasia*. No. 2 (39). Pp. 154–164. (In Russ.).
- Kutafin, D.O. (2014). On the issue of the Russian-Ukrainian gas conflict//Topical problems of Russian law. No. 10 (47). Pp.2169–2174. (In Russ.).
- Kynev, A.V. (2005). The effects of Maidan: the political system of Ukraine after the 2004 crisis. *Policy. Political research*. No. 1. Pp. 63–71. (In Russ.).
- Malysenko, V.V., Yevtushenko, N. M., Gorodnichenko, Yu. V. (2021). Analysis of state debt of Ukraine. *University Economic Bulletin*. No. 44. Pp.187–194. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31470/2306-546X-2020-44-187-195>
- Migranyan, A.A. (2017). Economics Ukrainians. Economics and politics post-socialist states: transformation. Moscow. Veche Publ. T.2. Pp. 419–470. ISBN: 978-5-4444-6001-6 (In Russ.).

Migranyan, A.A. (2020). Economics Ukrainians: Lords of European Integration and Trade Embargo s Rossiei. *Bulletin IE RAN*. No. 2. Pp.168–180. (In Russ.). DOI: 10.24411/2073–6487–2020–10023

Mironenko, V. (2021). Ukraine, rude vadis? Tridzat is years old. Itogi i uroki. *Scientific and Analytical Bulletin IE RAN*. No. 4. Pp. 88–95. (In Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran420218895>

Motyl, A. J.(1985). *Viacheslav Lypin'skyi And Politics of Ukrainian Monarchism*. Canadian Slavonic Papers. P. 31–48.

Parhit'ko, N.P., Li, Linjia. (2020). Modern Ukraine: Economic Overview. *Innovation and Investment*. No. 4. Pp. 64–68. (In Russ.).

Semenov, M.E. (2021). The Approaches of Presidents P. Poroshenko and V. Zelensky to the Settlement of the Conflict in the Donbass: Comparative Analysis. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 14. No. 1. Pp. 250–270. (In Russ). DOI: 10.23932/2542–0240–2021–14–1–13

Simonia, N.A., Torkunov, A.V. (2014). Energy security of the EU and Russia. *Policy. Political research*. No. 5. Pp. 9–19. (In Russ.).

Simonia, N.A., Torkunov, A.V. (2016). The influence of geopolitical factors on the state of international energy markets (using the example of the USA). *Policy. Political research*. No. 2. Pp. 38–48. (In Russ.).

Vardomsky, L.B. (2018). The state and prospects of mutual economic relations between Belarus, Russia and Ukraine in the context of their identity. *Russia and the world in the 21st century*. No.3. Pp. 103–117. (In Russ.).

Voronov, V.V. (2014). Convergence of regions of the European Union: features and assessment. *Economic and social changes: facts trends, forecast*. No.6(36). Pp. 85–99. (In Russ.).

Zhiltsov, S. S. (2021). Ukraine's foreign policy: where is V. Zelensky leading the country. *Post-Soviet Studies*. No. 4(3). Pp.189–198. (In Russ.).

For citation: Migranyan, A. A. (2022). The Ukrainian Choice: 30 Years Later. *ECO*. No. 3. Pp. 41–61. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-3-41-61

Эволюция внешних связей Молдовы периода независимости

Е.М. КУЗЬМИНА, кандидат политических наук

E-mail: e_kuzmina07@mail.ru

Центр постсоветских исследований; Институт мировой экономики
и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, Москва

Аннотация. За 30 лет независимости Молдова прошла сложный путь диверсификации своих внешнеэкономических и политических связей. Республика перестраивала свои отношения с Россией и Европейским союзом в условиях отсутствия идентичности населения и его единства в вопросе будущего страны. В данной работе анализируется динамика этих процессов, рассматриваются их причины. Один из важнейших факторов, влияющих на внешнеэкономический курс Молдовы, – ее ассоциация с ЕС. Показано современное состояние внешних связей Республики Молдова.

Ключевые слова: Молдова; Приднестровская Молдавская Республика; Гагаузия; Европейский союз; ассоциация с ЕС; Россия; ЕАЭС; статус наблюдателя; румынизация; внешнеэкономические связи

Республика Молдова, появившаяся в результате распада Советского Союза, стала ярким примером смены внешнеполитических и экономических ориентиров на постсоветском пространстве. За тридцать лет независимости страна поменяла не только политические приоритеты, стремясь стать частью Европейского союза и НАТО, большая часть ее торговых потоков была переориентирована на Европейский союз.

Следует отметить, что тематика экономического, да и политического развития независимой Молдовы не имеет должного исследования в российской научной литературе. Это объясняется как незначительным интересом к постсоветскому пространству в целом, так и отсутствием практической необходимости исследования взаимодействия со столь малой экономикой. Научные статьи и главы в монографиях чаще представлены с точки зрения интересов крупнейших внешних игроков. Так, стратегическое взаимодействие ЕС с Молдовой исследуют специалисты Института Европы РАН [Тяжелова, Шарапова-Антонова, 2018; 2020; 2021a; 2021b]. Есть ряд статей, посвященных проблемам российских энергетических компаний в Молдове [Лавренев, 2020a; 2020b].

В работах, посвященных постсоветскому пространству и СНГ, встречаются главы о политическом [Политические процессы..., 2020] или социально-экономическом развитии Молдовы [Социально-экономическое развитие..., 2012; Евразийская интеграция..., 2019]. Наиболее полно ситуация в Молдове представлена в работах Л. Фокиной, но ее исследования завершены в 2019 г. [Фокина, 2017; 2018a; 2018b и др.].

В статье будут рассмотрены как изменения, произошедшие в политическом курсе страны, так и трансформация национальной экономики. Цель исследования – выявление взаимосвязанности этих процессов и превалирования внешнеполитических предпочтений элиты над экономической целесообразностью.

Особенности внутривнутриполитической ситуации

На становление и развитие молдавской государственности повлияли этнокультурные особенности населения, внешнеполитические и внешнеэкономические приоритеты элит. Республика Молдова (РМ) состоит из трех частей, каждая из которых имеет яркие культурно-исторические особенности: молдавской, гагаузской и приднестровской (левобережной). В первых двух большинство населения составляют этнические молдаване и гагаузы, последняя более чем на 60% заселена русскими и украинцами.

В Советском Союзе национальные различия не сильно влияли на самосознание и идентичность местных жителей в силу существования широких экономических связей внутри страны и ориентации внутренней политики СССР на создание общности «советский народ». Но с ослаблением Советского Союза в конце 1980-х годов и последующим обретением Молдовой независимости эти различия стали углубляться, появилась необходимость уравнивания территориально-политического устройства республики и учета интересов всех национальных групп населения. Однако начавшийся процесс румынизации Молдовы и ослабление политических и экономических связей с Россией только поддерживали и усугубляли эти противоречия.

Так, в конце 1980-х – начале 1990-х гг. серьезное противостояние Молдовы и Гагаузии едва не вылилось в вооруженный конфликт. Стоял вопрос о независимости Гагаузии, ее желании сначала остаться в составе СССР, а затем сохранить более тесные политические и экономические связи с Россией. Ки-

шиневу и Комрату удалось найти компромисс по государственно-территориальной принадлежности гагаузов. В 1994 г. был принят закон Республики Молдова «Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери)»¹, который определил ее статус как особого административно-территориального образования (АТО) в составе Молдовы. Позднее это было подтверждено в Конституции страны².

Но до сих пор время от времени поднимается вопрос «отложенной государственности» Гагаузии, предполагается, что та автоматически станет независимым государством, если Молдова будет поглощена Румынией. В феврале 2014 г. в АТО был проведен референдум по вопросам внешнеполитического курса и отложенного статуса независимости. В нем приняли участие более 70% граждан. За отложенный статус независимости и вступление в Таможенный союз Беларуси, Казахстана и России проголосовало более 98% избирателей³.

Референдум был признан властями Молдовы незаконным, но он фактически подтвердил нестабильность действующих документов и негативное отношение гагаузов к румынизации республики. Учитывая регулярно возникающие споры Кишинева и Комрата по языковым вопросам (нежелание гагаузов учить румынский язык, который не является государственным, но насаждается в качестве обязательного для школьников)⁴ и перманентные попытки сократить полномочия гагаузских властей (так, в 2020 г. башкана (главу) Гагаузии не включили в состав Высшего совета безопасности Молдовы), вопрос независимости Гагаузии может быть поднят в любой момент. Пока главе АТО И. Влах удается выстраивать отношения с Кишиневом. Но, по ее словам, власти республики предпринимают попытки изолировать Гагаузию: они блокируют внешние визиты гагаузской администрации,

¹ Закон Республики Молдова «Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери)». No.344-XIII от 23.12.94. URL: <https://halktoplushu.md/index.php/zakon-ob-osobom-pravovom-statuse-gagauzii>

² Статья 111. Конституции Республики Молдова. URL: <https://www.presedinte.md/titul13#8>

³ Парламент Гагаузии утвердил итоги референдума об интеграции в Таможенный союз. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/968324>

⁴ «Гагаузы обязаны учить румынский»: молдавские партии в один голос осудили гагаузов. URL: <https://regnum.ru/news/society/1428943.html>

не позволяя выстроить партнёрские отношения, необходимые для поддержания социального и экономического развития региона⁵.

С Приднестровьем Кишиневу не удалось достичь компромисса, что привело в начале 1990-х годов к появлению Приднестровской Молдавской Республики (ПМР) и вооружённому конфликту, который был заморожен после вмешательства российских миротворцев. На данный момент вопрос о статусе этой территории остаётся нерешённым.

Непризнанная республика изначально была довольно тесно связана с Россией экономически и тяготела к ней в политическом плане. В 2006 г. граждане Приднестровской Молдавской Республики на референдуме проголосовали за присоединение к РФ (97,2% избирателей)⁶. В 2013 г. Верховный Совет Приднестровья принял закон о применении на своей территории российского федерального законодательства⁷, в 2014 г. попросил Госдуму разработать закон, который позволил бы принять непризнанную республику в состав России⁸.

Однако Приднестровской Республике, зажатой между Украиной и Молдовой, для сохранения и развития экономики пришлось идти на компромиссы с Кишиневом. Для сохранения возможности экспорта своих товаров на мировой рынок приднестровскому бизнесу пришлось следовать принятому правительством Республики Молдова в 2005 г. Постановлению № 815. Согласно этому документу государственная регистрационная палата Министерства информационного развития Молдовы должна вести учет экономических агентов Приднестровья, осуществляющих экспортно-импортные операции и услуги автотранспорта, с внесением их данных в государственные регистры предприятий и организаций⁹. Это автоматически вводило в официальную

⁵ Кишинев ждет, когда Народное собрание Гагаузии наконец выберет спикера. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2022/01/18/kishinev-zhdet-kogda-narodnoe-sobranie-gagauzii-nakonec-vyberet-spikera>

⁶ Приднестровье вслед за Крымом хочет войти в состав России. URL: <https://www.rosbalt.ru/world/2014/03/18/1245241.html>

⁷ *Федякина А.* Приднестровье заживет по российским законам // Российская газета. № 6268 (26 декабря 2013). URL: <https://rg.ru/2013/12/25/pridnestrovie-site.html>

⁸ Приднестровье вслед за Крымом хочет войти в состав России. URL: <https://www.rosbalt.ru/world/2014/03/18/1245241.html>

⁹ Постановление Правительства РМ № 815 от 02.08.2005. «О регулировании трафика грузов и услуг, являющихся предметом внешнеторговой деятельности Приднестровья». URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=70888&lang=ru

молдавскую статистику данные о деятельности большинства крупных и средних промышленных предприятий и торговых объединений Приднестровской Республики. В 2014 г. в документах об ассоциации Европейский союз, признавая Приднестровье частью Молдовы, распространил на ее территорию все пункты Договора об ассоциации и дальнейшие сопутствующие законодательные акты и документы.

Кишинев всегда считал Приднестровье неотъемлемой частью Республики Молдовы, но в вопросе его статуса молдавская элита не была едина. Так, президент И. Додон, пытавшийся укреплять связи и с Россией, и с ЕС, предлагал дать «широкую автономию» ПМР, чтобы разрешить затяжной конфликт, о чем он заявил в своем видеообращении в феврале 2020 г.¹⁰ (хотя, возможно, это было только его предвыборным обещанием).

Пришедшая к власти М. Санду сразу заговорила необходимости вывода российских миротворцев из Приднестровья. Официальный Кишинев отказался от проведения в 2021 г. встречи в формате «5+2»¹¹, хотя это предложение поддержала председательствовавшая в ОБСЕ Швеция. Президент Молдовы объявила, что не собирается вести переговоры с Приднестровской Республикой на высшем уровне, потребовала не присылать письма с официальной приднестровской символикой. Все возможные контакты с левым берегом Днестра должны вестись только через Молдавское бюро по реинтеграции.

Однако молдавские власти несколько месяцев не назначали руководителя этого ведомства, из-за чего молдово-приднестровский переговорный процесс деградировал по всем направлениям, что констатировал в декабре 2021 г. министр иностранных дел Приднестровья В. Игнатев¹². Он отметил постоянно растущее давление Молдовы на республику, усиление транспортной блокады, расширение военного сотрудничества с НАТО и США

¹⁰ Додон заявил, что готов предоставить Приднестровью широкую автономию. URL: <https://ria.ru/20200207/1564399539.html>

¹¹ Формат «5+2» включает Молдову и Приднестровье в качестве сторон, ОБСЕ, РФ и Украину в качестве посредников, а также ЕС и США в качестве наблюдателей. Определение особого статуса Приднестровья в рамках Республики Молдова – задача сторон.

¹² Глава МИД ПМР: Определенные силы в Молдове всерьез начинают рассматривать идеи реванша. URL: <https://novostipmr.com/ru/news/21-12-27/vitaliy-ignatev-lyuboy-konflikt-zakanchivaetsya-dialogom>

и увеличение провокаций в Зоне безопасности. Дополнительным подтверждением возможной эскалации конфликта он считает объявление Кишиневом 2022 г. «годом комбатантов»¹³.

А 21 января 2022 г. в интервью румынскому каналу PRO TV президент Молдовы М. Санду обвинила Россию в провоцировании приднестровского конфликта¹⁴.

Сегодня сложно понять, будет ли доведена ситуация на Днестре до нового витка вооруженного конфликта или Кишинев лишь продолжит давление на Тирасполь. Пока власти Молдовы укрепляют военное сотрудничество с НАТО и США. Так, в утвержденном в январе 2022 г. правительством новым Индивидуальном плане сотрудничества с НАТО (IPAP) говорится, что Молдова будет сотрудничать в области модернизации и развития возможностей своих вооруженных сил, активизирует усилия, направленные на вывод российских миротворческих сил из Приднестровья, и будет добиваться введения в регион гражданской миссии с международным мандатом¹⁵.

Усиливающаяся блокада со стороны Молдовы и Украины заставила население Приднестровья искать пути обхода существующих политических дисбалансов. Большинство населения для получения возможности передвижения и ведения бизнеса, а также сохранения идентичности имеет два-три, а иногда и четыре гражданства (приднестровское, молдавское, российское и румынское). Налажено неофициальное взаимодействие в бизнесе, перемещение через границу и даже участие приднестровцев в выборах в Молдове. В экономике это вылилось в создание в Приднестровье «серых зон» для контрабанды с обоих берегов Днестра, через которые в Молдову перемещается более дешевый для приднестровья российский газ и дешевая электроэнергия с Приднестровской ГРЭС, работающей на российском топливе.

¹³ Комбатанты – лица, входящие в состав вооруженных сил сторон, находящихся в конфликте, и имеющие право принимать участие в военных действиях. – п. 2 ст. 43 Дополнительного протокола I (1977) к Женевским конвенциям о защите жертв войны (1949).

¹⁴ Переписывание истории: президент Молдовы подменяет причины молдово-приднестровского конфликта. URL: <https://novostipmr.com/ru/news/22-01-22/artem-turov-mayya-sandu-snova-probila-dno-0>

¹⁵ Правительство утвердило новый план сотрудничества с НАТО. URL: <http://www.vedomosti.md/news/pravitelstvo-utverdilo-novyj-plan-sostrudnichestva-s-nato>

Внутри молдавского общества также нет единства о пути развития страны. Самосознание молдаван расколото: часть населения считает себя румынами, другая – молдаванами. Эта особенность послужила не только появлению прорумынских партий в республике, но и позволила Бухаресту начать предоставление румынских паспортов ее гражданам. Яркий пример – нынешний молдавский президент – М. Санду, гражданка Румынии. После вступления Румынии в Евросоюз получение гражданства обрело для граждан Молдовы практическую значимость, так как дало возможность беспрепятственно выезжать на заработки в ЕС.

Такое разделение идентичности привело к отсутствию очевидного вектора развития страны. Граждане и политики, ориентированные на Румынию, предполагают быстрее вхождение в состав последней, а не развитие собственной страны. Им противостоят те, кто выступает за сохранение молдавской государственности [Политические процессы..., 2020. С. 46–47]. Подписание в 2014 г. Республикой Молдовой ассоциации с ЕС лишь незначительно смягчило эту двойственность.

Отметим, что диссонанс между двумя этими полюсами возрастает по мере углубления противоречий между Россией и Западом. Так, президент И. Додон стремился одновременно сохранять взаимодействие и с Россией, и с влиятельным прозападным В. Плахотнюком, фигура которого совершенно неприемлема для РФ. Президент М. Санду, несмотря на ее жестко прозападную позицию, в декабре 2021 г. отметила, что видит следующий путь для Молдавии: вступление в ЕС и сохранение при этом поддержки России¹⁶.

Взаимодействие с ЕС и Россией в экономической сфере

Двойственность идентичности населения Молдовы и ее внешнеполитического курса отразилась и на развитии её экономических отношений.

После распада СССР произошел разрыв большинства хозяйственных связей: основные торговые партнеры республики – Россия и Украина сами пребывали в системном кризисе. Этот

¹⁶ Названы два пути для Молдавии в будущем. URL: <https://lenta.ru/news/2021/12/27/ways/>

факт, а также отсутствие собственной сырьевой базы привели к деиндустриализации: доля промышленности (включая строительство) в структуре ВВП снизилась с 28,4% в 1995 г. до 19,1% в 2000 г. (пик падения в 2009 г. – 17,2%)¹⁷.

Не менее сложна ситуация в сельском хозяйстве. Проведенная с помощью Агентства США по международному развитию (USAID) земельная реформа (Проект «Земля») привела к укрупнению бывших колхозов и появлению мелких фермерских хозяйств, которые оказались не в состоянии организовать конкурентоспособное производство. В результате доля сельского хозяйства в ВВП сократилась с 29,3% в 1995 г. до 24,9% в 1999 г. (минимальный показатель был в 2009 г. – 8,5% ВВП)¹⁸. Их доли в ВВП перераспределились на сферу услуг. Если в 1995 г. она составляла 33,2%, то с 1999 г. – не менее 50% (апогей в 2009 г. – 60,1%)¹⁹. При этом и сам ВВП сокращается. За 1990–2000 гг. среднегодовые темпы его снижения составили 9,6% – один из худших показателей среди постсоветских стран [Фокина, 2017. С. 11].

Практически сразу после обретения суверенитета Молдова приступает к выстраиванию либеральной экономической модели: начинается приватизация, вводится национальная валюта – лей (1993 г.), проводится налоговая реформа, создается двухуровневая банковская система. Однако внешнеторговые связи исторически были завязаны в основном на Россию, и, несмотря на либерализацию внешней торговли, диверсифицировать их быстро не удалось. После резкого падения в 1998 г. экспорта в Россию, пережившую дефолт, валютные потери Молдовы составили 220 млн долл. [Фокина, 2017. С. 11]. К концу 1999 г. дефицит внешнеторгового баланса республики достиг угрожающего уровня – 20% ВВП [Социально-экономическое развитие..., 2012. С. 125].

Другими причинами диверсификации внешнеторговых связей Молдовы стали политика румынизации и активизация деятельности ЕС в отношении страны.

¹⁷ Данные ВБ. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NV.IND.TOTL.ZS?view=chart&locations=MD>

¹⁸ Данные ВБ. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NV.AGR.TOTL.ZS?view=chart&locations=MD>

¹⁹ Данные ВБ. URL: https://ru.theglobaleconomy.com/Moldova/Share_of_services/

Европейский союз с середины 1990-х годов проводил кропотливую работу по политической и экономической переориентации Республики Молдова. В 1994 г. подписано Соглашение о партнёрстве и сотрудничестве²⁰, которое предполагало в экономической сфере предоставление режима взаимного благоприятствования в торговле с созданием в перспективе зоны свободной торговли, но при условии прогресса Молдовы в осуществлении рыночных реформ. Началась также гармонизация национального законодательства с правом Евросоюза.

Но процесс перехода к рыночной экономике вызвал быстрый рост теневого сектора и породил серьёзную коррупцию. Возникшая многопартийная система не только не была образцом западной демократии, но и тормозила развитие страны. Все это негативно влияло на уровень жизни, способствовало усилению миграционного оттока населения.

В 2004 г. Молдова была включена в Европейскую политику соседства, что давало новые возможности для проведения политических, экономических и институционных реформ на основе «общеевропейских ценностей». В экономике был сделан акцент на сотрудничество в области транспорта и энергетики. Фактически для ЕС Молдова была важна как транзитное государство, инфраструктура которого используется для сохранения европейской энергетической стабильности и безопасности. Для граждан республики важным нововведением стали 86 визовых льгот, необходимых для движения высвобождавшейся рабочей силы при постепенном разрушении производственной сферы и деградации экономики Молдовы.

Начало 2000-х годов стало для Молдовы периодом экономической стабилизации. Наладились связи с Евросоюзом, с помощью России удалось реанимировать ряд промышленных предприятий [Социально-экономическое развитие..., 2012. С. 127]. Серьёзную поддержку молдавской экономике оказывали трудовые мигранты, доходы которых поддерживали внутренний спрос²¹. Проблема

²⁰ Соглашение о партнёрстве и сотрудничестве между ЕС и Молдовой 1994 г. URL: <https://eulaw.edu.ru/spisok-dokumentov-po-pravu-evropejskogo-soyuzasoglashenie-o-partnerstve-i-sotrudnichestve-mezhdu-es-i-moldovoj-1994-g/>

²¹ По данным Всемирного банка, в 2012 г. 23% ВВП страны обеспечивалось гражданами, работающими за рубежом. [Эл.ресурс]. URL: <http://eurasianews.md/economics/chetvert-vvp-respubliki-moldova-sostavlyayut-dengi-migrantov.htm>

в том, что этот спрос удовлетворялся в основном за счет импорта. Нарастание импорта при отсутствии должного уровня экспорта привело к росту внешнего долга страны.

Откровенно антироссийская политика Кишинева и его сближение с ЕС привели к охлаждению отношений с Россией: в марте 2006 г. РФ ввела запрет на ввоз молдавского вина из-за несоответствия его качества фитосанитарным нормам. Это чувствительно сказалось на молдавской экономике (–6,9% ВВП в 2006 г.), поскольку виноделие – бюджетообразующая отрасль.

Стало понятно, что молдавская экономика нуждается в срочном изменении своей линейной структуры, снятии зависимости от виноделия и сельского хозяйства. Однако собственных средств на это у Молдовы не было, а иностранные инвесторы не торопились вкладываться в страну, раздираемую коррупционными скандалами, имеющую неразрешенные пограничные конфликты, высокие административные барьеры и дефицит квалифицированных кадров.

Новым толчком к взаимодействию с ЕС стало вступление в эту организацию Румынии (январь 2007 г.), благодаря чему у Евросоюза появилась общая граница с Молдовой, а в Молдове усилились проевропейские настроения как в элите, так и среди населения.

В 2009 г. Молдова вступила в учрежденное ЕС Восточное партнерство, предполагающее не только содействие в проведении административных реформ и в борьбе с коррупцией (на основе гармонизации национального законодательства с правовой базой ЕС), но и развитие торгово-экономических связей, и обеспечение надежного энергоснабжения как ЕС, так и Молдовы на основе возобновляемых источников энергии [Тяжелова, Шарапова-Антонова, 2018. С. 86].

В 2010 г. начались переговоры по Соглашению об ассоциации ЕС–Молдова, республика стала членом Европейского энергетического сообщества. В 2012 г. было подписано Соглашение о вступлении Молдовы в Европейскую общую авиационную зону. Таким образом, первые реальные шаги интеграции были связаны опять-таки с функциями транзитного государства.

В июне 2014 г. было подписано Соглашение об ассоциации Молдовы с ЕС²², которое вступило в силу 1 июля 2016 г. Ключевыми элементами его являются сотрудничество и помощь Евросоюзу в реформировании и развитии экономики Молдовы, ее государственного управления, системы охраны окружающей среды, малого и среднего бизнеса, образования, здравоохранения, культуры.

В пакет документов по ассоциации также вошло Соглашение об углублённой и всеобъемлющей зоне свободной торговли²³. Оно предусматривает не только взаимное снятие тарифных ограничений в торговле (около 99%), но и сближение с нормами и стандартами ЕС в области торговли, в том числе экологических, санитарных и фитосанитарных правил, права на интеллектуальную собственность и др. Торговые преференции, полученные в рамках Соглашения, не только освобождают от уплаты таможенных пошлин, но и в рамках квот отменяют адвалорную часть ввозных пошлин²⁴.

Однако при рассмотрении нюансов взаимной торговли проявляется ряд неблагоприятных для Молдовы факторов. Во-первых, Соглашение не затрагивает почти 80% молдавского экспорта. Квоты на беспошлинный экспорт в ЕС были предоставлены лишь для мяса крупного рогатого скота и птицы, яиц, молочных продуктов, ячменя, кукурузы, пшеницы, колбас, сахара и виноградного вина²⁵. Промышленная продукция, еще производившаяся в стране, не была включена в этот список, что не позволило сохранить сельскохозяйственное машиностроение. Во-вторых, значительная часть молдавской сельхозпродукции не соответствует европейским стандартам качества и вето-, и фитосанитарным нормам, поэтому квоты на экспорт мяса,

²² Association Agenda between the European Union and the Republic of Moldova. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/GA/TXT/?uri=CELEX:22017D1489>

²³ Trade Sustainability Impact Assessment in support of negotiations of a DCFTA between the EU and the Republic of Moldova. URL: https://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2012/november/tradoc_150107.pdf

²⁴ Адвалорный порядок исчисления ставок таможенных пошлин – это способ определения пошлины через процент от таможенной стоимости продукта. Это аналог пропорционального налогообложения на продажу. Подробнее см. URL: <http://vedinform.com/customs/payments/advalornaja-poshlina.html>

²⁵ Кузьмина Е. Зачем Молдове Евразийский союз? Часть первая. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/eurasian-economy/zachem-moldove-evraziyskiy-soyuz/>

яйца, молочной продукции и колбасы почти не используются²⁶. В-третьих, по данным ВТО, в молдавском экспорте в ЕС от 35% до 48% (в зависимости от года) составляет реэкспорт. Остальная часть (без поставок продукции на давальческом сырье) – это первичное сырье с низкой добавочной стоимостью: пшеница, кукуруза, подсолнечник, орехи, мед, необработанная кожа²⁷. Таким образом, республика в минимальной степени смогла воспользоваться расширением рынка сбыта своих несырьевых товаров.

Крупнейший на тот период торговый партнер Молдовы – Россия, находящаяся под санкциями ЕС, была вынуждена ввести ограничения на ввоз продукции из республики для защиты своего рынка от реэкспорта европейских товаров в рамках Зоны свободной торговли ЕС–Молдова. К молдавской продукции были применены более жесткие требования на ветеринарные сертификаты ЕАЭС, введены эмбарго на поставку молдавских вин и пошлины на 19 видов товаров в соответствии с изменением ставок Единого таможенного тарифа ЕАЭС²⁸ (среди них: мебель, алкогольная продукция, овощи, мясо, сахар, зерно, а также некоторые продукты питания). В результате предпринятых мер в 2014 г. молдавский экспорт в Россию сократился почти на 35%.

В Соглашении об ассоциации Республики Молдовы с ЕС прописано, что ее правоприменение распространяется и на Приднестровье, которое имеет те же условия зоны свободной торговли. В совокупности с закрытой границей со стороны Украины и увеличением сложностей по доставке товаров в Россию это заставило приднестровский бизнес интенсифицировать торговлю с ЕС при ее сокращении с Россией [Кузьмина, 2021. С. 123].

Но отсутствие видимых позитивных результатов от ассоциации с ЕС для молдавского населения, в целом его недоверие к политике власти привели к сокращению числа сторонников европейского вектора развития. Так, если в конце 2009 г. за интеграцию с Евросоюзом выступало 63% граждан Молдовы, то в конце 2016 г. – лишь 38%. Существенно возросла доля

²⁶ Молдова не использует экспортные квоты ЕС. URL: <https://novostipmr.com/ru/news/16-01-16/moldova-ne-ispolzuet-eksportnye-kvoty-es>

²⁷ Кузьмина Е. Зачем Молдове Евразийский союз? Часть первая. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/eurasian-economy/zachem-moldove-evraziyskiy-soyuz/>

²⁸ Постановление Правительства РФ № 736 «О введении ввозных таможенных пошлин в отношении товаров, страной происхождения которых является Республика Молдова». URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70607152/>

населения, настроенного против интеграции республики с ЕС, – с 12% в 2009 г. до 37% в конце 2016 г. [Тяжелова, Шарапова-Антонова, 2018. С. 87].

Пришедший к власти в 2016 г. на волне недовольства результатами взаимодействия с ЕС лидер партии социалистов И. Додон попытался начать восстановление торгово-экономических отношений с Россией и наладить взаимодействие с Евразийским экономическим союзом. Но деятельность президента Молдовы, согласно Конституции страны, ограничена парламентом и назначаемым им правительством, которые оставались проевропейскими. Это в значительной мере осложняло И. Додону проведение курса на уравнивание экономических интересов страны между ЕС и Россией (ЕАЭС).

Тем не менее в апреле 2017 г. был подписан пакет документов между Евразийским союзом и Молдовой, включая меморандум о сотрудничестве. Республика получила статус наблюдателя в ЕАЭС²⁹. Хотя он не давал равных экономических возможностей с государствами-членами, но все же способствовал улучшению отношений со странами союза, в первую очередь – с Россией. Так, почти сразу была достигнута договоренность с Москвой о разрешении 180 предприятиям с обоих берегов Днестра импортировать плодовоовощную продукцию³⁰, был решен вопрос с амнистией молдавских трудовых мигрантов, просрочивших визы и разрешения на работу, продлен контракт с «Газпромом» на поставки газа в республику до конца 2019 г., в 2018 г. был возвращен в Москву посол Молдовы.

Примечательно, что противостояние президента и парламента при этом продолжилось – последний так и не ратифицировал документ об ассоциации. Кроме того, налаживание взаимоотношений с Россией не привело к ослаблению европейского вектора молдавской политики.

В 2017–2018 гг. Комиссия ЕС и молдавское правительство П. Филипа занимались улучшением эффективности взаимодействия.

²⁹ Итоги ВЕЭС: Молдове предоставлен статус государства-наблюдателя при ЕАЭС, страны Союза укрепляют основу для устойчивого экономического развития, взаимодействия с третьими странами, реализуют цифровую повестку, расширяют единый рынок услуг. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/naec/news/Pages/14-05-2018-3.aspx>

³⁰ Молдова резко увеличила экспорт в Россию фруктов, консервов и вина. URL: <http://ru.interlic.md/2017-09-18/moldova-rezko-uvelichila-eksport-v-rossiju-fruktovkonservov-i-vina-50534.html>

Брюссель увязывал дальнейшее расширение экономического и (что самое важное для Кишинева) финансового сотрудничества с расследованием банковского мошенничества, в результате которого в 2014 г. был похищен 1 млрд долл. Молдавии были предоставлены средства для проведения реформ в области управления государственными финансами и полицией. При условии успешной реализации реформ эти средства объявлены невозвратными. В ноябре 2017 г. подписан пакет документов о предоставлении макрофинансовой помощи Молдове в размере 100 млн евро, включая 40 млн в виде гранта и 60 млн в виде займа³¹. Эти средства должны пойти на модернизацию экономики, увеличение инвестиций и создание рабочих мест. Тогда же была утверждена повестка дня ассоциации Молдова–ЕС на 2017–2019 гг. Из реализованных обязательств Молдове удалось повысить свою конкурентоспособность в сельхозсекторе и обеспечить соответствие продукции международным и европейским стандартам качества.

Из-за противоречий внутри политической элиты и попыток перераспределения властных полномочий и передела собственности во время президентства И. Додона в стране так и не сложился консенсус по государственному курсу. Не облегчала задачи и разнонаправленность предпочтений населения как внутри страны, так и в среде трудовых мигрантов, потоки которых постепенно перераспределялись между Россией и ЕС. По некоторым оценкам, именно позиция трудовых мигрантов, вернувшихся на Родину из-за пандемии, сыграла в 2020 г. решающую роль в приходе к власти проевропейской партии.

По молдавским данным, только за первые четыре месяца 2020 г. в страну вернулось более 35 тыс. граждан [Тяжелова, Шаропова-Антонова, 2020. С.119]. Действующее правительство не смогло оперативно разработать и внедрить программы их поддержки, на это наложились панические ожидания от пандемии и введение Чрезвычайного режима на два месяца, в совокупности приведшие к политическому кризису.

В этот период (май 2020 г.) ЕС утверждает пакет экстренной макрофинансовой помощи для стран Восточного партнерства

³¹ Молдова и ЕС подписали соглашение о предоставлении макрофинансовой помощи в размере €100 млн.

URL: <https://newsmaker.md/rus/novosti/moldova-i-es-podpisali-soglashenie-o-predostavlenii-makrofinansovoy-pomoshchi-v-ra-34823/>

с целью минимизации ущерба, нанесённого пандемией COVID-19. Молдова должна была получить для поддержки баланса 100 млн евро льготных кредитов со сроком погашения 15 лет. Но к тому времени из-за невыполнения страной своих обязательств по реформам судебной системы еще не была разблокирована вторая часть макрокредита от ЕС (30 млн евро), согласованного в 2017 г. (сразу после принятия закона о санкциях за отмывание денег). В опубликованном 21 мая 2020 г. отчете Европарламента о внутривосточной обстановке в Молдове указывалось на торможение реформ правящей коалицией³².

В итоге Молдова отказалась от уже согласованного с Москвой кредита в размере 200 млн евро³³ и выполнила часть условий по реформе законодательства и в июле получила второй транш кредита 2017 г. (30 млн евро)³⁴. А 21 июля 2020 г. было подписано кредитное соглашение между Республикой Молдова и Европейским союзом о макрофинансовой помощи. Кредит был предназначен для поддержки страны в текущей финансовой ситуации, снижения нагрузки на бюджет и платежный баланс, сокращения последствий от ограниченности внешнего финансирования страны. Он был выплачен двумя траншами: в ноябре 2020 г. и октябре 2021 г. Это способствовало определенной стабилизации финансовой системы страны и экономики в целом.

Внешняя политика Молдовы на рубеже 2020-х годов. Результаты и перспективы

Избранная на высший государственный пост Молдовы в ноябре 2020 г. М. Санду сразу заявила, что намерена быть «президентом европейской интеграции» и бороться против тех, кто «обкрадывает и доводит до нищеты» молдавский народ [Тяжелова, Шарапова-Антонова, 2021а]. Для того чтобы получить поддержку своей политики в парламенте и минимизировать ограничения своих действий, М. Санду добилась проведения досрочных парламентских выборов. Европейский союз поддержал

³² Отчет Европарламента: Коалиция ПСРМ – ДПМ ставит под угрозу реформы, начатые правительством Санду. URL: <https://ava.md/2020/05/21/otchet-evroparlamenta-koaliciya-psrm/>

³³ КС Молдовы приостановил получение кредита от РФ на 200 млн евро. URL: <https://www.eurointegration.com.ua/rus/news/2020/04/23/7109114/>

³⁴ Еврокомиссия одобрила 30 млн евро макрофинансовой помощи Молдове. URL: <https://www.eurointegration.com.ua/rus/news/2020/07/10/7112027/>

ее, обосновывая это необходимостью создания дееспособного правительства и ускорения необходимых реформ.

В апреле 2021 г. во время визита М. Санду в Брюссель был представлен План действий Совета Европы для Республики Молдова на 2021–2024 гг.³⁵ Он предполагает продолжение помощи стране в реформах правосудия, уголовной и пенитенциарной систем, в борьбе с коррупцией и отмытием денег и в укреплении независимости прессы. Отдельная глава Плана посвящена мерам доверия между двумя берегами Днестра [Тяжелова, Шарাপова-Антонова, 2021a].

В то же время шел процесс по созданию Грузией, Молдовой и Украиной «Ассоциированного трио» для координации действий по вступлению в ЕС. При этом посол ЕС в Кишиневе П. Михалко подчеркивал, что Молдова находится на этапе ассоциации и о ее вступлении в ЕС речи не идет. Даже сейчас республика не выполняет обязательства, необходимые для полноценной ассоциации³⁶.

В исследованиях сотрудников института Европы РАН отмечается, что в течение 2011–2021 гг. число сторонников евроинтеграции и тех, кто желает сближения Молдовы с Россией, остается примерно равным. Согласно заявлениям официальных лиц Евросоюза, Молдова не является признанным кандидатом на вступление в ЕС [Тяжелова, Шарাপова-Антонова, 2021b]. Эксперты полагают, что «Ассоциированному трио» понадобится не менее двух десятилетий, чтобы соответствовать критериям полноценных членов Евросоюза³⁷.

И все-таки многолетние целенаправленные действия Евросоюза дали хорошие результаты в переориентации Республики Молдова в его сторону. Экономика постепенно перестраивается под условия ассоциации с ЕС. Внешняя торговля Молдовы уже в большей степени ориентирована на Европу: по данным ВТО, доля ЕС в общем объеме импорта Молдовы в 2020 г. составила 46,5%. Оттуда в республику ввозится нефть и нефтепродукты,

³⁵ Совет Европы представил План действий для Молдовы на 2021–2024 годы. URL: <https://noi.md/ru/politika/sovet-evropy-predstavil-plan-dejstvij-dlya-moldovy-na-2021-2024-gody>

³⁶ «ЭМ»: вступление Молдавии в ЕС пока невозможно. Вступить в ЕС сегодня готовы только Майя Санду и её партия. URL: <https://pravdoryb.info/em-vstuplenie-moldavii-v-es-poka-nevozmozhno.html>

³⁷ Мамеева А. Когда Молдова может стать членом Европейского союза. URL: <https://ru.sputnik.md/20210831/kogda-moldova-mozhet-stat-chlenom-evropeyskogo-soyuza-44372368.html>

лекарственные средства, легковые автомобили, средства роста растений и т.д. А в экспорте из Молдавии доля Европы – 68,5%. В Евросоюз поставляются в основном продукция сельского хозяйства: семена подсолнечника, подсолнечное масло, орехи и вина, а также провода изолированные и некоторые виды мебели.

При этом структуру экспорта/импорта нельзя назвать диверсифицированной по направлениям: в пятерку крупнейших торговых партнеров и по экспорту, и по импорту (соответственно 62% и 53% от общего объема) входят только три страны – члена ЕС (таблица).

Основные торговые партнеры Республики Молдовы в 2016–2020 гг.

Страна	Стоимость в 2020 г., млн долл.	Доля, %	Рост стоимости в 2016–2020 гг., %	Рост стоимости в 2019–2020 гг., %
Экспорт				
Весь мир	2485,2	100	5	-11
Румыния	706,7	28,4	9	-8
Германия	225,6	9,1	17	-8
Россия	216,9	8,7	-2	-13
Италия	213,7	8,6	2	-20
Турция	171,7	6,9	22	-2
Импорт				
Весь мир	5415,7	100	8	-7
Китай	646,0	11,9	12	7
Румыния	631,6	11,7	5	-25
Россия	603,2	11,1	4	-13
Украина	527,6	9,7	8	-7
Германия	452,3	8,4	10	-7

Источник. URL: https://www.trademap.org/Country_SelProductCountry.aspx?nvpm

В целом крупнейшими торговыми партнерами Молдовы являются Румыния (16,9% от общего объема внешней торговли), Россия (10,4%) и Германия (8,6%)³⁸.

Россия даже при отсутствии целенаправленной экономической политики в отношении Молдовы остается для нее вторым торговым партнером. Основные статьи молдавского экспорта в Россию – фрукты и орехи (в первую очередь яблоки, груши и виноград), фармацевтическая продукция и трикотажная одежда.

³⁸ Посчитано автором по таблице 1.

По некоторым позициям в Россию ввозится 50% и более от всего объема их экспорта.

Из России, помимо нефти и минерального топлива, Молдова ввозит минеральные удобрения (крупнейший импортер по этой позиции), различные виды электрических машин, оборудования и механических устройств (мониторы, стиральные машины, холодильники и пр.), пищевые продукты (в первую очередь чай, шоколад и какао).

Однако после избрания М. Санду сотрудничество с Россией осложнилось. Сразу после вступления в должность она выступила с заявлением о необходимости вывода оперативной группы войск и российских миротворцев из Приднестровья, а также о скорейшей ликвидации российских военных складов в с. Колбасна³⁹. Она последовательно дистанцируется от контактов, а тем более тесного взаимодействия с властями РФ, исключение составляет лишь вынужденное общение с вице-премьером России Д. Козаком, отвечающим за взаимоотношения с Молдовой и Приднестровьем. В частности, она отказалась от участия в саммите СНГ в октябре 2021 г., хотя на заседание были вынесены важные для страны вопросы о взаимодействии в сфере безопасности, объявления г. Комрат (Гагаузия) культурной столицей Содружества в 2023 г.

Также возникли проблемы с продлением межгосударственных коммерческих контрактов и соглашений, подписанных предыдущим президентом И. Додоном. Так, Россия и Молдова смогли договориться о взаимном снятии ограничений на экспорт продукции лишь в августе 2021 г., хотя льготный режим для молдавской сельхозпродукции и вина истек еще 31 марта. Следующей проблемой стало подписание властями Молдовы нового контракта с «Газпромом» взамен завершившегося в сентябре 2021 г. М. Санду настаивала, что ни президент, ни правительство Молдовы не должны вести переговоры о ценах на газ, так как это прерогатива руководства Moldova-gaz. Тем не менее министр регионального развития и инфраструктуры А. Спыну вынужден был подключиться к переговорам после роста закупочных цен в октябре с 250 до 790 долл./тыс. м³.

³⁹ Речь идет об артиллерийском складе боеприпасов в с. Колбасна на территории Приднестровья.

Интересно, что подписание долгосрочного контракта с «Газпромом» 29 октября 2021 г. было встречено в информационной сфере Молдовы как успех правительства и президента, в то время как связанные с этим издержки (рост стоимости электроэнергии и отопления, а соответственно, и разгон инфляции) подаются как следствие «жестких» или даже «агрессивных» действий РФ и «Газпрома». А 14 октября 2021 г. правительство Молдовы приняло решение отозвать своего представителя из Евразийской экономической комиссии⁴⁰.

Сложной остается и ситуация вокруг непризнанной Приднестровской Молдавской Республики. В ходе визита Д. Козака в Кишинев в августе 2021 г. было заявлено о достижении взаимопонимания о том, что решение приднестровского вопроса должно быть выработано внутри страны обеими сторонами. Такой подход снижает роль посредников, но не лишает Россию возможности влиять на переговорный процесс. Вопреки заявлению молдавской стороны об отказе от экономической блокады Приднестровья⁴¹, на деле молдавские власти и их европейские партнеры избрали тактику финансового и транспортно-логистического давления посредством расследований и санкций на приднестровские власти и бизнес.

Все приднестровские компании, экспортирующие товары или услуги в ЕС, зарегистрированы и имеют счета в Молдове. Учитывая, что на долю правобережной Молдовы приходится 44% приднестровского экспорта, а на долю ЕС – 29,7% (в том числе Румынии – 16%), осуществление экономического давления даже без полной блокады представляется вполне реальной угрозой. Действия же украинских властей по блокированию границы могут существенно осложнить и без того непростую экономическую ситуацию в регионе.

Поскольку решение приднестровской и гагаузской проблем связано с вопросом вхождения Молдовы в Румынию, молдавское руководство попытается полностью закрыть вопросы автономии этих территорий. А пока идет процесс поглощения Румынией молдавской, в том числе приднестровской, экономики.

⁴⁰ Правительство Молдовы осталось без представителя в Евразийской экономической комиссии. URL: <https://www.rubaltic.ru/news/13102021-pravitelstvo-moldovy-ostalos-bez-predstavatelya-v-evraziyskoy-ekonomicheskoy-komissii/#!>

⁴¹ Козак заявил, что удовлетворен переговорами с Санду. URL: <https://tass.ru/politika/12109135>

Так, остается открытым вопрос об интеграции электросетевой и газотранспортной инфраструктуры двух стран. Проект объединения электросетей Молдовы и Румынии был принят еще в 2015 г. В октябре 2021 г. газопровод Яссы-Унгены продлен до Кишинева, хотя отсутствие работоспособных насосных станций не позволит его использовать в среднесрочной перспективе. При этом крупнейшим потребителем газа в стране является расположенная в Приднестровье Молдавская ГРЭС, она же – монополист на национальном рынке электроэнергии. Румынские инвесторы и спецслужбы ранее пытались приобрести контроль над ней, хотя и безуспешно, в данный момент она принадлежит «Интер РАО». Очевидно, что заявленное создание общего энергетического пространства двух стран ориентировано в первую очередь на поставки в Румынию дешевой молдавской электроэнергии. По состоянию на 2020 г. стоимость электроэнергии для промышленных потребителей в Молдове примерно на 30% ниже, чем в Румынии (0,0919 и 0,1265 евро/ кВт·ч соответственно⁴²).

При этом в ближайшие годы Молдова будет заинтересована в сохранении льготных условий экономического взаимодействия с Россией по поставкам газа и сельхозпродукции. На фоне неизбежного сокращения расходной части бюджета, существенный рост стоимости электроэнергии и газа может помешать проведению экономических реформ; потеря хотя бы части российского рынка сельхозпродукции приведет к обнищанию населения, большая часть которого трудится на земле. А значит, могут забуксовать заявленные политические и экономические реформы и намечающееся изменение конституции.

Очевидно, что дистанцирование от России – это долговременный тренд и стратегический ориентир правительства и президента Республики Молдова. М. Санду постарается, максимально сохраняя имеющиеся преференции Молдовы в отношениях с РФ и ЕАЭС, продолжить курс «румынизации за счет России». В наиболее существенных вопросах Молдова переходит под внешнее управление ЕС и США (стремление на вступление в НАТО), что воспринимается немалой частью населения и элитой не как проблема, но как возможность.

⁴² Electricity prices for non-household consumers – bi-annual data (from 2007 onwards). URL: https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=nrg_pc_205&lang=en

Литература

Кузьмина Е. Сотрудничество РФ и ЕС с Приднестровьем. Экономический аспект // Роль России и ЕС в конфликтах и кризисах на постсоветском пространстве: конкуренты или союзники? Монография / Под ред. Н.М. Михеевой, Н.В. Шевчук. М.: Знание-М, 2021. С. 123–130.

Лавренов С. Новый этап газовых отношений России и Молдавии // Геополитика энергетики. 2020а. № 1. С. 41–55.

Лавренов С. Энергетическая политика Молдавии в условиях коронавируса // Геополитика энергетики. 2020б. № 2. С. 38–51.

Евразийская интеграция в турбулентном мире / Под ред. Л. Вардомского. С-Пб.: Алетейя, 2019. 288 с.

Политические процессы на постсоветском пространстве: новые тренды и старые проблемы. Коллективная монография / Отв. ред. Э.Г. Соловьев, Г.И. Чуфрин. М.: ИМЭМО РАН, 2020. 276 с

Социально-экономическое развитие постсоветских стран: итоги двадцатилетия. М.: ИЭ РАН, 2012. 400 с.

Тяжелова В., Шаропова-Антонова К. ЕС – Молдова // Европейский союз: факты и комментарии. 2018. № 92. С. 84–94.

Тяжелова В. В., Шаропова-Антонова К. Ю. Отношения ЕС – Молдова: трудности в период пандемии // Европейский союз: факты и комментарии. 2020. № 100. С. 119–126.

Тяжелова В., Шаропова-Антонова К. ЕС – Молдова (Декабрь 2020 – май 2021) // Европейский союз: факты и комментарии. 2021а. № 104. С. 81–89.

Тяжелова В., Шаропова-Антонова К. ЕС – Молдова (июнь – ноябрь 2021) // Европейский союз: факты и комментарии. 2021б. № 106. С. 84–91.

Фокина Л. 25 лет независимости Республики Молдова. Основные итоги // Россия и новые независимые государства Евразии. 2017. № 2 (35). С. 9–24.

Фокина Л. Молдова: в поиске внешнеэкономических приоритетов // Мир перемен. 2018а. № 3. С. 132–147.

Фокина Л. Молдова: политические и экономические процессы на современном этапе // Диалог: политика, право, экономика. 2018б. № 4(11). С. 40–48.

Статья поступила 09.02.2022

Статья принята к публикации 12.02.2022

Для цитирования: Кузьмина Е. М. Эволюция внешних связей Молдовы периода независимости // ЭКО. 2022. № 3. С. 62–83. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-3-62-83

Summary

Kuzmina, E. M., Cand. Sci. (Political), the Center for Post-Soviet Studies, E. Primakov Institute of World Economy and International Relations, RAS, Moscow

Evolution of External Relations of Moldova in the Period of Independence

Abstract. Over the 30 years of independence Moldova has passed a difficult way of diversifying its foreign economic and political relations. The Republic rebuilt its relations with Russia and the European Union under the conditions of the lack of

identity of the population and its unity in the question of the country's future. This paper analyzes the dynamics of these processes and examines their causes. One of the most important factors influencing the foreign economic course of Moldova is its association with the EU. The current state of Moldova's foreign relations was demonstrated.

Keywords: *Moldova; Pridnestrovian Moldovan Republic; Gagauzia; European Union; association with EU; Russia; EEU; observer status; Romanianization; foreign economic relations*

References

Eurasian integration in a turbulent world. (2019). Ed. L. Vardomsky. S-Pb. Ed. "Alethea". 288 pp. (In Russ.).

Fokina, L. (2018a). Moldova: in search of foreign economic priorities. *World of change*. No. 3. Pp. 132–147. (In Russ.).

Fokina L. (2018b). Moldova: political and economic processes at the present stage. *Dialogue: politics, law, economics*. No. 4(11). Pp.40–48. (In Russ)

Fokina, L. (2017). 25 years of independence of the Republic of Moldova. Main results. *Russia and the new independent states of Eurasia*. No. 2 (35). Pp. 9–24. (In Russ.).

Kuzmina, E. (2021). *Cooperation between the Russian Federation and the EU with Pridnestrovie. Economic aspect. The role of Russia and the EU in conflicts and crises in the post-Soviet space: competitors or allies?: monograph* / Ed. N.M. Mikheeva, N.V. Shevchuk. Moscow, Znanie-M. Pp. 123–130. (In Russ.).

Lavrenov, S. (2020a). New stage of gas relations between Russia and Moldova. *Geopolitics of Energy*. No. 1. Pp. 41–55. (In Russ.).

Lavrenov, S. (2020b). Energy policy of Moldova in the context of coronavirus. *Geopolitics of Energy*. No. 2. Pp. 38–51. (In Russ.).

Political processes in the post-Soviet space: new trends and old problems. (2020). Collective monograph / Ed. E.G. Solovyov, G.I. Chufirin. Moscow. IMEMO RAS, – 276 p. (In Russ.).

Socio-economic development of the post-Soviet countries: the results of twenty years. (2012). Moscow. IE RAS, 400 p. (In Russ.).

Tyazhelova, V., Sharapova-Antonova, K. (2018). EU – Moldova. *European Union: facts and comments*. No. 92. Pp.84–94. (In Russ.).

Tyazhelova, V., Sharapova-Antonova, K. (2021). EU-Moldova (December 2020 – May 2021). *European Union: facts and comments*. No. 104. Pp. 81–89. (In Russ.).

Tyazhelova, V., Sharapova-Antonova, K. (2021). EU-Moldova (June – November 2021). *European Union: facts and comments*. No. 106. Pp. 84–91. (In Russ.).

Tyazhelova, V.V., Sharapova-Antonova, K. Yu. (2020). EU-Moldova relations: crisis during the pandemic. *European Union: facts and comments*. No. 100. Pp. 119–126. (In Russ.).

For citation: Kuzmina, E.M. (2022). Evolution of External Relations of Moldova in the Period of Independence. *ECO*. No. 3. Pp. 62–83. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECCO131-7652-2022-3-62-83

Пространственная интеграция экономики: теоретические концепции и проблемы обеспечения на региональном уровне¹

С.А. КОЖЕВНИКОВ, кандидат экономических наук
E-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru; ORCID ID: 0000-0001-9063-6587
Вологодский научный центр РАН, Вологда

УДК 338.2
ББК 65.05

Аннотация. В статье на базе критического анализа теоретических концепций обоснованы сущность, «родовые» признаки, предпосылки и условия обеспечения пространственной интеграции экономики регионов. Показано, что интеграция часто трактуется как синоним конвергенции территорий, однако взаимодействие муниципалитетов Республики Карелия и Финляндии обнаруживает иное – она не всегда обеспечивает конвергенцию на практике. Рассматривая интеграцию как процесс, развивающийся во времени и по сферам, с использованием закона единой цены, а также в рамках «потокowego» подхода к оценке, были исследованы особенности интеграционных процессов на рынках товаров и факторов производства (труда) северных регионов. Проанализированы институциональные, нормативно-правовые, инфраструктурные аспекты пространственной интеграции, барьеры и проблемы ее обеспечения на внутри- и межрегиональном уровнях. Обоснованы приоритеты государственной политики по обеспечению единства экономического пространства страны.

Ключевые слова: экономическое пространство; пространственная интеграция; регион; региональная экономика; конвергенция

Введение

Рыночные реформы, проведенные в 1990-х гг. в «шоковом» варианте, привели к разрушению сложившихся экономических связей между регионами России. Так, только в 1990–1994 гг. доля межрегионального оборота в ВВП (ключевого показателя интегрированности экономического пространства) снизилась с 22 до 16%, а к концу 1990-х гг. – до 12–13% [Гранберг, 1999]. Несмотря на восстановительный рост экономики в 2000-х гг.,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–110–50192.

межрегиональный оборот так и не преодолел планку в 15% ВВП, а степень развития межрегиональных взаимодействий в настоящее время далека от оптимальной [Котов, 2021].

Главными причинами ослабления связей стало возрастание конкуренции регионов за привлечение человеческих, финансовых, инвестиционных ресурсов; либерализация внешней торговли и переориентация хозяйствующих субъектов на внешние рынки. Это изменило характер территориального разделения труда, привело к разрушению экономического фундамента территориальной целостности страны².

В связи с этим в науке, практике управления пришло понимание, что конкурентная борьба не позволяет эффективно использовать потенциал территорий, так как стимулирует их обособление, нарастание дифференциации по уровню развития. В результате все большее распространение получает позиция о необходимости координации усилий регионов³, обеспечения пространственной интеграции их экономик.

Данная проблематика является особенно актуальной для северных территорий России, поскольку около 2/3 ее площади относится к зоне Крайнего Севера и приравненным к ней местностям. Эти субъекты РФ обладают огромным природно-ресурсным, геостратегическим и транзитным потенциалом. Вместе с тем снижение в условиях рынка регулирующей роли государства в освоении пространства Севера, переориентация регионов на внешние рынки в качестве поставщиков сырьевых ресурсов привели к нарастанию дезинтеграционных процессов в национальном пространстве, снижению эффективности использования потенциала данных территорий и их вклада в обеспечение роста экономики России [Лаженцев, 2020].

Учитывая стратегическую значимость северных регионов для развития России, их интеграция в экономическое пространство страны является задачей национальной безопасности. Однако

² Проблема является характерной не только для России. Так, ускоренное развитие экспортоориентированных восточных провинций Китая на фоне отстающего развития западных и центральных районов привело к дезинтеграции пространства КНР [Guo, 2016].

³ Конкуренция в процессе эволюции также претерпевает изменения [Полтерович, 2015]: в ней возрастает роль институтов сотрудничества, горизонтальной кооперации [Крюков, 2020] как в бизнес-среде, так и между территориальными системами различных уровней.

ее решение осложняет довольно слабый уровень развития теории и методологии обеспечения пространственной интеграции регионов в условиях рынка; в науке до сих пор не сложилось единой трактовки сущности данной категории, факторов, которые обеспечивают на практике интеграцию пространства. Эти обстоятельства обуславливают актуальность данной статьи.

Целью работы является критический анализ теоретических концепций пространственной интеграции экономики и проблем ее обеспечения на внутри- и межрегиональном уровнях.

Объект исследования – субъекты РФ, входящие в состав Европейского Севера России.

Пространственная интеграция экономики: анализ теоретических концепций

Интеграция является имманентным свойством любой системы и подразумевает под собой процесс формирования и развития тесных связей между ее элементами для повышения как их устойчивости, так и системы в целом. Применительно к региональным системам исследователи [Полякова, 2011; Uszkai, 2015] сходятся во мнении, что движущей силой развития в них интеграционных процессов выступают отношения географического *разделения и кооперации труда*.

Интеграция является *пространственной*, если разные участники, разделенные в пространстве, имеют единую систему координат общей деятельности. Сложность ее исследования связана с тем, что в науке не выработано пока единой концепции, которая комплексно бы объясняла интеграцию региональных систем, т.е. объединяла в себе анализ пространственной организации регионов и развития в них связей (внутрирегиональная интеграция), а также межрегиональной интеграции в рамках национального пространства.

Ближе всего к пониманию закономерностей протекания этих процессов подошли теории международной экономической интеграции (МЭИ), зародившиеся в середине XX в. и в дальнейшем развивающиеся в рамках ряда научных школ. Основным отличием последних является разное понимание роли государства в регулировании интеграционных процессов; сфер, где развитие интеграции целесообразно и эффективно; механизмов ее обеспечения.

Постепенно (с рыночно-институциональной школы) интеграция стала трактоваться не только в статике, но и в динамике, т.е. как процесс. Б. Баласса обосновал этапы углубления интеграции, которая зарождается на товарных рынках, потом развивается на рынках факторов производства, в институциональной, социальной, политической сферах, что ведет к формированию единого пространства, конвергенции территорий по ключевым показателям.

Представители неокейнсианской (Р. Купер, Я. Тинберген) и функциональной школ (Д. Митрани, Ф. Шмиттер) доказали, что для активизации интеграционных процессов необходимы принятие законов и разработка инструментов, направленных на устранение барьеров взаимодействия государств в различных сферах, формирование институтов, наднациональных структур управления интеграцией. В дальнейшем эти положения получили развитие в неофункционализме, теории «крепкого ядра», концепции «конфедерации» и др.

Несомненным достоинством советской школы исследования международной экономической интеграции (М. Максимова, В. Шмелев, Ю. Шишков) был акцент на изучении всех стадий воспроизводственного процесса интегрирующих стран; межотраслевого и внутриотраслевого разделения труда. Однако интеграция рассматривалась с позиции обобществления производств, прочие ее аспекты (интеграция в социальной, инновационной, культурной сферах) исследовались недостаточно.

Таким образом, в школах МЭИ зародились научные основы исследования интеграции. Вместе с тем существенным их недостатком является рассмотрение экономики стран как «точек», т.е. не имеющих внутренней пространственной структуры; слабый акцент на исследовании интеграции регионов в рамках национального пространства.

В определенной степени устранили эти недостатки теории кумулятивного роста. Дж. Фридман, Г. Мюрдаль, Ж. Будвиль и др. обосновали, что пространственная интеграция достигается за счет развития устойчивых потоков товаров, факторов производства по линии «центр-периферия». Ф. Перру доказал, что она обеспечивается посредством рынка, инвестиций и институтов. П. Потье показал важнейшую роль транспорта в формировании интеграционного пространства.

Зарубежная теория кластеров (М.Ю. Портер, М. Энрайт) объясняет особенности формирования интегрированных структур, базирующихся на углублении специализации, конкуренции и кооперации при производстве между сетью независимых, но географически соседствующих агентов. Важно также обратить внимание на теорию территориально-производственных комплексов (ТПК), разработанную советскими учеными (Н. Баранским, Н. Колосовским, М. Бандманом). Они исследовали процессы консолидации природных, материально-технических, трудовых ресурсов, в результате которых формируется специализированный экономический регион. Огромное влияние на развитие методологии исследования интеграции оказал А.Г. Гранберг.

Все перечисленные теории объясняют те или иные особенности развития межгосударственных и межрегиональных связей. Однако нельзя не согласиться с позицией П. Я. Бакланова [Бакланов, 2002], что в чистом виде таких связей не существует, поскольку они складываются между предприятиями различных отраслей, находящихся в разных регионах. Именно они интегрируются в форме межтерриториальных. Поэтому чрезвычайно важно исследовать особенности интеграции на уровне хозяйствующих субъектов.

В частности, Р. Коуз, О. Уильямсон, Б. Клейн обосновывали, что вертикальная интеграция фирм обеспечивает снижение издержек, себестоимости производства, расширение рынка сбыта. Эти позитивные эффекты достигаются за счет нулевой рентабельности обмена между подразделениями, снижения административных барьеров их взаимодействия, наличия централизованных органов управления производственной и иной деятельностью, которые распределяют эффекты по звеньям цепочки. Теории интернализации (П. Бакли, М. Кэссон), системной интеграции (Г. Клейнер) рассматривают крупную фирму как управляемую систему, объединяющую технологические, институциональные, культурные и поведенческие процессы [Клейнер, 2005]. Отсюда очевидно, что интеграция развивается не только по поводу производства, но и в других сферах хозяйственных систем.

Таким образом, *пространственная интеграция экономики регионов является процессом, развивающимся во времени и углубляющимся по сферам*. Наличие торговых и производственно-кооперационных связей регионов – это лишь *предпосылка ин-*

теграции, которая в дальнейшем разворачивается на факторных рынках, в других сферах, институциональном пространстве. При этом углубление интеграции невозможно без создания межрегиональных структур управления, что придает ей регулируемый характер.

Пространственная интеграция относится к более сложным категориям, чем «межрегиональное экономическое сотрудничество», «межрегиональная кооперация», «экономическая интеграция». Так, межрегиональное экономическое сотрудничество, как правило, рассматривают через призму финансовых (инвестиционное сотрудничество, «горизонтальные» субсидии) и нефинансовых (информационное сотрудничество, взаимодействие при формировании нормативно-правовой базы) форм совместного участия регионов в решении общих задач. Одной из них является межрегиональная кооперация, которая трактуется как форма организации совместной деятельности агентов различных регионов с учетом разделения между участниками функций, ролей и обязанностей. При этом сохраняется самостоятельность субъектов.

В свою очередь пространственная интеграция экономики регионов является высшей стадией эволюции их пространства, характеризующейся «сращиванием» их хозяйственных комплексов и формированием системы с новым качеством в результате развития тесных связей между ее элементами. При этом новое целое не теряет внутренней сложности. Пространственный подход к трактовке интеграции рассматривает регион не как точку (в отличие от категории «экономическая интеграция» в теориях МЭИ и др.), а в качестве системы, имеющей внутреннее пространственное измерение.

Иными словами, такая интеграция является пространственным выражением социальной интеграции в широком смысле этого слова и включает в себя сотрудничество регионов в инфраструктурной, инновационной, социальной, культурной, научной и прочих сферах [Вое et al., 1999], ведущее к формированию новой системы. Интеграция часто трактуется как синоним конвергенции территорий. Однако на практике эти процессы далеко не всегда совпадают. Во-первых, интеграция и конвергенция находятся в отношениях диалектики [Челнокова, 2016]: схожесть территорий является предпосылкой интеграции,

которая в ходе своего развития ведет к конвергенции сегментов социально-экономической системы. Во-вторых, опыт развития регионов (прежде всего приграничных) показывает, что взаимосвязь между интеграцией и конвергенцией далеко не автоматическая.

Наряду с предпосылками анализ литературы позволил выявить и барьеры, ограничивающие развитие пространственной интеграции [Курушина, 2019; Бухвальд, Иванов, 2015]:

- *естественные (физические)* – географическая удаленность и слабый уровень развития транспортной, инженерной инфраструктуры;

- *экономические* – низкая емкость региональных рынков; разрушение сложившейся системы разделения труда на меж- и внутрирегиональном уровнях; значительное экономическое расстояние; высокий уровень различий в социально-экономическом развитии территорий;

- *социальные* – социальные, культурные различия территорий, отсутствие исторически сложившихся связей; неразвитость социальной инфраструктуры; несбалансированные миграционные потоки;

- *институционально-правовые* – административно-территориальный принцип управления региональным развитием; низкая эффективность работы институтов управления интеграцией или их отсутствие; неурегулированность межбюджетных отношений; различие в качестве и полноте правового регулирования хозяйственной деятельности в субъектах РФ.

Материалы и методы

В аналитических работах при исследовании интеграции часто используется т.н. «поточковый» метод, предполагающий ее оценку по показателям межрегиональных потоков товаров и факторов производства [Houtum, 2000; Белоусова, 2012]. Однако, на наш взгляд, потоки помогают оценить лишь предпосылки, но не дают информации о текущем уровне интеграции, а также более «зрелых» стадиях ее развития (например, в институциональном пространстве).

В связи с этим применялся комплексный подход: для анализа предпосылок и барьеров интеграции на рынках использовались методы исследования межрегиональных потоков. Закон единой цены позволил провести оценку текущего уровня интеграции

рынков регионов. Далее была проведена оценка институциональных аспектов интеграции. Это дало возможность выявить экономические, социальные, институционально-правовые барьеры ее развития.

Информационной базой выступили данные Росстата; Росавтодора; инвестиционной компании InfraOne, специализирующейся на прямых инвестициях в инфраструктуру; стратегические и программные документы развития регионов; отчеты о деятельности институтов межрегионального развития.

Предпосылки и барьеры развития пространственной интеграции северных регионов

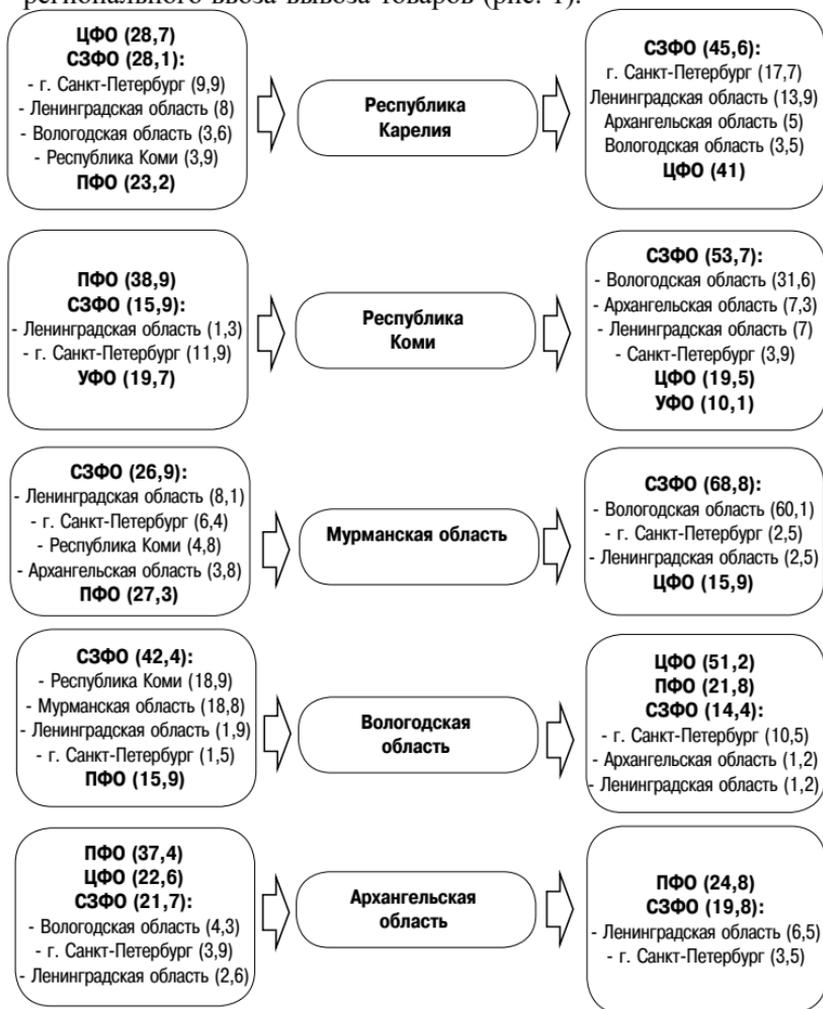
Среди северных территорий страны особое место занимают субъекты Европейского Севера России (Архангельская, Вологодская, Мурманская области, республики Коми, Карелия и Ненецкий АО), обладающие огромным природно-ресурсным, промышленным, транзитным, геостратегическим потенциалом.

Состав Европейского Севера повторяет границы Северного экономического района, являющегося в советский период объектом планового управления. При переходе к рынку и после создания СЗФО целостность экономического пространства района была нарушена, многие инструменты координации развитием входящих в его состав территорий были упразднены. Вместе с тем необходимость консолидации потенциалов субъектов Европейского Севера России для решения их общих задач (инфраструктурного обустройства, освоения Арктики и т.п.) и увеличения на основе этого их вклада в развитие страны и обеспечение национальной безопасности не вызывает сомнений.

Отраслями специализации Европейского Севера являются лесной комплекс, черная и цветная металлургия, химическая промышленность, ТЭК, опирающиеся на богатую минерально-сырьевую базу, а также транспорт.

В период СССР здесь был сформирован ряд крупных *территориально-производственных комплексов* (Северная угольно-металлургическая база, Тимано-Печорский, Кольско-Карельский ТПК). Именно в рамках ТПК сложились основные связи между субъектами ЕСР, которые сохранились до настоящего времени.

Об этом свидетельствуют данные о стоимостных объемах межрегионального ввоза-вывоза товаров (рис. 1).

Источник. Рассчитано по данным, полученным из запроса в Росстат.

Рис. 1. Основные потоки межрегионального ввоза-вывоза товаров (2016 г., без учета экспорта), % их общего объема в стоимостном выражении

Так, в Вологодскую область направляется почти треть вывозимой из Республики Коми в другие регионы продукции (каменный уголь, продукты нефтепереработки); из Мурманской области –

60% (железная руда). Здесь прослеживаются технологические цепочки ПАО «Северсталь», ПАО «Фосагро» и других крупных хозяйствующих субъектов, подразделения которых располагаются в разных регионах Европейского Севера.

Однако более тесные связи в рамках системы национального разделения труда существуют с южными субъектами СЗФО. При этом за пределы Европейского Севера вывозится в основном продукция минерально-сырьевого комплекса и переработки природных ресурсов (строительные материалы, древесина, пиломатериалы, бумага, уголь, прокат черных металлов, трубы стальные, удобрения), пищевой промышленности (молоко, мясо, комбикорма), а ввозятся товары более высоких переделов (автомобили, вагоны, компрессоры, бульдозеры, медицинская техника, автомобильные шины, синтетические средства, бытовая мебель), продовольствие. Таким образом, в системе разделения труда Европейский Север продолжает играть роль «ресурсной кладовой», как это было и во времена СССР.

На снижение его внутренней интегрированности существенно повлияла переориентация товарных потоков на внешние рынки в ходе либерализации торговли в 1990-е гг. В частности, в настоящее время экспортируется 70–75% продукции, произведенной в Карелии, 50–55% – в Мурманской области, 40% – Коми. Однако сохранившиеся связи являются объективной предпосылкой для развития пространственной интеграции северных регионов как между собой, так и с расположенными южнее территориями страны (прежде всего в рамках макрорегиона).

Для оценки уровня интеграции северных регионов на товарных рынках был использован инструментарий, обоснованный в работах [Глуценко, 2002; Сазонова, 2005] и базирующийся на выполнении закона единой цены. Он исходит из положения, что в интегрированной экономике рост спроса на территории ведет к увеличению здесь уровня цен на товары и их предложения за счет ввоза из других областей. Это приведет к снижению цен в данной местности, а также за счет эффекта пространственного арбитража обеспечит рост цен на товары на территориях, где они изначально были ниже. На практике закон единой цены в строгой форме не выполняется, поскольку всегда имеют место издержки на преодоление «естественных» препятствий товарообороту (расстояния между населенными пунктами и т.п.).

Представленные ниже расчеты уровня интеграции рынков продуктов питания Европейского Севера базируются на выявлении зависимости между разбросом уровней цен на товары и уровней доходов населения в регионах:

$$\ln(P_{at}/P_{\text{средт}}) = \alpha_t + \beta_t \ln(I_{at}/I_{\text{средт}}) + \varepsilon_{\text{rst}},$$

где a – регион;

P_{at} – стоимость условного набора продуктов питания в регионе a в момент времени t ;

$P_{\text{средт}}$ – средняя стоимость условного набора продуктов питания по группе оцениваемых субъектов РФ;

I_{at} – среднедушевые денежные доходы населения в субъекте a в момент времени t ;

$I_{\text{средт}}$ – среднедушевые денежные доходы населения по группе оцениваемых субъектов РФ в момент времени t ;

β_t – коэффициент, характеризующий зависимость различия уровней цен товаров и среднедушевых доходов в субъекте a от среднего по группе оцениваемых субъектов РФ (количественная оценка уровня интеграции рынков);

α_t – коэффициент, оценивающий вклад всех факторов в разброс уровней цен между субъектом a и средним по группе исследуемых субъектов РФ;

ε_{rst} – ошибка модели регрессии.

При этом отсутствие зависимости локального уровня цен от уровня доходов является свидетельством пространственной интеграции товарных рынков ($\beta_t = 0$). Если же зависимость имеет место быть, можно говорить о наличии барьеров такой интеграции.

Исходными данными для анализа послужили временные ряды уровней цен (измеряемых через стоимость условного набора продуктов питания) и доходов (среднедушевые денежные доходы населения) по регионам Европейского Севера России в период с января 2009 г. по декабрь 2020 г. с месячным шагом (144 периодов наблюдения). Как свидетельствуют полученные значения коэффициента детерминации, практически все значения показателя уровня интеграции (β_t) за эти периоды статистически достоверны.

Динамика среднегодового уровня интеграции рынков продуктов питания регионов (β_t) в 2009–2020 гг., полученная как

средняя арифметическая по месяцам в рамках года, представлена на рис. 2.

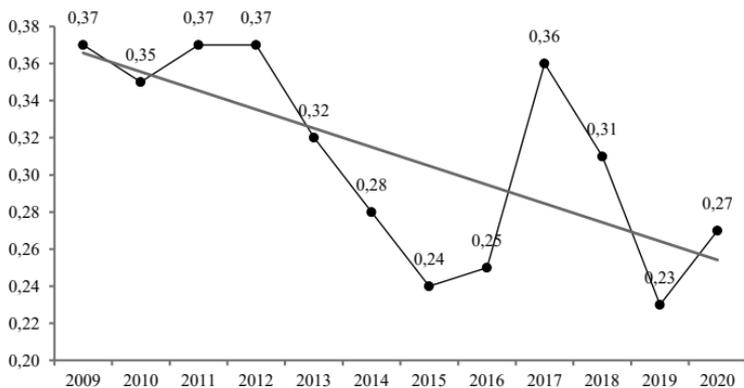

Рис. 2. Динамика уровня интеграции рынков продуктов питания Европейского Севера России в 2009–2020 гг.

Если в 2009–2015 гг. наблюдалась положительная тенденция к повышению уровня интегрированности рынков (более быстрый рост доходов населения над уровнем цен), то с 2016 г. активизировались дезинтеграционные процессы. Негативно повлияли на уровень интеграции регионов и ограничительные меры 2020 г. В целом за исследуемый период значение β_1 по-прежнему достаточно высокое, что свидетельствует о барьерах развития интеграции товарных рынков⁴.

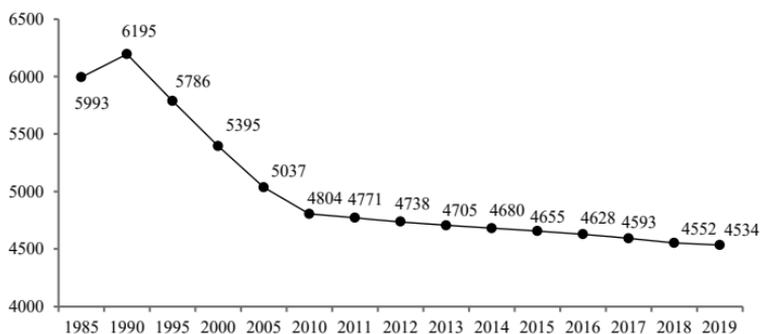
Закон единой цены можно применять и для анализа уровня интеграции рынков факторов производства (труда). Под интеграцией на рынке труда понимается состояние свободного перетока трудовых ресурсов, обеспечивающего сбалансированность рынка с точки зрения спроса и предложения. При этом однородность рынка мы будем оценивать вариацией показателей уровня безработицы (по методологии МОТ) и напряженности на рынке труда.

Полученные результаты говорят о том, что в настоящее время отмечается *слабая интегрированность северных регионов на рынке труда*. Об этом, в частности, свидетельствует

⁴ При этом значения коэффициента в исследуемый период были выше, чем в начале 2000-х гг. (тогда значение β_1 находилось в диапазоне 0,20–0,28).

высокий коэффициент вариации по показателю напряженности⁵ (1992 г. – 91,6%; 2019 г. – 46,6%, пороговое значение – 33,3%). Одной из ключевых причин дезинтеграционных процессов на рынке труда является значительный центростремительный вектор миграции трудовых ресурсов в южные регионы СЗФО (г. Санкт-Петербург, Ленинградскую область) и ЦФО (г. Москву, Московскую область).

При этом устойчивое сокращение численности населения является одним из барьеров обеспечения интеграции пространства на внутри- и межрегиональном уровнях. Так, в 1990–2019 гг. Европейский Север России потерял более ¼ населения (1,6 млн чел.), а это кадры для экономики, потребители, формирующие спрос (рис. 3). Вслед за этим происходит резкое *сжатие емкости региональных рынков*, что снижает привлекательность территорий для бизнеса, ограничивает развитие торговых связей с другими регионами, т.е. интеграцию Севера в национальный рынок.

Источник. Рассчитано по данным Росстата.

Рис. 3. Численность постоянного населения Европейского Севера России в 1985–2019 гг. (на 1 января), тыс. чел.

Сокращение численности населения привело к *локационному сжатию* «пространства жизни». Так, если в 1970 г. в Архангельской области насчитывалось 5249 сельских населенных пунктов с постоянными жителями, в 1989 г. – 3651, то к 2010 г. уже 3108 ед. Параллельно происходило *измельчение территориально-*

⁵ Рассчитывается как отношение среднегодовой численности безработных (по методологии МОТ) к среднегодовому числу вакансий, сообщенных работодателями в органы службы занятости населения.

поселенческой структуры. Даже в Вологодской области – самом южном субъекте Европейского Севера – без населения или малочисленными (до 10 человек) в 2010 г. было более 2/3 общего числа мест расселения, часть из которых к 2020 г. потеряли статус населенного пункта (табл. 1).

Таблица 1. Распределение населенных пунктов Вологодской области по численности населения в 1979–2020 гг.

Населенные пункты	1979	1989	2002	2010	2020
Всего, ед.	9052	8459	8041	8006	7877
Из них:					
без населения	484	1346	1625	2131	
С числом жителей:					
до 10 чел.	2049	2746	3046	3228	
10–50 чел.	4232	2904	2244	1684	
51–100 чел.	1276	641	424	369	
свыше 100 чел.	1011	822	702	594	

Источник. Данные Всероссийских переписей населения, Вологдастата

Это ведет к *разрушению пространственного каркаса, увеличению географической удаленности между его элементами и росту затрат на обеспечение их взаимодействий.* Ситуация усугубляется кризисным состоянием и депопуляцией практически всех малых и средних городов Севера, традиционно служивших связующим элементом между крупными городами и сельской местностью.

Еще одним барьером развития интеграции является *упрощение в рыночных условиях структуры хозяйства* экономических центров Европейского Севера, приводящее к разрушению сложившейся системы разделения труда на внутри- и межрегиональном уровнях. Так, в СССР экономическое ядро значительной части средних и малых городов Севера составляли сразу несколько ведущих отраслей специализации (табл. 2). Это способствовало развитию устойчивых кооперационных связей как по линии «город-село» внутри одного региона, так и между северными территориями. Однако переход к рынку запустил негативные процессы по разрушению данных отраслей. Например, в постсоветский период Воркута не только пережила кризис в угольной промышленности, из нее «ушли» «знаниевые» функции,

(актуальные для всей зоны Севера), что обострило проблемы этого и других моногородов⁶.

Таблица 2. **Ключевые отрасли экономики некоторых северных городов Европейского Севера России**

Город	Период СССР (II пол. XX в.)	Современный период
Воркута	Угледобыча; «северная» наука (в сфере северного строительства, мерзлотоведения, экологии); пищевая промышленность; швейное производство.	Угледобыча (затухающая); производство цемента; пищевая промышленность.
Инта	Угольная промышленность; производство кирпича; деревообработка.	Переработка оленины; молочная промышленность; добыча природного газа.
Кондопога	Целлюлозно-бумажное производство; горная промышленность; производство кирпича; лесная промышленность.	Целлюлозно-бумажное производство; производство шунгита ⁷ .
Надвоицы	Алюминиевая промышленность; лесное промышленное хозяйство; транспорт: внутренний водный, железнодорожный.	Производство алюминиевых радиаторов; производство микрошунгита.
Великий Устюг	Лесная промышленность; машиностроение; внутренний водный транспорт; легкая промышленность; пищевая промышленность; туризм.	Лесная промышленность; туризм; легкая промышленность; пищевая промышленность.

Источник. Составлено на основе анализа стратегических и программных документов развития городов.

Иными словами, произошло разрушение отраслей, связанных с обеспечением устойчивости северных городов, их встраиванием в региональные и национальные цепочки добавленной стоимости.

В целом, экономика северных регионов является экспортно ориентированной с преобладанием отраслей, производящих продукцию первых переделов. Так, в структуре экспорта Карелии в 2020 г. на древесину, лесоматериалы низкой степени переработки приходилось 37,4% общего объема вывоза; продовольственные товары – 18,8%; целлюлозно-бумажные изделия – 38,5%. Импортировалась преимущественно машиностроительная продукция.

⁶ Замятина Н. Салехард и Воркута: по разные стороны. URL: <https://goarctic.ru/society/salekhard-i-vorkuta-po-raznye-storony/> (дата обращения: 24.06.2021)

⁷ Оба производства имеют весьма ограниченные мощности.

Ключевой страной – контрагентом Карелии является Финляндия (ее доля во внешнеторговом обороте составляет около ¼). Для активизации сотрудничества в 2000 г. был сформирован Еврорегион «Карелия». Его деятельность способствовала развитию кооперационных взаимодействий стран на товарных рынках. Однако, как справедливо отмечают исследователи [Дружинин, Кукарева, 2012], российская сторона выступает преимущественно в качестве поставщика сырья, и «западная часть Карелии стала частью финского лесного кластера, поставляя ресурсы для финских лесоперерабатывающих предприятий».

Иными словами, характер торговых отношений не привел к более зрелым формам интеграции, качественному сближению (конвергенции) экономических систем регионов России и Финляндии, развитию их как единого трансграничного региона ввиду сохраняющихся чрезвычайно высоких диспропорций в развитии его частей.

Так, в 2018 г. доход домашних хозяйств на душу населения в финских территориях составлял 18,5 тыс. евро, а в Республике Карелия – 5,9 тыс. евро. Сохраняются огромные технологические различия в сфере экономики территорий⁸. Причем для российской стороны эта ситуация усугубляется крайне низкими расходами на НИОКР (в 2019 г. различия между российскими и финскими муниципалитетами по этому показателю на душу населения достигали 80 раз), что консервирует устаревшую структуру карельской экономики и отношения с зарубежной стороной на принципах сырьевого придатка.

Важнейшим барьером пространственной интеграции экономики страны выступает ее *слабая инфраструктурная обустроенность*. Согласно исследованию компании InfraOne⁹, инфраструктурные проблемы являются весьма актуальными и для Европейского Севера. Так, в 2020 г. интегральный индекс развития инфраструктуры здесь составлял от 5,34 (Архангельская область) до 5,81 баллов (Ненецкий АО) из 10 (лидер – г. Москва (7,77)).

⁸ В структуре экономики муниципалитетов Финляндии значительную долю занимают «синияя», лесная биоэкономика, распределенная биопереработка, фотоника, ИКТ, разработка материалов для химической промышленности, деревянное домостроение. URL: <https://www.euregiokarelia.com> (дата обращения: 20.07.2021).

⁹ Аналитический обзор «Инфраструктура России: индекс развития 2020. URL: <https://infraone.ru> (дата обращения: 21.06.2021)

Аналогичным образом складывается ситуация и с транспортной инфраструктурой: в Архангельской области уровень ее развития составляет 2,52 балла, Карелии – 2,73, Вологодской области – 2,86 из 10 (лидер – г. Москва с 8,54 баллами).

Согласно расчетам, проведенным на основе данных Росавтодора, особо слабая транспортная связность характерна для сельских территорий. В частности, 48,5% сельских населенных пунктов Архангельской области не имеют связи по дорогам с твердым покрытием с сетью дорог общего пользования; в Коми – 32,6%, Вологодской области – 31,6%. Для решения этой проблемы развивается локальная автодорожная сеть (в Мурманской области ею было обеспечено $\frac{1}{4}$ сельских населенных пунктов), но в целом существующая система сообщения ограничивает связность пространства, ведет к дополнительным временным и иным издержкам при логистике.

Процессы пространственной интеграции сдерживаются также барьерами *институционального и нормативно-правового характера*. В частности, сложившаяся в России система управления развитием регионов построена по административно-территориальному принципу, что ограничивает возможности использования инструментов скоординированного развития нескольких субъектов РФ, реализации межрегиональных проектов [Бухарова, 2018].

Потенциал институтов межрегионального сотрудничества также весьма ограничен. Так, регионы Европейского Севера еще в 1990-х гг. вошли в состав ассоциации экономического взаимодействия «Северо-Запад» (правопреемник – АНО «Стратегическое партнерство “Северо-Запад”»). Однако за ассоциациями с самого начала законодательством не было закреплено полноценных управленческих функций, что ограничивало возможности проведения ими социально-экономической политики по согласованному развитию субъектов РФ. В начале 2000-х гг. роль таких структур еще больше снизилась в связи с централизацией управления и созданием федеральных округов как института президентской власти в регионах.

Анализ реализуемых в 2019–2020 гг. при участии Партнерства¹⁰ проектов свидетельствует о том, что данная структура

¹⁰Официальный сайт АНО «Стратегическое партнерство “Северо-Запад”». URL: <https://n-west.su/> (дата обращения: 19.07.2021)

фактически выполняет функции площадки для обмена опытом, анализа лучших практик в целях согласования позиций субъектов РФ по вопросам их развития; куратора при обращении в федеральные органы власти, а также выполняет экспертизу инвестпроектов (которые при этом зачастую находятся еще на концептуальном этапе проработки). Однако, на наш взгляд, интеграции должна способствовать реализация проектов межрегионального значения в производственной сфере, имеющих мультипликативные эффекты и базирующихся на использовании преимуществ специализации и кооперации.

Не сыграли позитивной роли и созданные в 2000-х гг. федеральные округа. Так, СЗФО, как и другие аналогичные структуры, не имеет «хозяйственных» инструментов управления развитием входящих в его состав субъектов Федерации (бюджета и иных «собственных» финансовых инструментов). Функции полномочного представителя Президента РФ носят преимущественно контрольный и церемониальный характер.

Ряд ученых [Бухвальд, 2019; Экономическая интеграция..., 2004 и др.] неоднократно обращали внимание на то, что созданные округа разрушили целостность пространства экономических районов (например, СФО). Наряду с этим ключевыми причинами невыполнения Стратегии социально-экономического развития Сибири 2010–2020 гг. отмечают ориентацию на локальные проекты, недостаток межрегиональных инициатив, слабую поддержку процессов кооперации и интеграции усилий регионов [Сибирский вектор развития..., 2020].

Очередной новацией в поддержке пространственной интеграции стало формирование в соответствии со Стратегией пространственного развития РФ новой сетки *макрорегионов*. Поскольку макрорегионы были созданы «сверху», то для использования интеграционного потенциала необходима реализация по отношению к ним специальной политики, а также создание организационных структур управления [Кузнецова, 2019]. Пока этого, к сожалению, не сделано, как до сих пор не опубликованы стратегии развития макрорегионов и перечень проектов и мероприятий межрегионального характера в экономике и социальной сфере. Так что говорить о статусе и эффективности макрорегионов как института развития пространственной интеграции пока преждевременно.

Ограниченный интеграционный потенциал данных структур усугубляется их слабым инструментальным обеспечением. Так, практически не используются возможности разработки стратегических документов развития и территориального планирования нескольких субъектов РФ; стратегии развития части субъекта РФ, что закреплено в ФЗ-172.

Система межбюджетных отношений также является тормозом для развития интеграционных процессов. Лишь в 2019 г. в законодательстве был закреплен механизм *горизонтальных субсидий*, предполагающий возможность предоставления бюджетам муниципальных образований субсидий из бюджетов других муниципалитетов. Данный механизм может выступить основой для финансирования совместных проектов. Однако практика их использования имеет ограниченный характер [Григоров, 2020].

Заключение

На основе проведенного анализа выявлено, что в настоящее время существует целый ряд благоприятных предпосылок и условий для развития пространственной интеграции субъектов Европейского Севера России, а именно:

- сохранившиеся территориально-производственные связи между ними в рамках национального разделения труда;
- общая инфраструктура территорий (транспортная, энергетическая);
- общие проблемы в развитии территорий, что обуславливает необходимость консолидации потенциала регионов Европейского Севера России для их совместного решения;
- традиционные исторические, социальные, культурные связи между регионами.

Вместе с тем развитие Европейского Севера России в течение последних десятилетий характеризуется наличием дезинтеграционных процессов в его пространстве. Это проявляется в разрушении сложившихся еще во времена СССР кооперационных связей северных субъектов и их переориентации на внешние рынки.

На основе проведенных расчетов с использованием закона единой цены была доказана недостаточная интегрированность рынков товаров (на примере рынка продуктов питания) и труда ЕСР, которая усугубляется нарастанием центростремительного вектора миграции населения с Севера в южные регионы ЦФО

и СЗФО. Обостряются проблемы инфраструктурного обеспечения северных территорий.

Устранению существующих барьеров и обеспечению пространственной интеграции северных регионов, на наш взгляд, будет способствовать реализация государственной политики, направленной на:

1) научное обоснование приоритетов развития интеграционных процессов на основе «умной» специализации, ориентированной на внедрение механизмов модернизации существующих и развития новых центров роста с учетом глобальных сдвигов в мировой экономике;

2) наполнение стратегий и программ развития макрорегионов инструментами разработки и реализации межрегиональных проектов, направленных на модернизацию территориально-хозяйственных систем, получение районного эффекта на общей инфраструктуре, базах снабжения, телекоммуникационных системах;

3) реализацию единой инвестиционной, научно-технологической, структурной, инфраструктурной политики на уровне макрорегионов;

4) формирование механизмов аккумуляции ресурсов для реализации проектов в форме межрегиональных фондов развития, заключения межрегиональных договоров с участием бизнеса [Котов, 2021];

5) повышение эффективности деятельности межрегиональных институтов научно-технологического развития регионов (например, потенциала НОЦ «Российская Арктика...»).

Развитие кооперационных связей субъектов Европейского Севера России во всех сферах региональной социально-экономической системы и дополнение их институтами координации является основой успешного развития интеграционных процессов в экономическом пространстве северных регионов.

Литература

Бакланов П.Я. Интеграционные и дезинтеграционные процессы на Дальнем Востоке России // Региональные исследования. 2002. № 1. С. 11–19.

Белюсова А.В. Межрегиональные взаимодействия: влияние на экономику региона (Хабаровский край) // Пространственная экономика. 2012. № 4. С. 127–137.

Бухарова Е.Б. Нужны новые механизмы государственной региональной политики // ЭКО. 2018. № 6. С. 38–49. DOI: 10.30680/ЕСО0131–7652–2018–6–38–49

Бухвальд Е.М. Правовое регулирование стратегического пространственного и территориального планирования // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 131–143. DOI: 10.12737/jrl.2019.11.10

Бухвальд Е.М., Иванов О.Б. Актуальные проблемы пространственной интеграции российской экономики // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2015. № 5. С. 7–32.

Глуценко К. Эконометрический анализ интегрированности российского внутреннего рынка // Регион: экономика и социология. 2002. № 3. С. 67–86.

Гранберг А.Г. Регионы в экономическом пространстве России // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 1999. № 2. С. 4–12.

Григорьев В.Э. Опыт использования горизонтальных межбюджетных трансфертов в российской федерации на региональном и муниципальном уровне // Актуальные вопросы современной экономики. 2020. № 8. С. 242–253. DOI: 10.34755/IROK.2020.98.20.143

Дружинин П.В., Кукарева Т.В. Сотрудничество приграничных регионов: Карельская практика // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 8. С. 2–9.

Клейнер Г.Б. Системно-интеграционная теория предприятия // Montenegrin Journal of Economics, 2005, December. Vol. 1. № 2. 20 с.

Котов А. Территория требует связной работы: роль межрегиональных взаимодействий в восстановлении экономики (к 100-летию работы И.Г. Александрова «Экономическое районирование России») // Пространственная экономика. 2021. Т. 17. № 1. С. 18–34. DOI: 10.14530/se.2021.1.018–034

Крюков В.А. О взаимосвязи и взаимодействии экономической, промышленной и научно-технологической политик // Управление наукой: теория и практика. 2020. Т. 2. № 2. С. 15–46. DOI: 10.19181/sntp.2020.2.2.1

Крюков В.А., Лавровский Б.Л., Селивёрстов В.Е., Сулов В.И., Сулов Н.И. Сибирский вектор развития: в основе кооперация и взаимодействие // Проблемы прогнозирования. 2020. № 5 (182). С. 46–59. DOI: 10.1134/S1075700720050111

Кузнецова О. Альтернативные подходы к определению роли макрорегионов России в системе государственного управления // Федерализм. 2019. № 4. С. 112–125. DOI: 10.21686/2073–1051–2019–4–112–125

Курушина Е. Управление пространственным развитием на основе межрегиональной экономической интеграции. Тюмень: ТИУ. 2019. С. 78.

Лаженцев В.Н. Север и интеграция социально-экономического пространства (пример Северо-Запада России) // Проблемы прогнозирования. 2020. № 3. С. 50.

Полтерович В.М. От социального либерализма к философии сотрудничества // Общественные науки и современность. 2015. № 4. С. 41–61.

Полякова А.Г. Модернизация структуры экономического пространства региона // Вестник Череповецкого государственного университета. 2011. № 2. Т. 2. С. 28–31.

Сазонова Т. Оценка экономической интеграции российских регионов: На примере СЗФО: автореферат дис. ... к.э.н.: 08.00.05 / Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2005. 22 с.

Челнокова О. Взаимосвязь и взаимообусловленность конвергенции и интеграции в экономике // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2016. Т. 16. № 2. С. 154–158. DOI: 10.18500/1994-2540-2016-16-2-154-158

Экономическая интеграция: пространственный аспект / Под общ. ред. П. А. Минакира. М.: Экономика, 2004. 360 с.

Вое, D., Grasland, C., Healy A. (1999). Spatial integration. URL: http://mcrit.com/SPESP/SPESP_REPORT/spatial_integration.pdf.

Guo, R. (2016). China's spatial (dis)integration as a multiethnic paradox: what do the interprovincial data say? *China Finance and Economic Review*. Vol.4. No. 1. 21 p. DOI:10.1186/s40589-015-0025-4

Houtum, Van H. (2000). An Overview of European Geographical Research on Borders and Border Regions. *Journal of Borderlands Studies*. Vol. 15. No. 1. Pp. 57–83.

Uszkai, A. (2015). Spatial Integration and Identity: Cases of Border Regions. *GAI International Academic Conferences Proceedings Prague, Czech Republic*. Vol. 7. No 10. Pp. 24–36.

Статья поступила 12.05.2021

Статья принята к публикации 27.12.2021

Для цитирования: *Кожевников С. А.* Пространственная интеграция экономики: теоретические концепции и проблемы обеспечения на региональном уровне // ЭКО. 2022. № 3. С. 84–107. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-3-84-107

Summary

Kozhevnikov, S.A., Cand. Sci. (Econ.), Vologda Research Center of the RAS (VolSC RAS), Vologda

Spatial Integration of the Economy: Theoretical Concepts and Problems of Implementation at the Regional Level

Abstract. Based on the critical analysis of theoretical concepts the paper substantiates the essence, “generic” characteristics, prerequisites and conditions for ensuring spatial integration of regional economies. The author shows that integration is often interpreted as a synonym for convergence of territories, however, based on an analysis of the interaction between the municipalities of the Republic of Karelia and Finland it has been proved that it does not always provide convergence in practice. The author considers integration as a process that develops in time and in spheres using the law of a single price as well as within the framework of the “streaming” approach to assessment and identifies the features of integration processes in the markets of goods and factors of productions (labor) in the northern regions. The paper analyzes institutional, regulatory, and infrastructural aspects of spatial integration, barriers to its provision at intra- and interregional levels. The author substantiates the priorities of state policy to ensure the unity of the country’s economic space.

Keywords: *economic space; spatial integration; region; regional economy; convergence*

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-110-50192

References

Baklanov, P. Ya. (2002). Integrational and desintegrational processes in the Far East of Russia. *Regional'nye issledovaniya*. No.1. Pp. 11–19. (In Russ.).

Belousova, A.V. (2012). The inter-regional cooperation: the impact on the regional economy (Khabarovsk Krai). *Spatial Economics*. No. 4. Pp. 127–137. (In Russ.).

Boe, D., Grasland, C., Healy, A. (1999). *Spatial integration*. Available at: http://mcrit.com/SPESP/SPESP_REPORT/spatial_integration.pdf.

Bukharova, E.B. (2018). We need to update the mechanisms of state regional policy. *ECO*. No. 6. Pp. 38–49. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2018-6-38-49 (In Russ.).

Bukhvald, E.M., Ivanov, O.B. (2015). Actual problems of spatial integration the Russian economy. *ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice*. No. 5. Pp. 7–32. (In Russ.).

Bukhvald, E.M. (2019). Legal regulation of strategic spatial and territorial planning. *Journal of Russian Law*. No. 11. Pp. 131–143. DOI: 10.12737/jrl.2019.11.10 (In Russ.).

Chelnokova, O. (2016). The relationship and interdependence of convergence and integration in the economy. *Izvestiya of Saratov university. Economics. Management. Law*. Vol. 16. No. 2. Pp. 154–158. DOI: 10.18500/1994-2540-2016-16-2-154-158 (In Russ.).

Druzhinin, P.V., Kukareva, T.V. (2012). Cooperation of the border region: the Karelian practice. *Regional Economics: Theory and Practice*. No. 8. Pp. 2–9. (In Russ.).

Glushchenko, K. (2002). Econometric analysis of the degree of integration of the national market. *Region: Economics and Sociology*. No. 3. Pp. 67–86. (In Russ.).

Granberg, A.G. (1999). Regions in the economic space of Russia. *Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya*. No. 2. Pp. 4–12. (In Russ.).

Grigorov, V.E. (2020). Assessment of the impact of taxation on income differentiation. *Topical Issues of the Modern Economy*. No. 8. Pp. 242–253. DOI: 10.34755/IROK.2020.98.20.143 (In Russ.).

Guo, R. (2016). China's spatial (dis)integration as a multiethnic paradox: what do the interprovincial data say? *China Finance and Economic Review*. Vol.4. No. 1. Pp. 1–21. DOI:10.1186/s40589-015-0025-4

Houtum, Van H. (2000). An overview of European geographical research on borders and border regions. *Journal of Borderlands Studies*. Vol. 15. No. 1. Pp. 57–83.

Kleiner, G.B. (2005). The system-integrated theory of the enterprise. *Montenegrin Journal of Economics*. Vol. 1. No. 2. Pp. 21–39. (In Russ.).

Kotov, A. (2021). The territory requires coherent work: the role of interregional interactions in economic recovery (to the 100th anniversary of I.G. Aleksandrov's work 'Economic Regionalization of Russia'). *Spatial Economics*. Vol. 17. No. 1. Pp. 18–34. DOI: 10.14530/se.2021.1.018-034 (In Russ.).

Kryukov, V.A. (2020). On the interconnection and interaction of economic, industrial and scientific-technological policies.. *Science Management: Theory and Paractice*. Vol. 2. No. 2. Pp.15–46. DOI: 10.19181/sntp.2020.2.2.1 (In Russ.).

Kryukov, V.A., Lavrovskii, B.L., Seliverstov, V.E., Suslov, V.I., Suslov, N.I. (2020). Siberian development vector: based on cooperation and interaction. *Studies on Russian Economic Development*. No. 5 (182). Pp. 46–59. DOI: 10.1134/S1075700720050111 (In Russ.).

Kurushina, E. (2019). *Spatial development management based on interregional economic integration*. Tyumen: TIU Publ.. 176 p. (In Russ.).

Kuznetsova, O. (2019). Alternative approaches to specify the role macro-regions of Russia in the system of public administration. *Federalizm. Federalism*. No. 4. Pp. 112–125. DOI: 10.21686/2073–1051–2019–4–112–125 (In Russ.).

Lazhentsev, V.N. (2020). The North and the integration of socio-economic spaces: an example in the Russian Northwest.. *Studies on Russian Economic Development*. No. 3. Pp. 48–56. (In Russ.).

Minakir, P.A. (2004). *Economic integration: spatial aspect*. Moscow: Ekonomika Publ. 360 p. (In Russ.).

Polterovich, V.M. (2015). From social liberalism towards the philosophy of collaboration. *Social Sciences and Contemporary World*. No. 4. Pp. 41–61. (In Russ.).

Polyakova, A.G. (2011). Modernization of the structure of the economic space of the region. *Cherepovets State University Bulletin*. No. 2. Vol. 2. Pp. 28–31. (In Russ.).

Sazonova, T. (2005). *Assessment of the Economic Integration of Russian Regions: The Case of the Northwestern Federal District*: Candidate of Sciences (Economics) dissertation abstract. Novgorod State University. Velikii Novgorod. 22 p. (In Russ.).

Uszkai, A. (2015). Spatial integration and identity: cases of border regions. In: *GAI International Academic Conferences Proceedings Prague, Czech Republic*. Vol. 7. No 10. Pp. 24–36.

For citation: Kozhevnikov, S.A. (2022). Spatial Integration of the Economy: Theoretical Concepts and Problems of Implementation at the Regional Level. *ECO*. No. 3. Pp. 84–107. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-3-84-107

Финансиализация и усиление влияния государства в России¹

С.Д. АГЕЕВА, кандидат экономических наук

E-mail: swtageeva@gmail.com; ORCID: 0000 0003–2691–5498

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирск

Аннотация. В статье представлены результаты исследования процесса финансиализации в России, сопровождающейся ростом влияния государства в финансовой сфере. Актуальным и важным дополнением исследования стало включение в анализ данных не только по банковскому сектору, но и по фондовому рынку и связанной с ним финансовой инфраструктуре. Такое более широкое изучение финансиализации позволило выявить и доказательно продемонстрировать доминирующий в настоящее время тренд на усиление участия государства на финансовых рынках. Финансиализация и огосударствление экономики взаимосвязаны. Этот тренд наблюдается как в развитых, так и в развивающихся экономиках, а на их конкретное воплощение во многом влияют исторический опыт и траектория предшествующего пути развития. На основе эмпирического материала показано, как в нашей стране происходило последовательное вытеснение частных компаний из различных сфер финансового бизнеса (банки, биржи, финансовая инфраструктура), как изменились роль и каналы воздействия Банка России и Правительства РФ в финансовой сфере. В настоящее время государство преобладает во всех сегментах и процедурах фондового и банковского рынков России, что сказывается на неравных условиях доступа частных и государственных агентов к финансовым ресурсам, рынкам и технологиям.

Ключевые слова: государство; финансиализация; зависимость от предшествующего этапа развития; банковский сектор; рынок облигаций; рынок акций; биржевая инфраструктура

В настоящее время продолжается эволюция представлений о роли государства в экономическом развитии. В области исследований, определяемой как «государство и экономика» (или «новая структурная экономика»), среди прочих факторов развития уделяется особое внимание тому, как и насколько эффективно в рыночных условиях органы государственной власти мобилизуют эндогенные факторы развития с помощью создания инфраструктуры, проведения промышленной политики и др. Данный тренд – расширение охвата и глубины проникновения

¹ Статья подготовлена автором по проекту 5.6.3.2. (0260–2021–0004) плана научных работ ИЭОПП СО РАН «Механизмы формирования новой модели пространственного развития экономики Российской Федерации, обеспечивающей устойчивое развитие и связанность ее территорий в условиях глобальных вызовов XXI века».

государственного участия в экономику – наблюдается и в развитых, и в развивающихся странах. Он иллюстрируется статистическими данными о росте доли государственной собственности относительно ВВП², об увеличении занятости в государственном секторе и расширении традиционных сфер деятельности органов власти (социальное обеспечение и страхование). В основе этого лежит распространение новых финансовых технологий, обусловивших появление финансиализации.

Финансиализация: определение, национальные особенности

Первые исследования финансиализации относились к развитым странам-лидерам финансового развития – США и Великобритании [Aalbers, 2019; Gupta, 2019]. Их опыт был использован в ходе финансовых реформ в развивающихся экономиках и положен в основу рекомендаций, например, Мирового банка, в части построения моделей финансирования, структуры финансового рынка и пр. Конечно, в каждой конкретной стране эти рекомендации ложились на национальную почву, ее исторические, культурные, институциональные особенности. В России, например, одной из таких особенностей является вековое доминирование государства. Логично предположить, что эта черта проявит себя в процессе финансиализации. Обратимся к определению этого феномена.

К настоящему времени консенсусным стало определение финансиализации Джеральда Эпштейна [Epstein, 2005], который трактует ее как многогранное явление, означающее возрастание роли финансовых мотивов, финансовых рынков, финансовых субъектов в функционировании национальной и международной экономики. Параллельно финансиализация все чаще рассматривается как социальное явление [Aalbers, 2019], как элемент социальной жизни, предполагающий массовое вовлечение всех слоев общества [Demetriades, 2006]. Такое широкое определение позволяет опираться на него при исследовании финансов в различных плоскостях, варьируя объекты, на которые направлена

² Подробные данные по развитым и развивающимся странам мира с середины XIX века до 2018 г. см.: URL: <https://doi.org/10.1016/j.jge.2021.100005>. Например, сегодня государственные бюджеты обычно составляют от 30% до 50% ВВП в странах с рыночной экономикой, а в начале периода – менее 10%.

финансиализация (рынок капитала, инфраструктура рынка, нефинансовые компании, банковский сектор, домохозяйства).

Процессы финансиализации демонстрируют большое разнообразие (см. обзор [Bonizzi, 2014]). Их форма и содержание различаются в зависимости от *институциональных, политических и исторических условий* в каждой стране. Поэтому скорость распространения финансиализации и ее следствия имеют четко выраженные национальные отличительные черты и, следовательно, связь с политическими режимами государств [Laravitsas, Soydan, 2020; Karwowski, 2018].

Отметим некоторые особенности финансиализации на примере развивающихся экономик³, включая те из них, в которых господствующее политическое и/или экономическое положение занимает государство. На примере исследований финансиализации в Южной Африке [Bist, 2018] доказано, что наличие развитого ресурсного сектора вкупе со слабыми институтами ведут экономику к высокой концентрации промышленных и финансовых ресурсов и росту неравенства. В Бразилии и Мексике [Kaltenbrunner, 2018] на финансиализацию значительно повлияли внешние воздействия, связанные с открытием счетов движения капитала и притоком иностранных инвестиций.

Наиболее близкой России представляется модель финансиализации Малайзии [Rethel, 2010], которая развивалась через преодоление противоречий многонационального государства, проблем неравного доступа к финансам и монопольных амбиций национальных элит. Отличием финансиализации России от случая Малайзии является фактическое отсутствие в СССР до реформ 1990-х годов негосударственного (частного) финансового сектора. По этой причине исследования финансиализации в России, как и сам обобщающий термин, отмечены только в XXI веке. В определении термина в российской литературе просматривается привязка к капиталистическому способу производства [Кожурин, 2010]. П.Е. Кожурин определяет финансиализацию как одно из явлений капиталистической модели, при которой заемные средства преобладают над собственными, а финансовые рынки – над реальным сектором. Позднее

³ Термин «развивающиеся рынки» или «развивающиеся экономики» введен в начале 1980-х гг. экономистом всемирного банка Антуану ван Агтмаэль (Agtmael, 2007). Термин введен вместо менее развитые страны или слаборазвитые.

российские исследования финансиализации перемещаются в плоскость изучения влияния новых финансовых технологий [Дубинин, 2017; Криничанский, 2020].

Сравнительно-аналитические исследования позволили установить типологию процессов финансиализации для развивающихся и развитых стран: определить их сходства и различия на основе совокупности показателей и критериев. Так, Е. Карвовский [Karwowski, 2018] представляет результаты обзора и сравнение основных аспектов финансиализации в 17 странах Латинской Америки, Европы, Африки и Азии в сопоставлении их с США и Великобританией по 10 измерителям (устойчивость цен на активы, задолженность домохозяйств, значения фондовых рынков в движении потоков капитала и др.). Подобные сопоставления, помимо прочего, позволяют определить, какие последствия для политической власти имеет процесс усиления значения финансов в жизни социума. В частности, показано, что финансиализация экспоненциально усложнила для государственных органов власти процессы регулирования внутренних и внешних рынков [Petru, 2019].

Современные исследования государственного участия в финансиализации не ограничиваются рассмотрением традиционных государственных функций регулирования финансов, проведения монетарной, налоговой политики, установления условий и координат, в которых реализуется финансиализация. Финансовые кризисы XXI века привели к значительному расширению форм и способов государственного вмешательства в функционирование рынков [Криничанский, 2020; Wang, 2015]. Государство выступает уже не только в роли регулятора и законодателя финансовой сферы, но и в роли институционального инвестора, эмитента, платформы реализации финансовых услуг. В таком контексте финансиализация определяется как процесс, в котором государство все в большей степени трансформируется в акционера (shareholding state) и институционального инвестора [Wang, 2015; Pan et al., 2021].

Зависимость финансиализации от исторического пути развития (path dependence)

Продолжая тему выявления исторической преемственности в развитии финансовых практик, особый акцент следует сделать

на национальных исторических условиях, поскольку продолжительность и укорененность рыночных отношений, стартовый уровень состояния экономики в целом, и рыночных институтов в частности, оказывают решающее воздействие на скорость, пути и результативность финансовализации. Примером может служить различный опыт реформирования экономики в постсоциалистических странах. Большинство из них, за исключением стран СНГ, как правило, имели некоторый предшествующий опыт функционирования национальных рыночных институтов.

Россия до Октябрьской революции 1917 г. обладала развитыми институтами финансового сектора, была активным участником международного рынка капитала. Ее рынок акций занимал заметное место в мире и составлял 6% мировой капитализации (в настоящее время – менее 0,2)⁴. После 1917 г. и практически до конца XX века экономика страны функционировала без рыночных институтов, за исключением короткого периода нэпа (с 1921 г. по 1927 г.). В СССР ограниченный набор функций банковской системы выполняли несколько государственных банков. Вместе с уничтожением рыночных финансовых институтов прервалась передача культурного наследия и профессиональных навыков в прежде развитых сферах экономики, включая некоторые сегменты финансового сектора.

Отсутствие рыночных отношений в прошлом означает, что единственным значимым игроком в экономическом пространстве было государство. Насколько новая финансовая культура населения и бизнеса (в России появившаяся только после 1991 г.) устойчива относительно прежних практик, понятий «рынок» и «частная собственность»? Мерой такой устойчивости, на наш взгляд, могут служить динамика и масштаб государственного влияния на экономику, а также пропорции частной и государственной собственности на материальные и финансовые активы. Кроме того, важным фактором укорененности рыночных реформ является продолжительность периода, в течение которого в стране господствовали нерыночные отношения.

В России рынок и частная собственность были «отменены» в 1920-х гг. Можно предположить, что в некоторых постсоветских

⁴ Credit Suisse Global Investment Returns Yearbook 2018 Elroy Dimson, Paul Marsh, Mike Staunton Summary Edition. P. 7

странах (Латвия, Литва и Эстония), где рыночные отношения существовали дольше (до 1930–1940-х гг.), обычаи рынка сохранились в большей степени. Эта гипотеза основывается на предположении, что финансовая культура населения и бизнеса в определенной степени могла быть сохранена ее носителями и менее восприимчива к последующим авторитарным практикам, а, следовательно, эти страны имеют больше шансов на возврат к рыночной модели после смены режима.

В настоящей работе мы не имеем возможности доказательно подтвердить гипотезу о влиянии предшествующего хода развития стран на процесс финансиализации. Оценка влияния силы и продолжительности рыночных отношений на укорененность рыночных институтов должна быть предметом отдельного научного исследования с привлечением обширного эмпирического материала по выборке стран, различающихся длительностью их «рыночного» и «нерыночного» развития. В данной статье мы ограничимся лишь констатацией важности изучения влияния недавнего исторического прошлого для объяснения особенностей настоящего.

Отметим, что этой же логики придерживается Я. М. Миркин, сопоставляя глубину падения ВВП в ходе кризиса 2008 г. в постсоциалистических странах [Миркин, 2012]. Автор указывает, что Россия в ходе кризиса 2008 г. продемонстрировала самое глубокое падение рынка акций и снижение ВВП среди стран с переходной экономикой, объясняя это именно неукорененностью среди населения и бизнеса рыночной логики. В других переходных экономиках сокращение темпов роста в тот период было в 2–4 раза меньше, чем в РФ, поскольку «историческая память о существовании в других системах координат, нежели чем командная система, была менее размыта».

Отметим диссертационное исследование о различиях в рыночных преобразованиях в экономике Польши и России [Buedenbender, 2017]. В более общей постановке тема изучалась А. Аузаном⁵ как «"Эффект колеи"». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития – эволюция гипотез» [Аузан, 2015]. Исследуя историю становления институтов в России,

⁵Институциональный аспект проблемы обсуждается, например, в следующей публикации: URL: <https://postnauka.ru/longreads/35754> или <https://theoryandpractice.ru/posts/8171-auzan>

авторы среди прочих тем отмечают устойчивое тяготение нашей страны к авторитарному типу власти. Это тяготение реализуется в виде растущего влияния государственного сектора.

Формы государственного протекционизма в банковском секторе

Возвращение в начале второго десятилетия XXI века к преобладанию государственной собственности в финансовом секторе России иллюстрируется статистикой о доле государственных банков⁶ в банковском секторе страны. Доминирование государства нарастает во времени. Активы банковского сектора за 2008–2017 гг. выросли с 68% до 92,6% ВВП, а доля государственных банков в структуре этих активов – с 40% в 2007 г. до 59% в 2017-м [Мамонов и др., 2017]. С учетом банков, контролируемых структурами, активы госбанков в 2020 г. (октябрь) составили 65,9%, что в четыре раза больше по сравнению с 2010 г.⁷ В результате банковский сектор стал сектором с наиболее высокой долей государственного участия.

Катализатором усиления роли государства в банковском и нефинансовом секторах России стали санкции⁸ США и Европейского союза, лишившие государственные банки и компании возможности занимать ресурсы на мировых рынках в форме кредитов и еврооблигаций. Масштаб последствий этих ограничений обусловлен высокой концентрацией отечественного бизнеса в санкционных банках. Они занимают первые четыре места в рейтинге по величине средств корпоративных клиентов России и по величине кредитного портфеля корпоративных клиентов по состоянию на 01.12.2017 г.⁹

Для помощи санкционным банкам Банком России и Правительством были разработаны экстренные меры. Приток ликвидности в банковский сектор в 2015 г. был во многом обеспечен

⁶ В данной статье мы придерживаемся трактовки понятия государственные банки, предложенного Верниковым А. Наиболее глубокое изучение этой темы см.: *Vernikov, A. (2018). A Guide to Russian Bank Data: Breaking Down the Sample of Banks, SSRN Discussion Paper, 2600738.*

⁷ URL: <https://www.banki.ru/news/research/?id=10937281> (дата обращения: 01.11.2021).

⁸ Подробнее о санкционной политике см.: *Орлова Н. Финансовые санкции против России: влияние на экономику и экономическую политику.* URL: <http://institutions.com/politika/2502-finansovye-sankcii-protiv-rossii.html> (дата обращения: 18.01.2018).

⁹ Составлено на основе URL: <http://www.sotnibankov.ru/ratings/financial-ratings/>

ростом расходов правительства. Одновременно произошли увеличение наличных денег в обращении и рост денежной массы¹⁰. Основным источником увеличения широкой денежной массы в 2015 г. стали средства Резервного фонда РФ в размере 2,6 трлн руб. Они были размещены на счете Федерального казначейства в Банке России, которое и предоставляло их системно значимым кредитным организациям. Также были задействованы механизмы экстренного предоставления валютной и рублевой ликвидности (с учетом ограничений на заемщика), безотзывные кредитные линии и новые инструменты, например, валютное РЕПО с Банком России. Был создан новый инструмент оздоровления – Фонд консолидации, предназначенный для сохранения финансовой стабильности системообразующих (они же государственные) банков¹¹.

Итак, Банк России подключил весь арсенал имеющихся и новых форм стабилизации ситуации на рынке. Но если санкционные государственные банки полностью использовали этот арсенал источников ликвидности, то остальные, за редким исключением, не имели аналогичного доступа к таким инструментам и для поддержания ликвидности могли полагаться только на ресурсы внутреннего рынка (преимущественно – вклады населения). Когда в январе 2015 г. Банк России резко поднял ставку рефинансирования, малые и средние банки не могли поднять свои депозитные ставки столь же быстро и значительно. По этой причине и из-за высокой волатильности произошел массовый отток вкладов населения из этих банков. Банки, не имеющие господдержки, начали массово закрываться.

Фондовый рынок и биржевая инфраструктура также внесли весомый вклад в купирование санкционного кризиса. К 2014 г. государство уже стало активным агентом финансиализации и создало организационный и инфраструктурный задел своего включения в рыночные механизмы.

¹⁰ Доклад о денежно-кредитной политике. Информационно-аналитический сборник, сентябрь 2015. ЦБ, Москва Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008136800> Российский фондовый рынок.

¹¹ Обзор финансовой стабильности № 2 ЦБ. II и III кварталы 2017 г. Москва https://arb.ru/b2b/important/tsb_obzor_finansovoy_stabilnosti_vypusk_2_ii_iii_kvartaly_2017-10163601/ (дата обращения 30.12.2021).

Государство на фондовом рынке

Финансиализация реализуется как глобальная интеграция мировых финансовых рынков, даже несмотря на то, что правила и нормы функционирования национальных рынков могут сильно различаться. Например, существуют принципиальные различия механизмов функционирования бирж, допуска к рынкам капитала в Китае и в развитых странах [Petru, 2020]. Эта асимметрия является результатом различных возможностей и методов мобилизации ресурсов в авторитарных и рыночных государствах. Рассмотрим эти моменты на примере изменений, происходивших на фондовом рынке России и в его инфраструктурном секторе.

Регулирование рынка

Процессы финансиализации и рост масштабов государственного влияния на финансовые рынки в России идут параллельно с начала 1990-х годов. На этапе формирования финансовых рынков государственные органы (ФКЦБ, позднее ФСФР) занимались разработкой пакетов основных законов, регулирующих их деятельность. Эти законы устанавливали главные правила работы на фондовом рынке и обеспечивали соблюдение фундаментальных основ рыночных отношений: защиту прав частных инвесторов, улучшение норм корпоративного управления, полную прозрачность, контроль за манипулированием ценами и пр.

В становлении *фондового рынка* активное участие принимало сообщество частных брокеров в виде различных саморегулируемых организаций (СРО), которые обеспечивали согласование интересов государства и частной инициативы в выработке законодательного поля, правил осуществления профессиональной деятельности с ценными бумагами, стандартов и пр. Одна из таких СРО – Национальная ассоциация участников фондового рынка (НАУФОР) участвовала в развитии биржи частных брокеров – «Некоммерческое партнерство Российская торговая система (НП РТС)».

С нарастанием значимости и понимания важности процессов финансиализации в России институт саморегулирования на фондовом рынке постепенно вытеснялся государственным регулированием, вплоть до отказа делегирования регулирующих полномочий СРО и их ликвидации. В России регуляторные полномочия были

переданы государственному органу – Банку России¹². НАУФОР перешла под надзор и контроль Банка России, и его функции как СРО сократились. Отметим, что тренд на усиление роли государства на фондовом рынке в сфере надзора характерен и для некоторых развитых стран (Великобритании, Франции).

Как показывает история создания рыночных институтов в РФ, государство быстро и охотно восприняло рыночную логику. Министерство финансов и Банк России первыми выпустили на рынок облигационные займы. Позже на рынке появились бумаги субъектов федераций и муниципалитетов, корпораций.

Новые финансовые технологии и инфраструктура

Еще в 1990-х годах были названы три основные причины финансиализации в мировой экономике: интеллектуальный прогресс в финансовой теории, новации в области информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) и дерегулирование финансовых рынков [Freeman, 1994]. В глобальном масштабе принципиально важны новации ИКТ в сфере финансовой инфраструктуры. Во многих странах, в том числе и в России, они реализуются при содействии государства.

Почему так важен акцент на инфраструктуре финансовых рынков? Во-первых, по определению, инфраструктура – это нейтральная сфера, равноудаленная от всех участников финансовых сделок, действующая в их общих интересах. Во-вторых, в эту сферу активно внедряются новые технологии, влияющие на скорость и надежность трейдинга, расчетов, клиринга и пр., что крайне важно для утверждения национальных приоритетов в государственной финансовой политике. В силу этого государство становится крупнейшим акционером финансовой инфраструктуры, как в России, или даже его единственным владельцем, как в КНР. В-третьих, именно финансовая инфраструктура является инструментом и каналом глобальной финансиализации, поэтому она становится полем для глобальной конкуренции на мировом финансовом рынке. В настоящее время на межгосударственном уровне

¹² В соответствии с п. 1 Указа Федеральная служба по финансовым рынкам (ФСФР России) 1 сентября 2013 г. упразднена, а функции по регулированию, контролю и надзору в сфере финансового рынка были переданы Центральному банку РФ. Саморегулирование на российском финансовом рынке. Анализ эффективности и вопросы совершенствования существующей модели Банк России. Доклад для общественных консультаций Москва, 2019 информационно-правового интернет-портала «КонсультантПлюс».

сформулирована важная проблема противодействия «цифровому авторитаризму» (см., например [Van Graver, 2018]) через внедрение демократической модели цифрового управления с кодексом поведения и выявлением практик манипулирования информацией.

Биржевая инфраструктура

В России три поколения населения не знали деятельности бирж. В 1990-х годах биржи появились практически во всех крупных городах и активно вели между собой конкурентную борьбу за размещение ценных бумаг. Постепенно с рынка вытеснялись независимые биржи. В 2011 г. произошло слияние двух оставшихся на тот момент в РФ ведущих площадок – биржи частных брокеров РТС и ММВБ под эгидой Банка России.

Государство решало задачу построения значимого на мировом рынке финансового центра, поэтому считало необходимым концентрацию ресурсов и ликвидности в одном месте. Одновременно ММВБ сменила статус некоммерческой организации на акционерное общество «Московская биржа». Ее ведущими акционерами стали государственные структуры. В 2013 г. биржа провела IPO. В отличие от КНР, где государство является прямым собственником национальных материковых бирж, среди акционеров ПАО «Московская биржа», владеющих пакетами акций 5% голосов и более¹¹, в настоящее время фигурируют Банк России (11%), Государственная корпорация развития ВЭБ.РФ (8,404%), ПАО «Сбербанк» (10,01%). Суммарная доля близких к государству акционеров в акционерном капитале биржи составляет около 25%. Через «Московскую биржу» государство как акционер контролирует другие объекты национальной финансовой инфраструктуры: Центральный депозитарий и Национальную клиринговую организацию (оба входят в группу «Московской биржи»).

На примере функционирования «Московской биржи» как акционерного общества мы видим реализацию одного из признаков финансиализации: ориентацию корпоративного управления на рост акционерной стоимости. Дивидендная история биржи показывает непрерывный рост выплат в установленном диапазоне (55–60%). На выплату дивидендов биржа в 2015 г. направила 58,2% чистой прибыли, в 2020-м – около 90%. Таким образом, ее деятельность направлена, с одной стороны, на развитие национальной технологической платформы для равноправного

и равноудаленного участия в торгах всех ее членов. С другой – на рост капитализации и максимизацию дивидендных выплат. Это может служить основой для возникновения конфликта интересов акционеров и участников торгов¹³.

Кроме доли собственности в акционерной стоимости системообразующих компаний фондового рынка государственное участие на рынке отражают такие показатели, как доля акций и облигаций, эмитированных государственными компаниями и обращающихся на биржевом и внебиржевом рынках.

Облигационный рынок

Отношение объема эмиссий облигаций к ВВП является одним из показателей национальной финансиализации [Mertzanis, 2019]. С точки зрения развития облигационного рынка в государствах с переходной экономикой можно найти определенные сходства облигационных рынков Китая и России. Несмотря на разницу масштабов и объема рынка (в КНР он третий по величине в мире и составляет 95% от ВВП, российский рынок облигаций 20-й в мире – 21%)¹⁴, они схожи по роли на нем государства. Высокий уровень влияния государства [Petry, 2020] здесь ощущается не только с точки зрения установления норм функционирования рынка (регулирование выпуска, обращения, владения облигациями, налогообложения), но и структуры выпусков ценных бумаг.

В КНР большинство облигаций или непосредственно выпущены органами власти разных уровней, или имеют явные либо неявные государственные гарантии (эмитентом являются государственные или системно значимые предприятия) [Petry, 2019; Rethel, 2010]. По данным рейтингового агентства АКРА, в структуре эмитентов облигации государственных нефинансовых компаний, центрального правительства, системно значимых или государственных финансовых компаний развития (включая банки) в КНР составляют около 91,6%, в России – 81,9%¹⁵.

Масштаб и динамика присутствия государства на долговом рынке РФ во многом характеризуются объемами эмиссий облигаций центрального правительства, субфедеральной

¹³ Более подробно об угрозах конфликтных ситуаций см. [Агеева, Мишура, 2021]

¹⁴ Данные АКРА.URL: <https://www.acra-ratings.ru/research/1109/>

¹⁵ URL: <https://www.acra-ratings.ru/research/1109/>

и муниципальной власти¹⁶. Объем этого сегмента рынка постоянно растет. По данным НАУФОР¹⁷, отношение внутреннего долга к ВВП в России выросло с 3,3% в 2005 г. до 7,2% в 2018 г. и 10% к началу 2021 г.¹⁸

Структура облигационного рынка государственного и корпоративного секторов сильно различается по номинальной стоимости и по торговому обороту. Объем выпусков гособлигаций по номинальной стоимости увеличивается вместе с ростом государственного сектора, так как эти бумаги, будучи высоконадежными, широко используются для кредитования и фондирования (операции РЕПО) и потому востребованы инвесторами. Не случайно объем рынка биржевых сделок с государственными облигациями на Московской бирже по итогам 2019 г. был в 2,12 раза выше объема сделок с корпоративными облигациями¹⁹. При некотором снижении объема рынка облигаций по номиналу после 2014 г. доля этих бумаг в торговом обороте в 2019 г. превысила 70% (для сравнения: в 2012 г. было 40%) (рис. 1). В 2021 г. сектор федеральных облигаций в обращении показал максимальный годовой прирост (12,8%)

Рис. 1. Динамика долей рынка государственных облигаций по номинальной стоимости и в структуре торгового оборота в 2012–2019 гг., %

Растущая финансовая власть государства через усиление роли рынка гособлигаций просматривается по нескольким направлениям. Прежде всего, Банк России выполняет функции

¹⁶ С 2015 г. объемы торгов корпоративными облигациями и облигации субъектов РФ и муниципалитетов показаны одной суммой.

¹⁷ Российский фондовый рынок. События и факты. М.: Науфор. 2017. С. 89.

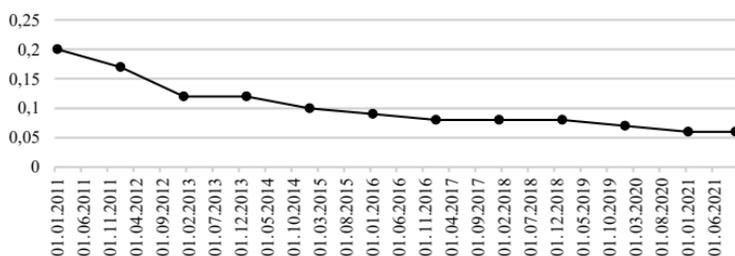
¹⁸ URL: <http://global-finances.ru/vnutrenniy-dolg-rossii/>

¹⁹ URL: www.moex.com

маркет-мейкера. Для стимулирования спроса на государственные ценные бумаги и концентрации ликвидности Банк России выкупал малоликвидные бумаги, заменяя их на высоколиквидные облигации, привлекательные для инвесторов в кризисных условиях (ОФЗ-ИН, номинал которых индексируется с учетом инфляции). Кроме этого, в последние годы были увеличены государственные гарантии по некоторым облигационным выпускам корпоративных заемщиков. Успешно апробировано использование ОФЗ в качестве инструмента поддержки банковского сектора в рамках антикризисной программы Правительства РФ, расширена «линейка» долговых инструментов Минфина России, ориентированных на частных лиц и институциональных инвесторов.

Свою программу роста торгового оборота на рынке гособлигаций реализовала Московская биржа, внедрив технологии, позволяющие сконцентрировать ликвидность рынков, улучшить расчеты и обеспечить быстрые перетоки ликвидности между рынками. В частности, был усовершенствован механизм продажи и информационного сопровождения аукционов по размещению ОФЗ (например, максимальная разрешенная доля неконкурентных заявок возросла с 25% до 90%).

Все эти меры были направлены на развитие рынка ОФЗ, тогда как рынок облигаций субфедеральных и муниципальных властей стагнировал. В России облигации федерального правительства всегда преобладали на рынке (рис. 2).

Источник. URL: <https://rusbonds.ru/rb-docs/analytics/A13.10.2021-Region.pdf>

Рис. 2. Доля субфедеральных облигаций в объеме рублевого рынка государственных облигаций РФ в 2011–2021 гг., %

После 2014 г. инструменты фондового рынка для пополнения региональных бюджетов становятся все менее востребованными.

Параллельно с этим идет сокращение полномочий региональных органов власти. Динамика доли облигаций субфедеральной и муниципальной власти хорошо иллюстрирует процесс централизации финансовых возможностей власти в России. Примечательно, что в авторитарном Китае рынок облигаций региональной власти находится под контролем центра, но он не деградирует [Petru, 2019].

Кроме выпуска государственных облигаций, весомо участие государства на рынке облигаций корпоративного и банковского секторов. Важной чертой рынка корпоративных облигаций России является преобладание на нем крупных компаний, контролируемых государством или близкими к власти элитами. Для более полного представления о роли государства на отечественном долговом рынке следует привлечь данные о долях облигаций компаний с государственным участием не только в финансовом, но и в корпоративном секторе²⁰. В число крупнейших корпоративных облигационных эмитентов входят ПАО «НК «Роснефть»», ОАО «РЖД» и ВЭБ.РФ. По показателю ликвидности на облигации «Роснефти» приходится 43,5% рынка. На сегменте рынка облигаций банковского сектора преобладают бумаги банков, в той или иной мере контролируемых государством: ПАО «Сбербанк», ПАО «Россельхозбанк», ПАО «Газпромбанк», Банк ВТБ (ПАО)¹⁸.

Таким образом, показатели объема и динамики, а также структуры долгового рынка демонстрируют прямое (в роли эмитента) и регуляторное воздействие на него государства. Совмещение различных функций у государства может привести к нарушению рыночных практик и поставить отдельных игроков, близких к государству, в эксклюзивное положение, подобно тому, например, как это произошло в ходе купирования санкционного кризиса, когда помощь от Банка России и правительства направлялась в первую очередь государственным банкам.

Рынок акционерного капитала²¹

Оценки доли государства в экономике РФ разнятся в зависимости от выбранного показателя и целей исследования.

²⁰ К таким компаниям причисляют компании корпоративного и финансового секторов, попавшие под секторальные санкции Европейского союза и США.

²¹ По данным Счетной палаты, в России нет достоверной информации о количестве акционерных обществ и федеральных государственных унитарных предприятий, подконтрольных государству. РБК. [Эл.ресурс.] URL: <https://www.rbc.ru/economic/s/27/08/2020/5f46759e9a79477784569e00>

Например, в 2016 г. МВФ использует для оценки несколько показателей: долю госсектора в ВВП (30%), долю в добавленной стоимости (33%), численность занятых в формальном секторе (50%)²². Самая низкая оценка получится при использовании показателя стоимости основных фондов государственных компаний (18%). Moody's и Центр стратегических разработок оценивают долю госсектора в российской экономике в интервале 40–50%. Оценка ФАС²³ вклада госкомпаний в ВВП составляет 70%. Она увеличилась вдвое с 2005 по 2015 гг.

Для оценки влияния государства в условиях финансиализации наиболее адекватным критерием, на наш взгляд, является право собственности на акции²⁴, т.е. доля голосующих акций эмитента, которая находится в прямом или косвенном владении (через дочерние компании, институты и др.) государственных структур и дает доступ к управлению компанией и получению дивидендного дохода²⁵.

Для того чтобы вычлнить долю государства в капитале компаний корпоративного сектора, требуется уточнить, какие структуры считать государственными и каков размер пакета акций в государственной собственности? Например, включать ли в процент государственной собственности долю акций республиканских органов власти? В частности, компания АПАО «Алроса» принадлежит не только РФ, но и Республике Саха, 34% акций компании ПАО «Газнефть» принадлежат подконтрольным Республике Татарстан юридическим лицам.

По нашему мнению, при расчете доли госсобственности в акционерном капитале нужно учитывать не только те компании, в которых имеется прямое владение акциями государством в лице Росимущества. В инвестиционной практике применяется расширительная трактовка государственного участия из-за возможности косвенного влияния государственных структур на деятельность компаний. Она связана с тем, что и прямое, и опосредованное участие государства в акционерном капитале компании является

²² URL: <https://www.rbc.ru/economics/12/03/2019/5c879e0c9a79472f59316a90>

²³ URL: <https://www.rbc.ru/economics/12/03/2019/5c879e0c9a79472f59316a90>

²⁴ Номинальными собственниками имущества государства являются Федеральное агентство по управлению государственным имуществом (Росимущество), подведомственное Правительству РФ, ГК «Ростех» и ГК Внешэкономбанк, являющиеся некоммерческими организациями, а также Центральный банк РФ.

²⁵ Мы не уточняем возможность участия владельцев привилегированных акций некоторых компаний в управлении АО.

важным фактором оценки рисков инвесторами. Поэтому на фондовом рынке (как долговом, так и рынке акционерного капитала) целесообразно пользоваться подходами и информацией, которые применяют институциональные инвесторы и другие финансовые посредники для построения собственных стратегий на рынке и в своих рекомендациях клиентам-инвесторам.

Институциональные инвесторы изучают состав акционеров компаний-эмитентов и оценивают риски тех из них, которые не относятся к государственным по формальным критериям (доле акций, прямо контролируемой госорганами), но по существу зависят, например, от государственных субсидий, т.е. являются «квазичастными». Это, по нашему мнению, справедливый подход, учитывая известную легкость манипулирования долями акционеров. Отдельное внимание инвесторов привлекает практика избрания в качестве независимых директоров лиц, тем или иным образом связанных с государственными структурами или подконтрольных им²⁶. Поэтому для соблюдения полной прозрачности законодательно требуется ежеквартальное представление корпоративной отчетности от эмитентов, чьи инструменты обращаются на биржевом рынке. Компании размещают на биржевом сайте актуальную информацию о составе акционеров и о любых существенных фактах, которые влияют на изменение структуры акционерного капитала, о составе органов корпоративного управления. Эта информация профессионально изучается, регулярно актуализируется и используется для обоснования инвестиционных стратегий на рынке.

По этой причине мы опираемся в своем исследовании на биржевую информацию и оценки профессиональных участников фондового рынка о возможности влияния государства и подконтрольных ему структур на фондовом рынке. Ответом на вопрос о «весе» государства на рынке акционерного капитала будет информация о такой доле для акций, входящих в основной индекс фондового рынка, в который включены бумаги 50 крупнейших и наиболее ликвидных российских компаний из 10 основных секторов экономики РФ. В семейство индексов

²⁶ Не секрет, что при оценке риска компаний инвесторы учитывают информацию о персональном составе независимых директоров и их трудовой биографии. Данная тема является предметом отдельного изучения. В статье мы ограничимся констатацией факта трудности определения и разнообразия форм государственного влияния на бизнес.

Московской биржи включен также специальный индекс компаний с госучастием MOEX RCI. В него входят акции компаний, в структуре акционерного капитала которых находятся различные государственные органы, госкорпорации и подконтрольные им структуры. К таким государственным собственникам-представителям относятся **Росимущество** (ему и АО «Роснефтегаз» принадлежит пакет 50,23% ПАО «Газпром»; 78,55% ПАО «Транснефть», 92% ПАО «Россети»), **АО «Роснефтегаз»** (полностью контролируется Росимуществом (100%) и владеет 50,76% ПАО «НК «Роснефть»»), **Министерство финансов РФ** (владеет 50%+1 акция ПАО «Сбербанк»). Государственная компания ПАО «Газпром» владеет 10%-м пакетом акций ПАО «Новатэк». Мы перечислили компании с государственным участием, имеющие наиболее высокую рыночную капитализацию ценных бумаг по итогам торгов на фондовом рынке ПАО «Московская биржа» на конец III квартала 2021 г.²⁷

Как мы видим, механизм участия государства в акционерном капитале компаний может быть различным. Совокупная рыночная капитализация входящих в индекс MOEX компаний на сентябрь 2021 г. составила 60,1 трлн руб., капитализация компаний из MOEX RCI превысила 55% от этой величины.

Динамика MOEX и MOEX RCI схожа, так как состав индексов пересекается. Таким образом, значимость позиции государства на рынке акций подтверждается долей государственных компаний в общей капитализации российского корпоративного рынка.

В России доля 10 крупнейших эмитентов в совокупной капитализации выросла с 61,6% (2012 г.) до 70,7% в 2019-м. В составе этой десятки – государственные ПАО «НК «Роснефть»» (11,4%), ПАО «Газпром» (9,1%), ПАО «Газпромнефть» (4,1%). Столь же высока и концентрация в торговом обороте биржи. Доля в совокупном обороте десятки наиболее капитализированных компаний в России – одна из самых высоких среди развивающихся экономик. По данным мировой ассоциации бирж, в 2019 г. она составила 76,5% [WFE, 2019]. Для сравнения: на национальной бирже Бразилии *Vovespa* это величина составляет 48,7%, в Малайзии – *Bursa Malaysia* – 74,2%, на национальной фондовой бирже Индии *NSE* – 18,8%.

²⁷ Составлено на основе данных Мосбиржи и URL: <https://bes-express.ru/novosti-analitika/kompanii-s-gosudarstvennym-uchastiem-skol-ko-ikh>

Таким образом, в настоящее время на рынке акций и облигационном рынке России доминируют ценные бумаги государства и связанных с ним банков и нефинансовых компаний.

Государство в России постепенно стало самым влиятельным участником финансового бизнеса. Оно выступает уже не только в роли регулятора и законодателя финансовой сферы, но и в роли акционера, эмитента, платформы реализации финансовых услуг. Совмещение этих функций чревато нарушениями базовых принципов фондового рынка: равенства в правах всех участников.

Период в три десятилетия показал отсутствие укорененности рыночной логики в России. Государство вновь становится ведущим игроком в экономическом пространстве. Это выражается, в частности, в растущем вмешательстве/влиянии государства в банковский бизнес, в доминировании активов государственных компаний на фондовом рынке и в торговых операциях с финансовыми инструментами.

Финансиализация способствовала росту роли и значения финансовой инфраструктуры, что укрепило позиции государства на рынке ее услуг и послужило ее дальнейшему масштабированию. Таким образом, сформировалась положительная обратная связь финансиализации и усиления позиций государства в финансовой сфере. Финансиализация и огосударствление – два связанных и усиливающих друг друга процесса.

Литература/References

Агеева С., Мишура А. Финансиализация и биржевая инфраструктура: новые функции. В кн.: Финансовые рынки: Цифровая трансформация. М., 2021. С. 92–104.

Ageeva, S., Mishura, A. (2021) Financialization and exchange infrastructure: new functions. In *Financial Markets: Digital Transformation*. Moscow. Pp. 92–104. (In Russ.).

Аузан А. А. «Эффект колен». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития – эволюция гипотез. Вестник Московского университета Сер. 6 Экономика. 2015. № 1. С. 3–15.

Auzan, A. A. (2015). “Rut effect”. The problem of dependence on the trajectory of previous development is the evolution of hypotheses. *Moscow University Bulletin Ser. 6 Economy*. No. 1. Pp. 3–15. (In Russ.).

Дубинин С. К. Финансиализация экономического роста и российская национальная финансовая система // Финансы: теория и практика. 2017. № 4.

С. 6–21. URL: <https://financetp.fa.ru/jour/article/viewFile/1/39.pdf> (дата обращения: 16.12.2020).

Dubinin, S.K. (2017). Financialization of economic growth and the Russian national financial system. *Finance: theory and practice*. No. 4. Pp. 6–21. (In Russ.). Available at: <https://financetp.fa.ru/jour/article/viewFile/1/39.pdf> (accessed 16.12.2020).

Кожурин П. Е. Финансиализация как фактор развития мировой экономики // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2010. С. 260–265. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansializatsiya-kak-faktor-razvitiya-mirovoy-ekonomiki-1/viewer> (дата обращения: 16.11.2019).

Kozhurin, P.E. (2010). Financialization as a factor in the development of the world economy. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities*. Series “Economy. Control. Right”. Pp. 260–265. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansializatsiya-kak-faktor-razvitiya-mirovoy-ekonomiki-1/viewer> (accessed 16.11.2019). (In Russ.).

Криничанский К. В. Трансформация структуры финансовых систем в условиях цифровизации/Финансовые рынки в условиях цифровизации: монография / кол. авторов; под ред. Криничанского К. В. М.: РУСАЙНС, 2020. С. 102–112.

Krinichanskiy, K.V. (2020). *Transformation of the structure of financial systems in the context of digitalization* / Financial markets in the context of digitalization: monograph / count. authors; ed. Krinichanskiy K. V. Moscow RUSAYNS.

Мамонов М. и др. Финансовый сектор, экономический рост и макроэкономическая стабильность // Серия докладов об экономических исследованиях ЦБ. 2017. № 21. URL: cbr.ru/content/document/file/16718/wp_21.pdf (дата обращения: 10.11.2021).

Mamonov, M. et al. (2017). Financial sector, economic growth and macroeconomic stability. Series of reports on economic research of the Central Bank. No. 21. Available at: cbr.ru/content/document/file/16718/wp_21.pdf (accessed 10.11.2021). (In Russ.).

Миркин Я. Технология бизнеса: Почему кризис в разных странах протекает по-разному? 2012. [Эл. ресурс]. URL: <http://www.orenfinance.ru/business/detail.php?ID=6625> (дата обращения: 12.05.2020).

Mirkin, Y. (2012). Business technology:: Why is the crisis in different countries proceeding differently? (In Russ.). Available at: <http://www.orenfinance.ru/business/detail.php?ID=6625> (accessed: 05.12.2020).

Aalbers, M. (2019). Financialization. In: D. Richardson, N. Castree, M. F. Goodchild, A. L. Kobayashi and R. Marston (Eds) *The International Encyclopedia of Geography: People, the Earth, Environment, and Technology*. Oxford: Wiley.

Ageeva, S., Mishura, A. (2019). Spatial aspects of the Russian banking system: transformation and access to credit for small Russian firms. In *Geofinance between Political and Financial Geographies. A Focus on the Semi-Periphery of the Global Financial System*. Edited by Silvia Grandi, Christian Sellar and Juvaria Jafri. By Edward Elgard, London DOI: <https://doi.org/10.4337/9781789903850> P. 264

Bist, J. (2018). Financial development and economic growth: Evidence from a panel of 16 African and non-African low-income countries. *Cogent Economics & Finance*. March. No. 6. 17 P. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/23322039.2018.1449780?src=recss> (дата обращения: 05.12.2019).

Buedenbender, A. (2017). New spaces of capital: The real estate financial complex in Russia and Poland. *KU Leuven, Science, Engineering & Technology*. P.319

Bonizzi, B. (2014). Financialisation in Developing and Emerging Countries: A Survey. *International journal of political economy*. No.37. Available at: https://cris.winchester.ac.uk/ws/portalfiles/portal/2543042/367126_Bonizzi_FinancializationDevelopingCountries_withstatement.pdf (дата обращения: 11.04.2020).

Demetriades, P. O. et al. (2006). Finance, institutions and economic development. *International Journal of Finance and Economics*. No. 11(3). Pp. 783–799. Available at: https://www.researchgate.net/publication/5115156_Finance_Institutions_and_Economic_Development (дата обращения: 15.12.2020).

Epstein, G.(2005). *Financialization and the World Economy*. Edward Elgar Publishing. 440 P. Available at: <https://www.peri.umass.edu/fileadmin/pdf/programs/globalization/financialization/chapter1.pdf> (дата обращения: 01.04.2020).

Van Graver, D. (2018). The “new era” of digital authoritarianism (2018). *International Journal of Communication* 12, 3788–3794 1932–8036/20180005. Available at <http://ijoc.org>.

Gupta, P.(2019). The entwined futures of financialisation and cities. *Cambridge Journal of Economics*. July. No. 43. Pp. 1123–1148. Available at: <https://academic.oup.com/cje/article-abstract/43/4/1123/5529826?redirectedFrom=fulltext> (дата обращения: 10.04.2020).

Freeman, A. (1994). The future of Finance: Capitalism without owners?. Pp. 30–40. In Marjolin, R., O’Brien, R. Finance and the international economy, Oxford University Press for American Express Bank.

Kaltenbrunner, A.(2018). Subordinated Financial Integration and Financialisation in Emerging Capitalist Economies: The Brazilian Experience. *New Political Economy*. No. 23 (3). Pp. 290–313. Available at: http://eprints.whiterose.ac.uk/117976/3/Brazilian%20Financialisation_KaltenbrunnerPainceira_R1.pdf (дата обращения: 10.04.2020).

Karwowski, E. (2018) Economic Development and Variegated Financialization in Emerging Economies. *Financial Geography Working Paper*. No. 24. Available at: <https://mail.google.com/mail/u/2/?tab=wm&ogbl#inbox/FMfcgxwDsFdTkGMmQCkgJBtrFZKZLlKr?projector=1&messagePartId=0.1> (дата обращения: 10.10.2019).

Lapavistas, C. and Soydan, A. (2020). Financialisation in Developing Countries: Approaches, Concepts and Metrics”, SOAS Department of Economics Working Paper No. 240, London: SOAS University of London. SOAS Department of Economics Working Paper Series at. Available at: <http://www.soas.ac.uk/economics/research/workingpapers/>

Mertzanis, C. (2019). Financialisation, institutions and financing constraints in developing countries. *Cambridge Journal of Economics*. July. No. 43. Pp. 825–866. Available at: <https://sci-hub.si/10.1093/cje/bez015> (accessed 03.04.2020).

Pan, F., Zhang, F., Wu, F. (2021). State-led Financialization in China: Case of the Government-guided Investment Fund, *The China Quarterly*, 247. Pp.749–772. DOI:10.1017/S0305741020000880

Petry, J. (2019). ‘Securities exchanges: Subjects & agents of financialization’, D. Mertens, P. Mader & N. van der Zwan (eds.) *The Routledge International Handbook of Financialization*. London: Routledge

Petry, J. (2020). From National Marketplaces to Global Providers of Financial Infrastructures: Exchanges, Infrastructures and Structural Power in Global Finance. *New Political Economy*, DOI: 10.1080/13563467.2020.1782368. Available at: <https://doi.org/10.1080/13563467.2020.1782368>

Rethel, L. (2010). Financialisation and the Malaysian Political Economy. *Globalizations*, 7(4). Pp. 489–506.

Wang, Y. (2015). The Rise of the “Shareholding State”: Financialization of Economic Management in China *Socioeconomic Review* 13 (3), 603–625. Yale University.

World Federation of Exchange. Available at: <https://www.world-exchanges.org/> (accessed 03.05. 2021).

Российский фондовый рынок. События и факты. Москва. НАУФОР. 2017. С. 89.

Summary

Ageeva, S.D., Cand. Sci. (Econ.), Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk

Financialization and Strengthening of the State Influence in Russia

Abstract. The paper presents the results of the study of the process of financialization in Russia, accompanied by the growing influence of the state in the financial sector. A relevant and important addition to the research was the inclusion of data not only on the banking sector, but also on the stock market and related financial infrastructure. This broader study of financialization allowed us to identify and prove the current dominant trend of increasing state participation in financial markets. Financialization and governmentalization are interrelated. They are observed in both developed and developing economies, and their concrete embodiment is largely influenced by historical experience and the trajectory of the previous development path. On the basis of empirical material, it is shown how in our country there was a consistent displacement of private companies from various areas of financial business (banks, exchanges, financial infrastructure), how the role and channels of influence of the Bank of Russia and the RF Government in the financial sector have changed. Currently, the state dominates in all segments and procedures of the Russian stock and banking markets, which affects the unequal access of private and state agents to financial resources, markets and technology.

Keywords: *state; financialization; dependence on the previous stage of development; banking sector; bond market; stock market; exchange infrastructure*

Статья поступила 19.11.2021

Статья принята к публикации 08.12.2021

Для цитирования: *Агеева С.Д.* Финансиализация и усиление влияния государства в России // ЭКО. 2022. № 3. С. 108–129. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-3-108-129

For citation: *Ageeva, S.D.* (2022). Financialization and Strengthening of the State Influence in Russia. *ECO*. No. 3. Pp. 108–129. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-3-108-129

Книжный рынок России: быть или не быть?

С.Ю. БАРСУКОВА, доктор социологических наук
E-mail: sbarsukova@hse.ru; ORCID: 0000-0002-2696-4882
НИУ «Высшая школа экономика», Москва

Аннотация. В статье исследуется актуальная проблематика российского книжного рынка. Отмечены тенденции к сокращению общего тиража печатных изданий на фоне роста книжного разнообразия. Анализируется структура книжной продукции. На материалах статистики показано сокращение рынка печатных книг в последнее десятилетие, предельная точка чего была достигнута в ходе пандемии. Отмечена высокая монополизация. Тенденцией российского рынка книг является растущая популярность самиздата и разнообразных школ писательского мастерства. По мере угасания интереса к чтению растет армия желающих быть писателем. Отмечен рост доли переводных книг, а также влияния блогеров на продвижение новинок. Обсуждается негласное требование к присутствию писателей в социальных сетях как формы продвижения. Помимо статистической информации использованы интервью с участниками рынка и читателями.

Ключевые слова: книжный рынок; интерес к чтению; тиражи книг; тенденции книжного рынка; самиздат; книжный блогер; литературный агент

Введение

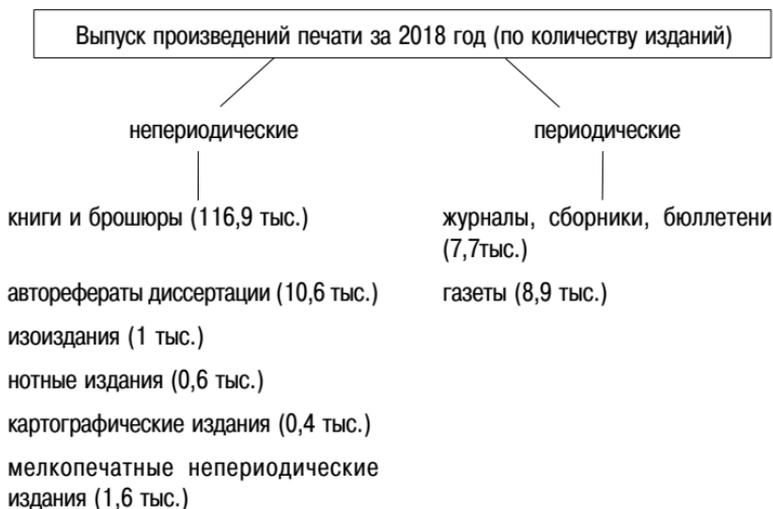
Советский Союз часто называли самой читающей страной мира. По крайней мере, макулатуру на новые книги в СССР активно сдавали, это факт. В современной России ситуация изменилась. Даже без привлечения статистики, на уровне обыденного наблюдения можно отметить падение интереса к чтению. Так ли это? С чем связано? Какие тенденции имеют место на книжном рынке?

Публикации на эту тему в большинстве своем опираются на статистику, что ценно, но недостаточно. У участников рынка – литературных агентов, писателей, издателей, читателей – есть свое видение причин и проявлений снижения интереса к чтению. Цель статьи – показать тенденции книжного рынка с точки зрения его непосредственных участников. Это даст возможность детализировать дискуссию и увидеть проблемы, неразличимые в оптике агрегированной статистики. Для этого было взято 24 интервью: с писателями (4), литературными агентами (2), читателями (5), издателями (4), редакторами (2), литературными

критиками (2), руководителями розничных книжных магазинов (2), маркетологами (2), с руководителями платформ электронных книг (1). Поиск информантов осуществлялся в ходе книжных ярмарок в Москве и Казани в 2020 и 2021 гг.

«Карта» печатной продукции

Начнем с того, что книжный рынок является самым крупным островом в обширном архипелаге периодических и непериодических печатных изданий (рис. 1).

Источник. ТАСС NA15096.pdf (nlr.ru).

Рис. 1. Виды печатной продукции

Что касается электронных и аудиокниг, то статистика на этот счет весьма приблизительная. Ввиду активности «пиратов» никто не берется оценить объемы скачиваний книг в сети. Поэтому сконцентрируемся на печатных изданиях.

Много ли печатных книг издается в России?

Размер рынка

Ответить на вопрос о размере книжного рынка в РФ непросто. Дело в том, что можно оценивать количество наименований книг, то есть говорить о книжном разнообразии. А можно обсуждать тиражи книг, то есть говорить о «валовом» показателе. Возможна ситуация, когда тиражи сокращаются на фоне роста номенклатуры книг, и наоборот.

Важная оговорка: книгами считаются и сборники правил дорожного движения, и советы садоводам. Их тиражи огромны, выпуски ежегодно переиздаются и обновляются, но это вряд ли можно интерпретировать как показатель того, насколько много люди читают. Это нужно иметь в виду, интерпретируя статистику.

Статистика Российской книжной палаты доступна, начиная с 1940 г. Вплоть до 1980 г. происходил рост разнообразия издаваемых книг и брошюр на фоне еще более внушительного роста совокупных тиражей. Так, в 1940 г. в РСФСР издавали 32,5 тыс. книг и брошюр общим тиражом около 353,5 млн экземпляров, а в 1980 г. – уже 49,5 тыс. наименований общим тиражом 1393,2 млн. Можно охарактеризовать советское книгоиздание следующим образом: *печатаем немногих (идеологически проверенных), но большими тиражами*. Авторы, которым удавалось прорваться сквозь цензуру, были обречены на писательское счастье в виде высоких тиражей. Книжный дефицит гарантировал сбыт, тем более что книги были вполне доступны по цене. А если какую-то книгу упорно не покупали, то ее продавали «в нагрузку». Хочешь «Графа Монте-Кристо»? Купи в придачу условную «Как строили БАМ». Кроме того, писателям в СССР полагались творческие дачи, поездки по стране и миру, творческие встречи с читателями и т.д. Их труд был престижен и неплохо оплачиваем.

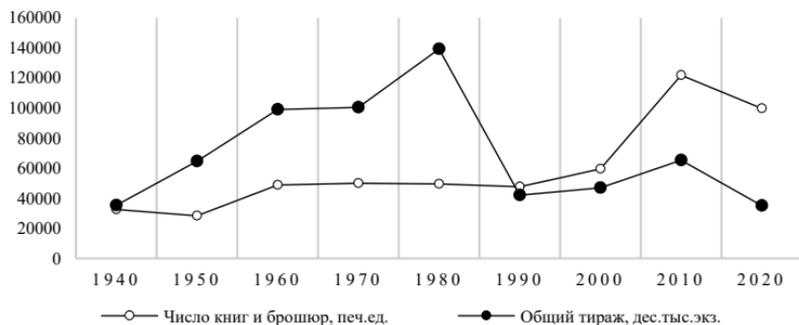
Однако страна надорвалась, иссякли ресурсы, и пошатнулась идеология. Это отразилось на книжном рынке: за последнее советское десятилетие (с 1980 по 1990 гг.) на фоне сокращения разнообразия выпускаемых книг резко упал совокупный тираж, опустившись до 421,5 млн. То есть сокращение рынка началось еще в СССР. Правда, на эти годы приходится расцвет толстых журналов. Огромные тиражи журналов «Юность», «Новый мир», «Иностранная литература» «Роман-газета» и пр. отчасти восполняли снижение книжных тиражей.

Но самое интересное начинается в постсоветский период. *1990-е годы, которые заслуженно считаются худшими в постсоветской экономической истории, были отнюдь не плохи для книгоиздателей*. С каждым годом рост рынка становился все отчетливее. Именно в этот период восходит звезда Александры Марининой, к которой в конце 1990-х присоединятся Дарья Донцова, Татьяна Устинова, Борис Акунин и другие лидеры новой книжной реальности.

Благодаря, сошедшая на издателей, объяснялась довольно просто. В СССР ценность чтения была помножена на дефицитность книг. Советские люди были приучены читать, что считалось маркером культурности. В новой России на смену дефициту пришло изобилие новых имен, новых жанров и ранее запретных тем. Воспитанные в привычке к чтению россияне с радостью скупали тиражи.

Книжный рынок, пользуясь свободой, начинает жить по принципу «пусть расцветают сто цветов». Читатели не поспевали за авторами. Совокупный тираж книг в стране рос, но еще быстрее росло книжное разнообразие. Так, общий тираж с 1990 по 2010 гг. увеличился в 1,5 раза, тогда как количество наименований книг и брошюр – в 2,5 раза. То есть намечается сокращение «среднего» тиража, компенсированное ростом книжного разнообразия.

Этот рост не мог быть бесконечным. Начиная с 2010 г. ситуация меняется (рис. 2).

Источник рис. 2–4. Российская книжная палата.

Рис. 2. Динамика номенклатуры книг и брошюр и общего тиража в 1940–2020 гг.

Отчетливо начала сказываться конкуренция со стороны альтернативных форм досуга (сериалы, видеоигры, социальные сети и пр.). Но не менее важную роль сыграло то обстоятельство, что книгоиздатели принимали любовь к чтению за неотъемлемое свойство россиян, как будто генетически запрограммированных на покупку книг. Оказалось, что ничего незыблемого нет. За советской тягой к чтению стояла огромная работа системы образования. Как говорил М. Жванецкий, советская родина «совала под нос книги». В новых условиях книги под нос уже не совали.

Таким образом, если в первое десятилетие XXI века рост разнообразия выпускаемых книг поддерживал на плаву общий тираж, то с 2010 г. тот стремительно пошел вниз. И если уж характеризовать «ковидный» 2020 г. как неудачный, когда падение рынка печатных книг составило около 10%, то таковым он смотрится на фоне тиражей «нулевых» годов (сокращение почти вдвое). На фоне же последнего десятилетия «ковидный» год является, скорее, предельным вариантом неуклонного, отчетливого сокращения общего тиража книгоиздания (рис. 3). Пандемия усугубила, но не создала кризис на рынке печатных изданий¹.

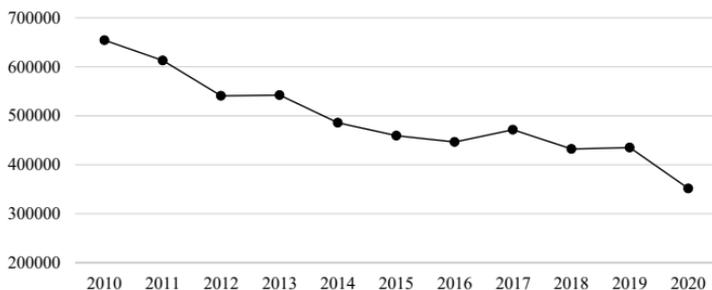

Рис. 3. Динамика общего тиража книг и брошюр в 2010–2020 гг., тыс. экз.

Но есть и неизменные в последнее десятилетие параметры книжного рынка:

- книги доминируют над брошюрами (на долю брошюр приходится примерно 25% российского тиража),
- мягкие обложки преобладают над твердыми переплетами (книги в твердом переплете составляют около трети тиража),
- новинки встречаются чаще, чем переиздания (примерно две трети тиража – новинки).

То есть погоду на книжном рынке делают книги-новинки в мягких обложках.

¹ Кстати, еще в январе 2016 г. исследовательский центр компании Deloitte зафиксировал снижение потребления печатных книг за предыдущие три года на 9%. Медиапотребление в России. Ключевые тенденции (deloitte.com). С 2015 по 2019 гг. эта тенденция продолжилась: чтение печатных книг ежегодно сокращалось. URL: [mediaconsumption-russia-2019.pdf](https://www.deloitte.com/ru/mediaconsumption-russia-2019.pdf) (rbcndn.ru)

О чем и для кого пишут? Структура книгоиздания

Половина издаваемых в России книг относится к учебным и методическим пособиям. Заветная строка «Рекомендовано Министерством просвещения Российской Федерации» открывает возможности массовой реализации. Сегмент закрытый, методами рыночной конкуренции туда попасть невозможно. Бизнес, связанный с учебниками, основан на отношениях с регуляторами рынка. Мало написать учебник. Мало его издать. Важно получить гриф, согласно которому учебник рекомендован Министерством просвещения. Школы не имеют возможности закупать на бюджетные деньги учебники, не одобренные Министерством. Строго говоря, рынок учебной литературы – это вообще не рынок².

В рыночном же пространстве самыми крупными сегментами являются литературно-художественные издания и книги для детей и юношества (для простоты будем называть их художественной и детской литературой). Детские книги существенно обходят художественные по совокупному тиражу (22,3% против 12,1%), тогда как по разнообразию названий художественные книги превосходят детские (17,1% против 12% числа изданий) (табл. 1). Другими словами, в сегменте художественных книг больше выбор, но меньше среднестатистический тираж, чем в сегменте детских книг.

Остальные направления (научные и научно-популярные издания, справочники, религиозная литература, официальные издания и пр.) в совокупности покрывают менее 15% общего российского тиража и около 36% числа наименований, то есть

² В этой нише царствует издательство «Просвещение», председателем совета директоров которого с 2013 г. является Аркадий Ротенберг, на чьи деньги это издательство было выкуплено у государства в 2011 г. Пикантность этому могуществу придает тот факт, что осенью 2019 г. крупнейший конкурент «Просвещения» – корпорация «Русский учебник», ранее принадлежавшая группе «Эксмо-АСТ» – решил продать актив со ссылкой на «неожиданно разразившийся кризис». О каком кризисе речь? Дело в том, что в конце 2018 г. вышел новый федеральный перечень школьной литературы. Школы могут приобретать учебники на бюджетные средства только из этого списка. Загадочным образом из него выбыли почти половина учебников издательств, входящих в «Русский учебник». «Просвещение» же от редакции списка почти не пострадало. Приобретая активы «Русского учебника», «Просвещение» привлекло внимание ФАС. Но далее высказываний озабоченности антимонопольное ведомство не продвинулось. Крупнейший издатель учебников объединится с ближайшим конкурентом: «Технологии и медиа» // РБК (rbc.ru)

на оставшемся рынке сконцентрированы преимущественно малотиражные издания.

Рекордсменом по малотиражности являются научные труды: их доля в общих тиражах менее 2%, тогда как почти каждая пятая выпускаемая в РФ книга проходит по научному ведомству.

И последнее замечание. Много говорят о буме non-fiction. Помимо добротных научно-популярных изданий, сюда относят книги про то, как быстро разбогатеть, выйти замуж за миллионера или сделать из ребенка гения. Часто авторами выступают блогеры, опробовавшие свои советы на сетевом сообществе. Однако направление non-fiction пока уступает художественной литературе и по разнообразию наименований, и по общему тиражу. Но в целом направление non-fiction фиксирует четкое разделение чтения на прагматическое (деловое) и компенсаторное (релаксирующее) [Мокроусова, 2019].

Аутсайдером рынка является сельскохозяйственная тематика.

Таблица 1. Выпуск книг и брошюр по целевому назначению в 2020 г.

Издания	% к числу изданий	% к тиражу
Научные	18,3	1,9
Научно-популярные	2,0	1,1
Учебные и методические	35,1	50,7
Литературно-художественные	17,1	12,1
Для детей и юношества	12,0	22,3
Религиозные	1,3	1,3
Для широкого круга читателей	10,8	8,9
Нормативно-производственные, справочные и официальные	2,0	1,3
Производственно-практические	1,4	0,4
Итого	100	100

Тиражность изданий

Говорить о средних тиражах книг в России бессмысленно, поскольку они распределены крайне неравномерно (рис. 4). При этом в последние годы наполнение тиражных групп относительно устойчиво.

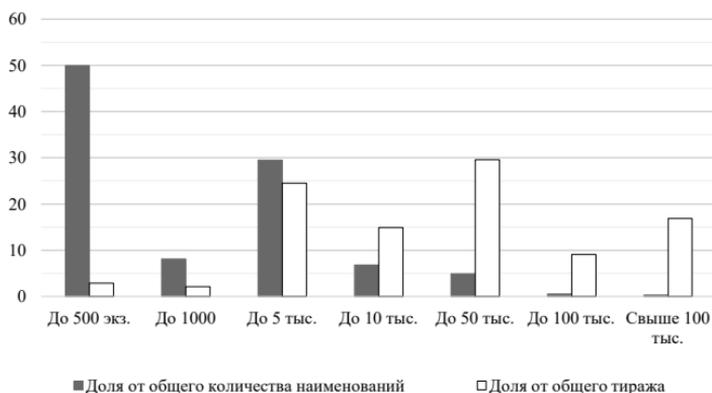

Рис. 4. Распределение выпуска книг и брошюр по тиражным группам в 2020 г., %

Всего выделяются четыре сегмента.

Первый из них – мелкотиражный. Он многочисленный, но практически невесомый. Почти половина наименований книг и брошюр в РФ издается тиражом до 500 экз., и совокупная доля этой группы в общем тираже страны не превышает 3%.

Второй сегмент – самый массовый, представленный книгами с тиражом до 10 тыс. Таких книг довольно много (42,5%), и они забирают на себя 41,6% общего тиража. При этом самый распространенный тираж в России – до 5 тыс. экз. Это условно «норма» по состоянию на 2020 г.

Третий сегмент представлен книгами, безусловно, успешными, перешагнувшими рубеж в 10 тыс., но пока не ставшими бестселлерами-гигантами. Его авторы входят в число наиболее перспективных, некоторые из них потенциально могут дорасти до лидеров рынка. Их книги занимают около 5% книжного ассортимента, однако на них приходится более трети общего тиража.

Четвертый сегмент – книги-лидеры с гигантскими тиражами (свыше 100 тыс.). В него попадают всего 0,3% наименований, однако на них приходится 16,9% общего тиража. Это учебники и абсолютные бестселлеры. Сегмент малочисленный, но весомый.

Кто из авторов имеет в России наибольшие тиражи? Итоги 2020 г. отражены в таблице 2.

Таблица 2. **Топ-5 наиболее издаваемых авторов художественной и детской литературы**

Автор	Число печатных изданий, ед.	Общий тираж, тыс.экз.
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА		
Кинг Стивен	120	774,0
Донцова Дарья	69	525,0
Достоевский Федор	87	459,4
Сапковский Анджей	37	406,0
Маринина Александра	45	374,5
ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА		
Чуковский Корней	131	1081,05
Ульева Елена	90	923,95
Вебб Холли	117	912,0
Носов Николай	63	588,0
Волков Александр	60	556,6

Источник. Российская печатная палата.

Тенденции книжного рынка

Статистика – вещь полезная, но многие процессы улавливаются участниками рынка точнее и полнее. На основе интервью попытаемся сформулировать актуальные тенденции книжного рынка.

1. Утрата литературой функции «властителя дум».

О снижении роли литературы в жизни общества говорят и пишут как о свершившемся факте: «Литература все более умалется, сжимается ... в дальнем углу социального ландшафта» [Гундарин, Шевченко, 2020].

Этот процесс не определяется количественными показателями книгоиздания. Скорее, речь идет об утрате литературой роли социального института, значение которого состояло в поддержке культурной идентичности общества [Гудков, Дубин, 2020]. Она возвращается ко временам Вольтера, когда с ее помощью поддерживалась идентичность узкой группы избранных. «Литература не мощная социальная сила, краеугольный социальный механизм – а почтенное, мелкое занятие “своих” и “для своих”» [Гундарин, Шевченко, 2020].

Многие наши информанты в качестве попытки определить основной тренд, из которого следовали частности, указывали

на коммерциализацию книжного рынка. Приведем характерное высказывание:

«Самая большая проблема, в которую все упирается – это баланс между словами “книга” и “рынок”. Книга должна быть хорошей, а рынок требует издавать все, что продается. И фактически все сводится к личной позиции издателя. Вот возьмите АСТ, редакцию Елены Шубиной. У нее есть репутация. Она не может издавать неприкрытое дерьмо. А кто-то может издать откровенную лажу типа “Мятной сказки” и гордиться, что продали огромный тираж. То есть они тем самым сказали: смотрите, это тоже книга. А это не книга, это просто маркетинговый блеф» (литературный агент).

Другими словами, «книжный бизнес отчуждается от художественной литературы, да и литературы вообще» [Гундарин, Шевченко, 2020].

Своеобразными оазисами, сохранившими представления о миссии литературы, стали маленькие издательства, не имеющие коммерческого успеха. Крупные издатели существуют в ситуации утери обществом моды на интеллектуальность и воспринимают это как данность. Издают с учетом сниженной планки читательских запросов.

Изменение роли книги стало следствием очередной медиа-революции. Первая революция была связана с возникновением речи, вторая – с зарождением письменности, третья – с книгопечатанием. Четвертая медиа-революция – появление электронных изданий, которые стали конкурировать с книгопечатанием [Лизунова, Павленко, 2020]. Однако бумажную книгу теснит не столько ее электронный аналог, сколько сетевые альтернативы досуга (социальные сети, ютуб-каналы, сериалы и пр.).

Согласно данным Mediascope, общее медиапотребление российских граждан в возрасте старше 16 лет в 2018 г. составляло 8 ч 18 мин. в сутки. Из них чтению книг в общем объеме медиапотребления отводится 13 мин. 48 сек. [Сайко, 2019].

2. Монополизация книжного рынка.

Рынок книг в России крайне монополизирован. Если предельно упрощать его структуру, то она выглядит так: учебники издает «Просвещение», а книги – холдинг «ЭКСМО», в который входят «АСТ», «Азбука-Аттикус», а также «ЛитРес» и сеть книжных магазинов «Читай-город». Остальные издатели на этом фоне

выглядят карликами. Негативные последствия монополии никто не отменял. Это и диктат в отношениях с авторами, и снижение качества книгоиздания ввиду отсутствия реальной конкуренции за читателя.

«Особо идти некуда. Все, кроме “ЭКМО”, издают смешными тиражами, практически не имеют выхода на розницу. Лучшие “ЭКМО” я для себя вариантов сейчас не вижу. Все, кто возмутился и уходил в другие издательства, на мой взгляд, проиграли» (писатель).

3. Увеличение доли переводных книг.

Переводные книги расширяют свое присутствие на российском книжном рынке. Можно утверждать, что *это тот сегмент российской экономики, который не затронула идея импортозамещения*. За 2016–2020 гг. доля переводных изданий в совокупном российском тираже увеличилась с 12% до 19%. Кстати, самым издаваемым автором в России в 2020 г. стал Стивен Кинг, который по размеру общего тиража (774 тыс.) в полтора раза превзошел Дарью Донцову.

С каких языков переводят книги? Преимущественно с английского, французского и немецкого. За ними идет шведский язык. Швеция, в которой живет всего 9,5 млн человек, является лидером мирового книжного рынка. Таким образом, дело не в численности народонаселения или плотности талантов. Рынки, и книжный не исключение, являются ареной борьбы и продвижения своих товаров. Швеция умеет это делать лучше многих.

Продажа прав на переводы – хорошо налаженная индустрия. Зарубежные издатели активно продвигают свою продукцию на российский рынок, чего нельзя сказать о российских издателях. На рынке переводных книг у России роль покупателя, а не продавца.

«У немцев сейчас взлет в продаже прав. Там реально этим занимаются. У них есть представительства во всех крупных странах, там сидят люди, которые продвигают продажи немецких книг. У нас такого нет. Для них покупать книги в России – это все равно что в Нигерии. У нас не хватает конкурентоспособного продукта» (издатель).

«На ярмарке во Франкфурте национальные издатели держатся вместе, занимают огромные площади. А издатели

из России рассеяны, не хотят единым фронтом представлять книги» (официальный представитель западного издательства).

Впрочем, ситуация на книжном рынке сильно различается по жанрам и направлениям. Если в сегменте художественной литературы лишь единицы выходят за рубеж, то детские книги российских авторов имеют на мировом рынке определенные успехи.

«По детским книжкам ситуация лучше, потому что там по картинкам легко оценивать. Нельзя сказать, что мы там значительную долю рынка занимаем. Ну хоть что-то продают» (издатель).

Российские авторы болезненно реагируют на предпочтения в продвижении переводных книг.

«Разница между раскруткой иностранной книги и российской огромная. Маркетинг сейчас явно не в пользу российского автора. Например, “ЭКМО” составляет списки рекомендованной литературы по жанрам: детективы, художка, научпоп... По десять лучших книг. Из этой десятки российских книг одна-две. Тут вообще речь не о достоинствах книг. Просто в иностранные книги они вложили деньги – купили права на издания, заплатили переводчику. И теперь им надо эти деньги отбить. А российские рукописи им достаются почти даром. Авторы сидят на смешных роялти. Это вообще странно звучит, но крупнейшее российское издательство художественной литературы вообще не формирует тренд на чтение отечественных авторов» (писатель).

Писатели и издатели обмениваются упреками. Издатели обвиняют отечественных авторов в том, что те не умеют создавать бестселлеры.

«Писать надо не как Толстой. Писать надо так, чтобы это продавалось» (издатель).

Писатели в ответ обвиняют издателей в меркантильности и недальновидности.

«Издатели в России не стали союзниками отечественных писателей, они их попросту сдали. Это очень недальновидная позиция. Они думают, что так легче жить: вместо того, чтобы искать и растить собственных писателей, можно просто упасть на хвост западному рынку. Дескать, пусть там проведут отбор, найдут самое-самое, а мы тут быстренько на русском

языке это издадим. Так им проще работать. Они ведут себя как филиал иностранного издательства» (писатель).

Впрочем, издателей можно понять. Они удовлетворяют запросы читателей.

«Общий информационный фон – преобладание Запада. Я выросла на американских фильмах, это уже моя среда. Мне ближе, как они строят фразы. Мне не хочется читать наших авторов» (читатель).

«Наши все делают каким-то тяжеловесным. Если художественная книга, то страдания, если нон-фикшн, то как-то неинтересно» (читатель).

4. Рост популярности non-fiction.

В последние годы заметен рост интереса к нехудожественной литературе. Аудитория таких книг – это люди с высокой ценностью саморазвития и самообразования. Они хотят читать «полезную» литературу, воспринимая этот процесс как своеобразный читательский ЗОЖ.

Если чтение художественных книг трактуется ими как пустая трата времени, допустимая лишь в случае сильной усталости, то чтение нон-фикшн представляется как инвестирование в собственные знания, заполнение «белых пятен» в образовании. Например, человек не умеет публично выступать, и читает о том, как это правильно делать. Или он видит вокруг себя мужчин и женщин, и вдруг узнает, чем гендер отличается от биологического пола. Такое «расширение горизонтов» привлекает читателей.

В свою очередь художественная литература зачастую предлагает авторскую интерпретацию того, что знакомо читателю по личному опыту. И эта интерпретация может диссонировать с чувствами читателя.

«Если читать, то про какие-нибудь далекие годы, про “оттепель” ту же. Это для меня все равно, что фантастический мир. А про нашу жизнь не хочу, чтобы не было зазора между тем, что я вижу, и как это видит автор» (читатель).

«Я лучшие про космос почитаю. А про нашу жизнь мне не надо ничего навязывать, я сам свое мнение имею» (читатель).

5. Рост рынка электронных и аудиокниг.

Рынок «небумажных книг» одно время развивался довольно динамично. Однако прогнозы о том, что «электронка» вытеснит

бумагу, не оправдались. «Казалось, что за этим будущее, потому что легко читать в любом месте... Но, несмотря на все преимущества, рынок электронных книг застопорился. В англоязычном пространстве электронные книги составляют 15–20% от общего объема продаж книг», – комментирует ситуацию М. Колман, президент Международной ассоциации издателей (API)³. Глава «Нового литературного обозрения» И. Прохорова также считает, что Интернет и книга не конкуренты, а партнеры [Прохорова, 2006].

Самым опасным конкурентом электронных книг является не бумажная версия, а «пиратская» [Ионов, 2013]. Как считает Олег Новиков, владелец издательской группы «ЭКСМО-АСТ», «сегодня около 90% скачиваний происходит с нелегальных ресурсов, и этот объем скачиваний составляет примерно 30% потребления. Это те читатели, которых мы теряем»⁴.

Однако есть нюансы. «Небумажные книги» возможны как дополнение к обычным. Например, вышла бумажная книга, а для желающих – ее электронный или аудиоформат. Другой вариант, когда ни одно издательство не принимает рукопись. И отчаявшийся автор вывешивает ее в электронном формате или сам записывает аудиOVERСИЮ. Речь идет об электронном самиздате.

«Сейчас рост по электронке в основном за счет самиздата. Электронный формат дал возможность огромному количеству авторов издаваться» (маркетолог).

Впрочем, общие оценки тут не работают, велика жанровая специфика.

«В детской литературе доля электронки меньше процента, и понятно, что там электронки никакой не будет. А в романтической фантастике доля электронки уже под 60%. И бумага сжимается просто колоссальными темпами. В каждом жанре своя ситуация» (издатель).

Почему именно фантастика ушла в электронку?

«Многие охранники читают фантастику. С бумажной книгой можно спалиться, а так достал телефон и читаешь. К тому же при низких доходах важно, что электронка дешевле» (издатель).

³ Книжная индустрия и вызовы цифровой эпохи // Книжная индустрия. 13.04.2019. URL: <https://www.bookind.ru/events/8405>

⁴ «Мы давно живем в условиях кризиса» // Газета «Коммерсантъ». 11.01.2017. № 3 (5997) (kommersant.ru).

Принципиальный вопрос: означает ли рост электронных книг сокращение рынка печатных изданий? По мнению экспертов-издателей, при всех различиях в жанрах *«за счет электронки рынок растет. Электронка прибавляет к рынку, если смотреть на цифры в целом»* (маркетолог).

Важно отметить, что тема электронных изданий и аудиокниг является достаточно конфликтной в отношениях между издательствами и авторами. В стандартной ситуации издатель забирает у автора права на рукопись, так сказать, «оптом», включая права на печатное издание, электронную и аудиокнигу. Роялти, которые автор получает за электронные книги, в этом случае существенно ниже, чем при прямом договоре автора и продавца электронных книг. Исключение составляют только самые титулованные писатели, которые могут диктовать издателям свои условия.

«До недавнего времени я сама заключала контракт с ЛитРес⁵. Потом издательство стало настаивать на передаче им всех прав, включая права на электронные издания. Это для автора менее выгодно, но сейчас издатель ведет довольно агрессивную политику по отношению к авторам» (писатель).

Особенно конфликтна ситуация вокруг аудиокниг. Шведская фирма Storytel предлагает российским авторам прекрасные условия для сотрудничества: качественная аудиозапись и приличное вознаграждение. Однако для большинства авторов это невозможно, так как все права находятся у издателей, которые и сами не записывают аудио на принадлежащие им книги (качественная запись требует инвестиций и особых подходов к продвижению), и не позволяют делать это сторонним фирмам, поскольку не хотят, чтобы прибыль от аудиокниг доставалась кому-то другому. Издательства в данной ситуации ведут себя как «собака на сене», резервируя возможность аудиозаписи на неопределенное будущее. Авторы же в итоге теряют и аудиторию, и деньги.

6. Развитие института литературных агентств и мастерских.

На западном книжном рынке издатели практически никогда не работают непосредственно с авторами. Между ними всегда стоит фигура литературного агента. Эта практика начинает приходить и в Россию.

⁵ Крупнейший издатель электронных и аудиокниг в России и СНГ.

В последние годы бурно расширяется сеть агентств, литературных мастерских, предлагающих авторам широкую линейку услуг. Этот сегмент рынка неоднороден.

Есть агентства премиум-класса, в их портфеле российские и мировые бестселлеры. Попасть в число их клиентов сложно, для новых авторов почти невозможно – только через систему рекомендаций. Литературные агенты первого эшелона обладают компетенциями и связями для продвижения «своих» авторов в киноиндустрию и на рынок переводов. Они малочисленны и не нуждаются в рекламе.

Вторая группа литературных агентств специализируется на новобранцах. В их случае, за редким исключением, не заходит речи о переводах и экранизациях. Главным «призом» является сам факт издания книги, даже минимальным тиражом. В таких агентствах фокус усилий приходится на образовательные услуги в форме вебинаров и разбор рукописей на предмет возможности их улучшения. Основной их контингент – авторы из самиздата, пытающиеся пробиться на рынок официальных издателей.

Остальные писатели (не звезды, но и не новобранцы) работают с издателями напрямую, не имея литературных агентов и не испытывая в них потребности. Платить посредникам при мизерных гонорах они не видят смысла.

«Гонорары наших “среднестатистических” авторов не позволяют иметь литературных агентов» (писатель).

Отношение к литературным мастерским и агентствам неоднозначное. Кто-то считает, что литературные мастерские могут обучить некоторым приемам ремесла, помогают «открыть» новых авторов. Известные писатели, включая Д. Быкова и С. Лукьяненко, учат желающих литературному ремеслу.

«На одном таланте рынок не построить. На Западе есть такая профессия – ментор автора. Я тут прочитал такой кейс: Брэдли имел ментора, который его два года жестко кошмарил и дотацил до мировой звезды. Это не просто, что Рэй Брэдли возник как талант, ниоткуда. Его два года кошмарили жестоко» (издатель).

Другие убеждены, что это исключительно коммерческий проект, своего рода мошенничество, поскольку научить писательству невозможно, все дело в таланте. Показателен пост в Фейсбуке, посвященный «эпидемии курсов писательского мастерства»,

в котором название популярной школы Creative Writing School переименовано в Семинарию Креативного Врайтинга. Этот пост написан известным в писательских кругах человеком и собрал более тысячи лайков⁶.

Забавно, но в стране, где сокращается практика чтения, резко возросло желание писать. Вместе с уходом моды на чтение, возникла мода «быть писателем».

7. Рост самиздата.

Самиздат не предполагает отбор рукописей. Каждый может стать писателем, выложив рукопись в электронном виде на специальных сайтах для бесплатного или платного скачивания (просмотра). При желании можно заказать ограниченный микротираж.

«По некоторым жанрам эти сайты очень хорошо себя чувствуют. Без всяких издательств они занимают существенную долю рынка. Особенно хорошо получается в жанре романтической фантастики, остальное пока тяжело» (маркетолог).

Важно подчеркнуть, что самиздатовские сайты – это не просто «вход без фильтра», но и новые технологии взаимодействия с читателями, новые приемы обучения писательскому ремеслу.

«Там, например, есть такая вещь, как выкладывание по главам. Ты выкладываешь и видишь, что на какой-то главе люди отвалились. И ты начинаешь разбираться, почему так вышло. Выкладывание книги по главам с точки зрения шлифовки мастерства – это колоссальный прорыв. Автор может понять по реакции читателей, в чем у него проблема» (издатель).

Издатели воспринимают самиздат как своеобразный инкубатор авторов для книжной индустрии. Самые популярные авторы получают предложения о сотрудничестве от серьезных издательств.

Однако со временем этот инкубатор может превратиться в минное поле. «Платформы, самиздат, подписная модель – для традиционного издательского бизнеса это, с одной стороны, возможность донести контент до читателя, а с другой, и угроза, ведь завтра автор может начать работать напрямую с платформой, отстранив издателей от цепочки создания книги», – делится опасениями крупнейший издатель России О. Новиков⁷.

⁶ Пост от 17.12.2021 (15) Константин Мильчин | Facebook

⁷ Книжная индустрия и вызовы цифровой эпохи // Книжная индустрия. 13.04.2019. URL: <https://www.bookind.ru/events/8405>

8. Дифференциация издательств по стратегиям отбора и продвижения рукописей.

При всем разнообразии издательских политик есть две полюсные модели:

– точечный выбор потенциальных бестселлеров и максимальные усилия, направленные на их продвижение, в том числе на зарубежные рынки;

– широкий охват авторов без особых усилий на их продвижение (своеобразное «посевное инвестирование»).

В первом случае делается ставка на квалификацию издателя, позволяющую разглядеть в рукописи ее рыночный потенциал, и использование разнообразных методов воздействия на аудиторию, чтобы этот потенциал реализовался. Речь идет не только о рекламе. Это номинирование на литературные премии, привлечение авторов к участию в публичных мероприятиях, интервью в журналах и на телевидении и пр. В этом случае издатель ведет себя как продюсерский центр, что требует крайне профессионального подхода. Эта стратегия является довольно рискованной, ведь гарантий того, что удастся «зажечь звезду», нет, и значительные ресурсы могут быть потрачены впустую.

Во втором случае риски снижаются, ставка делается на массовое присутствие на рынке. Огромный портфель, формируемый множеством незначительных авторов, может дать приемлемый финансовый результат. Не исключено, что из этой писательской массы кто-то даже «выстрелит». Однако при такой стратегии страдает репутация издательства, за которым со временем закрепляется слава «макулатурного производства». Отсутствие фокусированного продвижения авторов снижает не только риски, но и реноме издателя.

9. Снижение роли литературных критиков, рост значения книжных блогеров.

Литературные критики могут хвалить или ругать, раздавать премии или клеймить позором. На продажи это мало влияет. Времена В. Белинского прошли.

«Во всем мире критики уже ничего не значат. Либо ты популярен у критика, либо у народа. Чего ты хочешь? Денег или критиков? Выбирай! Критики – это совершенно бестолковая история, которая вымирает» (издатель).

Некоторые критики активно вторгаются в пространство гламура, публикуя колонки в глянцевого журналах, наращивают свою публичность всеми доступными способами. Формируется своеобразный жанр «популярной» критики – разбора литературных достоинств книг на уровне постов в социальных сетях. Тем самым стирается грань между литературными критиками и блогерами, чья роль в продвижении книг стремительно растет. Писатели и издатели дарят книги блогерам, рассчитывая на них в продвижении книг.

В отличие от критиков, статус которых предполагает специальное образование, профессиональный ценз, блогерами становятся люди, которые порой даже пишут с ошибками. Они распространяют информацию в сетях, которые в принципе имеют горизонтальную структуру и не предполагают культурного доминирования. При этом восприятие блогеров читательской аудиторией как «гласа народа» увеличивает эффект продвижения. Это обусловило повышение их статуса и в издательской среде.

«Сейчас для издателя книжный блогер значит больше, чем писатель. Даже конференции раньше для писателей проводили. Фуриеты, общение, фотосессии. Сейчас с нами провели в зуме, а блогеров поили шампанским в офлайне. Им на Новый год подарки от издательства развезли, а меня, которая им 15 лет рукописи отдавала, даже не поздравили» (писатель).

Книжные блогеры активно коммерциализируют свою деятельность, продавая свои услуги по привлечению внимания к книгам. Однако эффективность такого канала, по мнению некоторых наших респондентов, довольно низкая.

Показательна история одного писателя, который стал вести книжный блог. Подписчиков набралось несколько тысяч. Однако тиражи этого писателя снижались на фоне роста сетевой аудитории. В «ковидный» год новую книгу писателя издали только в электронном виде, пообещав, что выпустят «на бумаге» при условии хороших электронных продаж. Блогер обратился к своей аудитории, попросив поддержать книгу и приобрести электронный вариант. Итог: полное разочарование. «Лайки» не перешли в покупки. В бумажном виде книга так и не вышла.

«Один отзыв у блогера, у которого около 10–20 тысяч подписчиков, стоит от 2 до 4 тыс. Но сами блогеры не всегда талантливы и часто отзыв выглядит как бодрый пересказ

книги. И наивные или отчаявшиеся авторы легко становятся их добычей. Заплатив блогеру, ты получишь 900 лайков, но купишь книгу лишь 5–10 человек» (писатель).

10. Продвижение книг перекладывается на авторов.

Авторы всегда заинтересованы в продажах. Это очевидно. Однако в условиях монопольного рынка писатели вынуждены разделять с издателем ответственность за продажи. Если книга не продается, издатель откажется от дальнейшего сотрудничества. Поэтому вести блоги, проявлять активность в социальных сетях становится не факультативной, а фактически обязательной частью писательской деятельности.

«Раньше авторы воевали за то, чтобы их мнение учитывалось при разработке обложки. А сейчас сплошь и рядом авторы сами ищут иллюстрацию для своей обложки, сами вычитывают тексты. Я бы сказала, что сейчас на рынке установилась монополия при полной депрофессионализации. Если автор не будет отслеживать свою книгу на всех этапах, то он сильно расстроится, получив готовую из типографии. Фактически автор и за редактором подчищает, и за корректором, и обложку сам придумывает, и еще должен сам книгу продвигать в социальных сетях. Мы скоро, как коробейники, будем со своими книгами ходить» (писатель).

«Есть титаны, типа Рубиной. Их блог ведут специально обученные люди. Остальные живут по принципу – раскрути себя сам» (маркетолог).

Издатели настоятельно рекомендуют авторам «строить персональный бренд», что вызывает у многих писателей глухое раздражение:

«Вообще это очень упрощенный подход, что если у кого-то много подписчиков, то его книги будут продаваться. Я лично знаю писательницу, которая сильно вкладывается в свою страницу в Фейсбуке и Инстаграм. Народ это все благодарно потребляет. У нее несколько тысяч подписчиков, на каждый ее пост почти тысяча лайков. И половина ее скромного тиража пылится на складе» (литературный агент).

«Фактически сейчас издатель просто верстает и отдает заказ в типографию. А писатели сами через социальные сети пытаются организовать продажи. Поэтому и топчутся

на тиражах в полторы-две тысячи. Сапоги должен тачать сапожник» (писатель).

II. Снижение качества редакционного процесса.

Речь идет о редакции, корректуре, оформлении и т.д. По этому поводу в среде писателей стоит «плач Ярославны».

«Качество редакции упало до неприличного уровня. Даже машинная программа лучше редактирует. Наверное, это фрилансеры, но надо же как-то проверять, с кем имеют дело» (писатель).

Отмечается снижение стандарта работы с рукописью.

«Мы все помним времена, когда в книжку из-за опечатки вкладывалась бумажка чуть ли не с извинениями – на такой-то странице такая-то опечатка. Сейчас это трудно представить. Опечатки идут косяками. У корректоров очень низкие зарплаты, и профессионалы вынуждены искать себе другую работу» (сотрудник издательства).

«Как будто издают не книги, а газеты, которые живут один день» (литературный агент).

«Раньше у писателя редко менялся редактор – они шли плечо к плечу и были в единой связке. Это очень важно для качества продукта. Сейчас этого нет, редакторы увольняются так быстро, что с некоторыми не успеваешь познакомиться» (писатель).

Конечно, есть счастливые исключения, но массовый рынок движется в сторону снижения качества редакции и корректуры. Очевидно, из-за снижения общего пиетета к книге как таковой.

На наш взгляд, корень проблем российского книжного рынка заключается не в технических вопросах его функционирования, а в самом месте книги в культурном пространстве страны.

Если поставить книгу в ряд с другими носителями информации и приравнять чтение к разнообразным формам досуга, то в падении к ним интереса нет особой проблемы. Побеждает сильнейший. Телевидение, социальные сети, ютуб-каналы успешно конкурируют за внимание потребителей. Против книги играет и то обстоятельство, что за нее потребитель должен платить, а контент Интернета в основной массе – бесплатный.

Пока государство рассматривает издательскую деятельность исключительно как бизнес, вряд ли что-то изменится. В этом

случае издателям будут помогать в той же логике, что предприятиям общественного питания, пострадавшим от ковидных ограничений. Эта помощь важна, но ситуацию с чтением она не изменит.

Однако книга – не просто товар, она обеспечивает связь поколений посредством передачи культурных кодов. Если государство подписывается под этим, то должно всемерно поддерживать интерес к чтению, воздействуя главным образом не на издателей, а на читателей. *«Государство должно поддерживать культуру страны, в данном случае интерес к чтению. Объемно и вдумчиво. Чтоб человеку было неловко выйти из дома без книги. Чтобы это было как дурной тон»* (читатель).

Если государство устраняется от решения этой проблемы, книжная культура продолжит сжатие в социальном и экономическом ландшафте страны.

Литература

Гудков Л., Дубин Б. Литература как социальный институт. М.: Новое литературное обозрение, 2020.

Гундарин М., Шевченко Г. Гуд бай, литература // ЛиТеттаеура. Электронный журнал. 2020. Ноябрь. Михаил Гундарин, Ганна Шевченко. ГУД БАЙ, ЛИТЕРАТУРА. Литература. Электронный литературный журнал (literatura.org)

Ионов А. Б. Основные аспекты развития современного российского книжного рынка // Дискуссия. 2013. № 3. С. 25–30.

Лизунова И. В., Павленко С. В. Трансформация книги в условиях медийных революций // Библиосфера. 2020. № 1. С. 12–23.

Микроусова Л. М. Эволюция взглядов на чтение // Вестник Тюменского государственного института культуры. 2019. № 1 (11). С. 94–97.

Прохорова И. Д. Интернет и книга – не конкуренты. Чьи интересы защитит закон об авторском праве // Библиотечное дело. 2006. № 4. С. 18–20.

Сайко Е. А. Динамика российского книжного рынка в аспекте культурного потребления // Креативная экономика. 2019. Том 13. № 12. С. 2409–2508.

Статья поступила 07.12.2021

Статья принята к публикации 17.01.2022

Для цитирования: Барсукова С. Ю. Книжный рынок России: быть или не быть? // ЭКО. 2022. № 3. С. 130-152. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-3-130-152

Summary

Barsukova, S. Yu., *Doct. Sci. (Sociology), National Research University Higher School of Economic, Moscow*

The Russian Book Market: to Be or not to Be?

Abstract. The paper examines the current problems of the Russian book market. Tendencies to the reduction of total circulation of printed editions on the background of book diversity growth are highlighted. The structure of book production is analyzed. Statistics show the decline in the market of printed books over the past decade, the extreme point of which was reached during the pandemic. High monopolization is observed. A trend of the Russian book market is the growing popularity of samizdat and a variety of writing schools. As the interest in reading fades, the army of those who want to be writers grows. There has been an increase in the share of translated books, as well as the influence of bloggers on the promotion of new books. An unspoken requirement for writers' presence on social media as a form of promotion is discussed. In addition to statistical information, interviews with market participants and readers are used.

Keywords: *book market; interest in reading; book circulation; book market trends; samizdat; book blogger; literary agent*

References

Gudkov, L., Dubin, B. (2020). *Literature as a social institution*. Moscow. NLO. (In Russ.).

Gundarin, M., Shevchenko, G. (2020). Good bye, literature. *Litteratura*. Electronic magazine. November. (In Russ.).

Ionov, A.B. (2013). The main aspects of the development of the modern Russian book market. *Discussion*. No.3. Pp. 25–30. (In Russ.).

Lizunova, I. V., Pavlenko, S. V. (2020). Transformation of the book in the conditions of media revolutions. *Bibliosphere*. No.1. Pp.12–23. (In Russ.).

Mokrousova, L.M. (2019). Evolution of views on reading. *Bulletin of the Tyumen State Institute of Culture*. No.1 (11). Pp. 94–97. (In Russ.).

Prokhorova, I.D. (2006). The Internet and the book are not competitors. Whose interests will be protected by the copyright law. *Librarianship*. No.4. Pp. 18–20. (In Russ.).

Saiko, E.A. (2019). Dynamics of the Russian book market in the aspect of cultural consumption. *Creative Economy*. T.13. No.12. Pp. 2409–2508. (In Russ.).

For citation: Barsukova, S.Yu. (2022). Russian Book Market: to Be or not to Be? *ECO*. No. 3. Pp. 130–152. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-3-130-152

KLIMAT: что ждет энергетику и экономику России к середине XXI века (о новой книге Т. Густафсона. Часть 1)

С.В. БУХАРОВ, независимый исследователь
E-mail: bukharov_s_v@mail.ru

Аннотация. Центральная тема обсуждаемой книги – воздействие изменения планетарного климата на перспективы развития российской энергетики и её экономики в целом. Ключевым фактором геополитического и экономического процесса является энергетический переход от ископаемых топлив к возобновляемым и «зеленым» источникам – энергии солнца, ветра, ядерной. В российском климате предстоящие перемены станут более заметными, чем в других странах мира, и Россия будет проигравшей, а не победителем, как в основном говорят в российских СМИ. Т. Густафсон показывает: позиции России на мировых рынках ископаемого топлива, сильные в современных условиях, в ближайшее десятилетие сохранятся и даже станут укрепляться (главным образом за счет развития природного и сжиженного газа), однако после 2030 г. они начнут ослабевать, а к 2050 г. будут потеряны. Сильнее всех пострадает угольная отрасль, она будет вытеснена альтернативными источниками, но и газ, который некоторое время продолжит играть роль энергетического заменителя нефти, все же уйдет, и Россия окажется в очень уязвимом положении, поскольку лишится своих доходов на мировых рынках – ей будет нечего предложить своим традиционным партнерам. Новые партнеры, страны Юго-Восточной Азии, особенно Китай, будут некоторое время поглощать российский экспорт, но вскоре и они уйдут от него. После 2040 г. начнется ускоренная деградация базовых отраслей российской экономики, а новые не будут созданы в силу ресурсных ограничений. Густафсон обращает внимание на пренебрежение климатическими проблемами в сфере российской политики, указывая на то, что это опасно для будущего страны.

Ключевые слова: энергопереход; экспорт энергоносителей и сырья; углеродный след; возобновляемые источники энергии; потепление в Сибири; Северный морской путь; энергетическая инфраструктура

Название книги [Gustafson, 2021]¹ содержит транслитерацию латиницей русского начертания слова «климат», чем утрированно подчеркивается, что основной ее темой является Россия, ожидаемые ее природные и социально-экономические изменения, внутрироссийские экономические и политические настроения и стратегические решения. Но Россией тема не ограничивается. Чтобы понять, что происходит в стране, нельзя не учитывать

¹ Книга вышла 27 октября 2021 г, автор презентовал ее 15 декабря на вебинаре Carnegie Moscow Center (URL: https://www.youtube.com/watch?v=kvT_aJCEBDo&t=2895s).

процессы, происходящие во всем мире и в макрорегионах, и это тоже обсуждается весьма обстоятельно.

В книге можно выделить две части. В первой описаны судьбы традиционных ресурсов российской энергетики – нефти, газа и угля, во второй дана оценка потенциальных возможностей «зеленых» энергетических технологий в России. Лейтмотивом книги является вопрос: каковы шансы выживания России в предстоящем глобальном энергетическом переходе? Забегая вперед, сообщим: автор полон пессимизма относительно будущего российской энергетики. В силу остроты и важности поставленных в книге вопросов рассмотрим ее подробно, разделив обзор на две соответствующие части.

Тэйн Густафсон – старший директор американской консалтинговой компании IHS CERA – является признанным экспертом по Евразии, посвятившим почти 30 лет изучению России и стран бывшего Советского Союза. Диплом бакалавра наук он получил в Иллинойском университете, а степень доктора наук – в Гарварде. В прошлом он занимал позицию профессора Гарвардского университета, был политическим аналитиком Rand Corporation, в настоящее время является профессором Джорджтаунского университета. Густафсон опубликовал много книг, есть и в русском переводе². Можно надеяться, что и KLIMAT будет переведен и попадет в руки массового российского читателя.

Автор сам определяет свою научную специальность – это политическая экономия, однако книга написана доступно и для непрофессионалов и читается легко. Тем не менее, несмотря на популярность изложения, мимо нее не должно пройти внимание политологов и экономистов, как широкого профиля, так и (в особенности) тех, кто занимается проблемами энергетики и ресурсной экономики. Жанр своего повествования сам автор определил как умственный эксперимент, он постоянно рассматривает возможные сценарии будущего. Множество предложенных им прогнозов носят эвристический характер, но хотя за ними

² В 2017 г. издательство «Альпина Паблишерс» выпустила русский перевод книги Т. Густафсона «Колесо фортуны. Битва за нефть и власть в России» [Густафсон, 2017]. В ней описано, как все рухнуло и начало возрождаться почти с нулевой отметки после краха Советской империи. А также о том, какое есть будущее у российской нефти. Стоит отметить, что в 2020 г. вышла еще одна книга [Gustafson, 2020], посвященная России и энергетической тематике, а именно – газу и его роли в формировании геостратегических позиций страны.

не стоят сложные модели и изощренные аналитические выкладки, это отнюдь не делает книгу поверхностной и легковесной. Т. Густафсон опирается на огромные пласты аналитической литературы и множество наблюдений экспертов и журналистов, как, впрочем, и своих собственных.

«KLIMAT» – книга, полная провокативных идей и фактов, которые автор называет, не тратя время на их углубленное обсуждение, а между тем от того, насколько они обоснованы, зависит справедливость выводов, к которым он приходит. Назовем некоторые из этих исходных тезисов: (1) в мире идет долговременный и опасный процесс глобального потепления, особенно сильный в северных (и южных полярных) широтах; (2) энергетика возобновляемых источников (ВИЭ) достигла высокого уровня эффективности – киловатт-час, полученный от солнечной панели или ветряка, уже обходится дешевле, чем от топливной электростанции; (3) атомная энергетика стала абсолютно безопасной и экономически эффективной; (4) прогресс совершенствования энергонакопительных систем (в частности, аккумуляторных батарей) настолько быстр, что мы вправе ожидать, что в скором времени зависимость от солнечной или ветреной погоды будет преодолена. Мы сознательно уходим от комментирования этих постулатов и посвящаем данный обзор подробному изложению предсказаний автора. Наша цель – передать читателю журнала ощущение того шока, который возникает после прочтения книги и убедить в необходимости вступить с ней в дискуссию.

Изменение климата, отмечает Густафсон, бросает вызов самой основе действующей модели экономического роста, от которой зависит стабильность политических и социальных систем. В мире, в котором нет единого центра власти, страны, имея несовпадающие интересы, не имеют стимула действовать сообща. Когда нет политического единства, особенно в тех вопросах, когда речь заходит о разделении общемировых расходов (в данном случае – направленных на сохранение планетарной экологии), страны будут подвержены эффекту трагедии общин, и Россия, как одна из них, столкнется с высокими издержками и незначительными выгодами от совместных действий. Густафсон полагает, что искушение «прокатиться бесплатно», переложив бремя усилий и затрат на тех, кто серьезно озабочен чистотой нашего мира, у всех будет непреодолимым, и это породит глобальную потерю

эффективности – никто не станет заниматься производством коллективного блага – чистой Земли.

Изменение климата создает почву для конфронтации, поскольку экстремальные явления загрязнения окружающей среды и эмиссии парниковых газов, вызывающих разогрев нашей планеты, порождают конфликты между странами и внутри них³. Во многих регионах мира слабые государства не смогут контролировать свое население. Результатом станут растущая анархия и угроза массовых миграций, сопровождающиеся трансграничным насилием и ксенофобией. Даже в России, где государство, скорее всего, останется сильным, социальные изменения, усугубленные изменением климата, особенно миграцией, будут создавать все больше проблем.

Совокупным результатом этих конфликтов станут изменения в распределении богатства и власти. Некоторые страны и группы выиграют от изменения климата, в то время как большинство пострадает; беднейшие и наиболее уязвимые столкнутся с острой нехваткой продовольствия. Будут победители и проигравшие, и эти изменения, скорее всего, не будут мирными. Россия, как утверждает Густафсон, будет одной из проигравших.

Почему Россия так важна? Какое-то время приход либеральной демократии как нового мирового порядка – «конца истории» – был надеждой и верой Запада. Но в России это верование разделяло лишь незначительное меньшинство, в то время как большинство россиян воспринимали 1990-е годы как катастрофу и унижение. В 2000 г. В.В. Путин пришел к власти с миссией восстановления статуса России как великой державы. Теперь, двадцать лет спустя, Россия и Запад вернулись к тому состоянию, которое равносильно новой холодной войне, угрожающей разрушением достигнутого и порождающей новые опасности. Чего ждать при разных сценариях развития будущего и что во всех этих случаях делать? Для ответа на эти вопросы и написана книга Густафсона.

³ Ярким примером такого рода противоречий является поведение стран-участников Международной конференции по изменению климата, созванной в Киото в 1997 г. Конференция превратилась в противостояние между развитыми и развивающимися странами, а также между европейцами и американцами. Развитые страны хотели, чтобы ограничения на выбросы были обязательны для всех; развивающиеся страны категорически отказались от этого. Европейцы хотели значительного сокращения выбросов CO₂; американцы и слышать об этом не желали.

Ситуация в России парадоксальна. За последние двадцать лет российская экономика добилась значительного прогресса после распада Советского Союза в 1991 г. Нефтяная промышленность была модернизирована на базе новых технологий. Газовая промышленность создала систему добычи и логистики нового поколения, построив новую сеть газопроводов. Россия обладает крупнейшими в мире запасами нефти и газа, превышающими даже запасы Саудовской Аравии. В настоящее время в стране действует самая успешная гражданская ядерная энергетическая программа, представляющая собой ценный потенциальный ресурс, полезный на случай возрождения ядерной мировой энергетики. Сельскохозяйственный сектор России обещает жизненно важный для мировой экономики вклад в случае мировых неурожаев.

Тем не менее, за редкими исключениями, произошедшие изменения в основном соответствуют традиционной российской модели – приоритет остается за крупными компаниями, которые, даже будучи частными, переплетены с государством в паутине взаимозависимости. Государство остается доминирующим игроком, как это было на протяжении всей российской истории. Вектор политики остается нисходящим, а не восходящим. Конечным результатом является укрепление традиционной промышленной модели России и, особенно, ее зависимости от экспорта сырья, прежде всего углеводородов. Парадокс заключается в том, что те самые перемены, которые улучшили российскую экономику за последние два десятилетия, в конечном счете делают ее более уязвимой и менее способной адаптироваться к вызовам изменения климата.

Угрозы изменения климата

Россия более всех может пострадать от изменения климата. Она не только сильно зависит от экспорта ископаемых видов топлива; треть ее территории находится севернее Полярного круга, арктическая береговая линия простирается на 24 тыс. км, большая часть северной почвы состоит из вечной мерзлоты, нестабильной смеси песка, льда и метана. Леса, уязвимые к болезням, засухе и пожарам, являются крупнейшими в мире и занимают более половины территории России и одну пятую часть мировой площади лесов. Будучи четвертым в мире по величине источником эмиссии CO₂ и многих вредных загрязнителей,

Россия является одной из главных причин изменения климата; но со временем, считает Густафсон, она также станет одной из его главных жертв.

Потепление поставит под угрозу северную инфраструктуру, в первую очередь трубопроводы, сделает дома и другие сооружения более хрупкими, а новое строительство – более сложным и дорогостоящим. Потепление в Восточной Сибири приведет к росту числа болезней, переносимых вредителями. Лесные пожары станут более частыми и масштабными. Районы с незначительным количеством осадков, охватывающие большую часть юга России, будут испытывать более частые засухи, и это также повлияет на сельскохозяйственное производство, которое в последние годы было успешным.

Густафсон указывает, однако, не только на минусы, но и на плюсы потепления. К последним можно отнести следующее: урожайность сельскохозяйственной продукции в России в некоторых местах увеличится, на севере России арктические льды растают, и возникнет транзитный морской маршрут между Европой и Азией, а круглогодичный проход позволит экспортировать нефть и СПГ на Восток. За пределами России может возникнуть повышенный спрос на ядерную энергетику, и российские технологии будут иметь все возможности для ее обеспечения. Нехватка продовольствия, особенно на Ближнем Востоке, откроет новые экспортные рынки, что также даст геополитические рычаги влияния. Но в целом, утверждает Густафсон, чистый эффект будет отрицательным.

Внутренние и внешние факторы

Российскую экономику, как, впрочем, и любую другую, Густафсон прогнозирует с учетом внутренних и внешних геоклиматических факторов. Первые влияют на внутреннюю экономику и население внутри России. Например, воздействие глобального потепления направлено на урожайность сельскохозяйственных культур, прибрежную инфраструктуру и транспорт, а также на уровень жизни и здоровье населения. Вторые, такие как, например, спрос на нефть, возникают в результате изменений в мировой экономике, связанных со сменой климата, что, в свою очередь, влияет на положение России в международных потоках торговли и технологий. Густафсон уверен, что именно внешние,

а не внутренние факторы и, прежде всего, тенденции глобального энергетического перехода будут определяющими при формировании богатства и могущества России к 2050 г.

В России внутренние факторы действуют слабо в силу ее географических особенностей. Это Густафсон показывает, сравнивая ее с США. В некоторых отношениях России повезло. Хотя обе страны имеют протяженные береговые линии, но в то время как три основных побережья США (включая Мексиканский залив) густо населены и являются крупными торговыми и производственными центрами, российское побережье в основном безлюдно и не развито, за исключением регионов вокруг Санкт-Петербурга и Черного моря. Значительная часть российского добывающего сектора находится в арктических районах, недалеко от береговых линий, но там проживает всего около 6% населения. Мурманск, Владивосток и Норильск не могут сравниться по размерам или значимости с Майами и Новым Орлеаном, не говоря уже о Нью-Йорке. Восточное побережье США и побережье Мексиканского залива очень уязвимы к изменению климата, в большей степени, чем соответствующие прибрежные регионы России. Обе страны также сталкиваются с различными рисками, связанными с лесными пожарами. В таких местах, как Калифорния, до одной пятой всех домов подвержены тому или иному риску. В отличие от США, лесные пожары в Сибири и на Дальнем Востоке, полагает Густафсон, хотя ежегодно и уничтожают миллионы гектаров отдаленной тайги, но не угрожают населенным пунктам или даже экспорту древесины.

Внешние факторы сказываются на России относительно более сильно в силу неразвитости защитных функций ее институтов. Это Густафсон также показывает путем сравнения с США, которые имеют серьезные преимущества перед Россией благодаря своей способности адаптироваться к внешним шокам, в частности, с помощью финансового сектора. Последний в Соединенных Штатах гораздо более развит, чем в России. Финансовые игроки реагируют на экологические угрозы путем смягчения возможных убытков с помощью таких инвестиционных инструментов, как сертификаты на эмиссию углекислого газа. Как только появится тенденция рынка к падению, финансовые игроки быстро спасут

капиталы своих клиентов⁴. Эти меры реагирования, создавая мощные рыночные сигналы, ускоряют адаптацию энергетического сектора по сравнению с реакцией на обстоятельства с помощью административных мер, применяемых в России. Густафсон уверен: на то, чтобы они сработали, могут потребоваться годы. Вот почему сильная роль государства России в регулировании энергетики сыграет негативную роль – она не позволит рынку инициировать и поддержать быстрые изменения в таких областях, как использование возобновляемых источников генерирования и хранение энергии.

Чем дольше продлится глобальный энергетический переход, тем дольше доходы России от экспорта нефти будут оставаться высокими. Но это лишь продлит сохраняющуюся зависимость России от экспорта углеводородов и задержит ее адаптацию к новым ролям в завтрашней мировой экономике.

Энергетический переход

Общеизвестные факты изменения климата, по убеждению Густафсона, сигнализируют о приближающемся конце ископаемого топлива как основы нашей цивилизации. Однако исчерпание невозпроизводимых энергоресурсов не наступит ни при этом поколении, ни при следующем. Мы едва приблизились к началу перехода к возобновляемым источникам энергии. Но эра ископаемого топлива подходит к концу. Два ключевых урока прошлого заключаются в том, что переход от одного вида энергетики к другому занимает много десятилетий; и что старое и новое сосуществуют в течение длительного времени, пока переход не будет окончательно завершен. И все же следует учитывать, что современные темпы радикально отличаются от прошлых: переход на электромобили и возобновляемые источники энергии происходит намного быстрее, чем, например, от конной тяги к энергии пара.

⁴Густафсон полагает, что игроки финансовых рынков, действуя как спекулянты, обеспечат финансовую стабильность, необходимую для гибкого реагирования энергетиков на требования рынка. Вопросы системной безопасности энергосистем предположительно будут решены сами собой. В этом можно усомниться, вспомнив блэкауты (аварии на сетях электроснабжения), в результате которых крупные города, как, например, Нью-Йорк, лишались света.

Влияние новых технологий является двусторонним: с одной стороны, они стали причиной революций в области нефте- и газодобычи – сначала появился сланцевый газ, а затем трудноизвлекаемая нефть, что снизило затраты и увеличило добычу углеводородов; это задерживало переход. С другой стороны, технологические изменения способствуют устойчивому и резкому снижению стоимости возобновляемых источников энергии, так что новые солнечные и ветровые генераторы во многих местах в настоящее время уже являются источниками более дешевой электроэнергии, чем существующие электростанции, использующие ископаемое топливо; это ускоряет переход.

Скорость энергетического перехода сильно зависит от инерции имеющихся энергетических систем, лучшим символом чего являются арьергардные действия, осуществляемые с использованием такого традиционного топлива, как уголь. Хорошую иллюстрацию дает Китай: уголь там по-прежнему остается ведущим источником энергии. Китайская угольная промышленность глубоко укоренилась в экономике целых провинций, которые зависят от нее в плане занятости. Китай сегодня продолжает строить угольные электростанции, и он в этом не одинок. Пройдет много времени, прежде чем уголь будет вытеснен из мировой энергетической системы, хотя некоторые исследования показывают, что спрос на уголь может достичь пика уже в 2022 г.

Безусловно, скорость энергоперехода имеет решающее значение. Но она окружена множеством неопределенностей, большинство из которых, как утверждает Густафсон, находятся вне контроля России. То, что сделает или не сделает Россия, слабо повлияет на ход энергетического перехода в остальном мире. И наоборот, происходящий в мире энергетический переход влияет на Россию сильно.

Последствия энергоперехода для России будут проявляться в два этапа. На первом из них, примерно до начала 2030-х гг., мировой спрос на энергоносители, в том числе на углеводороды, продолжит рост, и российский экспорт энергоносителей останется высоким. Цены на нефть могут даже вырасти по сравнению с их нынешними уровнями, и время от времени будут наблюдаться скачки цен, подобно тому, как это происходило в прошлом. Экспорт российского газа и угля также будет расти. У России будет десятилетие передышки, в течение которого

ее базовая промышленная и политическая модель, основанная на экспорте энергоносителей, будет оставаться жизнеспособной.

Густафсон полагает, что в начале 2030-х гг. начнется второй этап. Когда во всем мире ускорится энергетический переход к «зеленым» технологиям, доходы России от экспорта нефти, газа и угля начнут резко сокращаться, что окажет соответствующее давление на экономику, общество и государство. Доходы России от других источников, таких как сельское хозяйство, не смогут компенсировать этот шок. С этого момента внешние и внутренние воздействия изменения климата на Россию будут только усиливаться.

Временной горизонт для прогнозирования в книге ограничен 2050 г. Этот период человечество проживет быстро. Что мы увидим в его конце? При сохранении нынешних тенденций, несмотря на множество политических обещаний, мир не достигнет своих целевых показателей по выбросам парниковых газов. Вместо продекларированной «нулевой углеродной эмиссии» к 2050 г. ежегодные выбросы CO_2 вырастут с сегодняшних 35 млрд т до более чем 50 млрд. Планета нагреется не на 1,5 или 2 градуса Цельсия, как это произошло от начала промышленной революции до настоящего времени, а, возможно, на 3–5 градусов, особенно сильно – в северных широтах, где расположена большая часть России. В таком мире изменение климата и все более отчаянное реагирование на него станут доминирующими проблемами, превосходящими своей значимостью все остальные. Густафсон осторожно оценивает темпы и даты достижения спросом на углеводороды своего пика, но он уверен, что этот момент наступит, скорее всего, в 2030-х гг.

Российская политика в отношении климатических изменений

Хотя российские климатологи начали привлекать внимание к опасностям глобального потепления более сорока лет назад, только последние пять лет климатическая повестка стала возникать на официальном уровне. Министерства и компании формируют климатические группы и публикуют документы с изложением природоохранных позиций. Политики и бизнес-лидеры начали говорить о климате во все более частых и интенсивных дебатах.

Густафсон идентифицировал несколько групп политических и общественных деятелей современной России, участвующих в климатической повестке.

- Ученые-климатологи, научные институты и некоторые специализированные государственные учреждения, такие как Росгидромет, который входит в состав Министерства природных ресурсов. Эти люди продолжают бить тревогу посредством регулярных исследований и комментариев в СМИ.

- Правительственные органы, которые отвечают за управление внешней дипломатией и связям с общественностью в отношении изменения климата. Несколько министерств, в частности Министерство экономического развития и Министерство энергетики, стали сторонниками более активной политики в области климата. Таким образом, изменение климата уже институционализировалось в российском правительстве.

- Компании, которые либо публично котируются на иностранных биржах, либо имеют значительные активы за пределами России. Они сталкиваются с растущими внешними угрозами для своего бизнеса, начиная от перспективы введения налогов на экспорт углерода в Европе и заканчивая давлением со стороны все более активных иностранных инвесторов и регулирующих органов, что повышает опасность исключения из списков на иностранных биржах или распродажи их акций. Многие российские компании в настоящее время регулярно публикуют заявления об устойчивом развитии на своих веб-сайтах и предпринимают определенные меры по продвижению экологически чистых технологий и принимают природоохранные меры («Газпром» и «Новатэк» пропагандируют экологически чистые преимущества природного газа; «Газпром» говорит о зеленом водороде; «Роснефть» сажает деревья).

- Четвертая группа, которую можно назвать консерваторами, выступает против любой политики, связанной с климатом, которая может ограничить их свободу действий или налагать обременительные требования к отчетности. Это смешанная группа, куда входят разные деятели, начиная с тех, кто все еще отрицает реальность изменения климата, и заканчивая теми, кто отрицает, что оно имеет негативные последствия для России, как внутри страны, так и за ее пределами.

Как обстоит дело с общественным мнением? Опросы показывают, что общественность по-прежнему с недоверием воспринимает вести об изменении климата, несмотря на усилия различных неправительственных групп по ее освещению. Региональные лидеры в Арктике регулярно озвучивают предупреждения о последствиях таяния вечной мерзлоты, но их голоса остаются не услышанными на национальном уровне. До сих пор нет широкого общественного давления на правительство с целью принятия более активной политики адаптации к изменению климата внутри страны. Позиция консерваторов сильна, но ей противостоит постепенно нарастающее давление со стороны нового поколения министров в возрасте около сорока лет, которые озабочены изменением климата, особенно в Арктике.

На президентском уровне проблеме пока не придается должного значения. Об этом Густафсон судит прежде всего на основании того факта, что советником президента по климату назначен бывший премьер-министр Чечни Руслан Эдельгериев. Кроме того, Эдельгериев привнес на свою новую работу опыт деятельности в правоохранительных органах и сельском хозяйстве Чеченской Республики, но не в вопросах климата, и он не имел опыта работы на национальной арене. Главная квалификация Эдельгериева, по мнению Густафсона, заключалась в том, что он был протеже Рамзана Кадырова, любимого регионального союзника Путина. Его назначение вряд ли предполагало, что проблема климата занимает значимое место среди государственных приоритетов.

Взгляды самого Президента Путина со временем эволюционировали в сторону большего признания реальности изменения климата, но он отвергает любые серьезные краткосрочные последствия для России. Его истинное отношение к проблеме трудно отследить, потому что он говорит об изменении климата на двух разных языках: перед международной аудиторией, где он едва ли может избежать этой темы, и перед домашней, где он почти никогда не упоминает об этом, разве что иногда вмешивается в конкретные экологические эпизоды, такие как разливы рек, пожары или вывоз мусора. Только в конце апреля 2021 г. в своем ежегодном «Послании Федеральному собранию» Путин, наконец, призвал Россию энергично отреагировать на угрозу изменения климата, хотя пока без конкретных мер.

Ждать ли заката российской нефти?

Чтобы понять, насколько разных взглядов на роль нефти в энергетике будущего придерживаются российские нефтяники и их зарубежные коллеги, Густафсон предлагает сравнить позиции глав «Роснефти» и British Petroleum (BP). Взгляды Игоря Сечина на нефть и изменение климата крайне консервативны и в целом совпадают с позицией В.В. Путина. Мировой спрос на нефть, утверждает Сечин, будет оставаться стабильным в течение длительного времени; даже несмотря на то, что доля нефти в спросе на первичную энергию может снизиться, абсолютное потребление нефти увеличится на 10% к 2040-м гг. и на 20% в Азии, особенно в Индии, за счет роста населения и повышения уровня жизни. Принудительная «экологизация» энергетики, предупреждает Сечин, дорого обойдется миру. При новом генеральном директоре Бернарде Луни BP решительно придерживается противоположной концепции «быстрого перехода» в энергетике и основывает свою долгосрочную стратегию на радикальном отказе от углеводородов в пользу возобновляемых источников энергии.

Западные энергетические корпорации и большинство консалтинговых компаний пришли к общему мнению: спрос на нефть после сильного роста в течение следующих двух десятилетий достигнет пика в 2030-х или начале 2040-х гг., а затем начнется длительный, но медленный спад. Спрос и добыча нефти к 2030 г. могут вырасти до 114–117 млн барр./ день (мбд) по сравнению примерно с 98 мбд в 2019 г., что приведет к чистому увеличению почти на 20 мбд. Транспорт больше не будет главной движущей силой роста отрасли. Как BP, так и ExxonMobil прогнозируют, что на химический сектор придется около половины чистого роста мирового спроса на нефть. В будущем спрос сконцентрируется в производствах пластмасс.

Тем не менее нефть и газ, вместе взятые, по-прежнему будут составлять около половины общего спроса на энергию к середине столетия. Возобновляемые источники энергии значительно увеличатся, но их доля в мировом спросе по-прежнему будет составлять в лучшем случае всего 15%. Главным победителем станет газ; к 2050 г. его доля либо превзойдет долю нефти, либо приблизится к ней. Главным проигравшим, по общему мнению, будет уголь.

В дискуссии о будущем нефти изменение климата является лишь одним из множества факторов. В Азии противодействие ископаемому топливу обусловлено в первую очередь озабоченностью по поводу загрязнения среды и его воздействия на здоровье населения, а не выбросами CO₂ или риском изменения климата. Однако в Европе беспокойство из-за изменения климата все чаще становится сильнейшей движущей силой энергетики, что приводит к ужесточению государственной политики в области декарбонизации. В США ведущие штаты, такие как Калифорния, также способствовали декарбонизации, а федеральное правительство уступило этим требованиям при Трампе. Но ключевым изменением оказалось отношение финансового сообщества. Изменение климата стало частью совокупности причин, называемых ESG – экологическими, социальными и управленческими.

Пандемия внесла свои усугубляющие коррективы. Изменения в привычках работы могут привести к снижению потребления нефти в транспортном секторе, который сегодня является ее крупнейшим пользователем. Последние сценарии нефтяных компаний, особенно в Европе, гласят, что пик спроса на нефть наступит раньше. По данным BP, пик спроса на нефть, возможно, уже наступил. Однако в мире нефть (предположительно) находится в постоянном избытке. Китай больше не будет подталкивать рынок вверх; его рост замедляется. Саудовская Аравия располагает незарегистрированными избыточными мощностями и не может позволить себе надолго сокращать добычу.

Что означает «пиковый спрос на нефть» для России? В 2019 г., последнем «нормальном» году перед пандемией, доходы от экспорта нефти в размере около 188 млрд долл. составили 44% всего российского экспорта, с большим отрывом, на 15%, превысив другие виды экспорта. Вместе с экспортом газа, который в том же году принес дополнительно 49,5 млрд долл., экспорт углеводородов составил 237,8 млрд долл., или 56% экспортных доходов России. Доходы от нефти и газа (включая небольшую долю внутренних налогов) составили 39% федерального бюджета. Эти цифры очень чувствительны к мировым ценам. Скатывание с горки пикового спроса на нефть приведет к потере углеводородных доходов и упадку российской экономики.

Начало изменения климата приходится на то время, когда российская нефтяная промышленность переживает конец долгой

западносибирской эры. До сих пор не было обнаружено никаких новых крупных нефтяных провинций, которые могли бы заместить выбывающие, и не было никаких фундаментальных технологических прорывов, подобных вовлечению нетрадиционной трудноизвлекаемой нефти, которые изменили бы картину. Шельфовая нефть из Арктики слишком затратна для инвестиций по нынешним ценам, и в любом случае российской промышленности не хватает технологий для ее разведки и разработки. Большая часть иностранных технологий, которые могли бы использоваться на арктическом шельфе, в настоящее время находится под западными санкциями, конца которым не видно. По крайней мере, в течение следующих двух десятилетий у нефтяной промышленности не будет иного выбора, кроме как активизировать свои усилия в Западной Сибири, делая все возможное, чтобы сдержать спад. Но не приходится сомневаться, что к середине века Западная Сибирь будет быстро угасать.

Эти проблемы осознаны на политическом уровне. «Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 г.» – это сигнал тревоги от Министерства энергетики. В частности, там принята концепция «глобального пикового спроса на нефть», прогнозируется, что рост спроса на нефть замедлится после 2025 г. и достигнет пика до 2030 г., отчасти из-за распространения возобновляемых источников энергии, но также из-за повышения эффективности потребления нефти в мире. В результате Россия столкнется в будущем с гораздо более сложными условиями для экспорта. Хуже того, по данным министерства, добыча нефти в России находится под острой угрозой снижения. Существуют две основные проблемы: низкий уровень финансирования геологоразведочных работ и неадекватные технологии, частично являющиеся следствием санкций, а также давней сильной зависимости нефтяной отрасли от импортного оборудования и услуг. Если эти проблемы не будут решены, добыча нефти может снизиться с нынешнего уровня в 560 млн т (11 мбд) до 490 млн т (9,8 мбд) к 2035 г.

Положение усугубляется финансовыми проблемами. Осенью 2019 г. провели ревизию более 700 месторождений, на которые приходится свыше 90% известных доказанных и вероятных запасов России. Результаты подтвердили тревожные сигналы Министерства энергетики: треть запасов, большая часть которых

находилась в Западной Сибири, было бы невыгодно разрабатывать без дальнейших налоговых льгот и субсидий. Без них добыча нефти в России могла бы упасть на целых 40%, до 340 млн т в год.

Если учесть, что после прохождения пика нефтяного спроса мировые цены на нефть начнут падать (известно также, что по мере снижения цен на нефть доля государства в выручке снижается), то падающая рентабельность российской нефтедобычи означает, что государственный бюджет России получит пробоину ниже ватерлинии. Густафсон предлагает следующий мысленный эксперимент. Давайте предположим, что добыча нефти в России к 2050 г. снизится до 450 млн т, или 9 млн барр./день. Предположим далее, что Россия продолжит экспортировать около 70% своей добычи нефти; при мировой цене 30 долл. /барр., это даст около 75 млрд долл., что составляет около 40% от того, что Россия зарабатывает сегодня. Из этой суммы, если доля государства снизится до одной трети, у него останется около 25 млрд долл., в три раза меньше, чем сейчас. Что это, как не катастрофа?

Природный газ как альтернатива нефти

За пятнадцать лет правления В. Путина Россия подняла добычу и транспорт газа на новый уровень. Следовательно, Россия останется обеспеченной газом в изобилии до середины века и далее. Изменение климата не окажет заметного влияния на предложение, хотя таяние вечной мерзлоты приведет к увеличению затрат. Основная неопределенность заключается в том, какая часть мощности газодобычи будет фактически использована.

Российский газ, в отличие от нефти, в основном потребляется внутри страны. В 2019 г. только 30% от общего объема экспортировалось. Сегодня большая часть отечественного газа продается на внутреннем рынке по ценам значительно ниже мировых. Это основная часть ренты, которую Кремль передает населению в рамках неявного социального контракта, чтобы заручиться его поддержкой, и это, вероятно, останется в силе в обозримом будущем. Промышленность также извлекает выгоду из дешевого газа, и у нее мало стимулов для модернизации неэффективных производственных процессов, потребляющих газ. Вряд ли будет преувеличением сказать, что вся политическая и экономическая система РФ построена вокруг дешевого газа.

Российской промышленности сегодня не хватает капитала для повышения энергоэффективности. В жилом секторе дело обстоит примерно так же. Исключением является сам энергетический сектор, где новые газовые электростанции постепенно заменяют мощности советской эпохи. В обозримом будущем Россия останется преимущественно газовой экономикой, которая потребляет газ в избытке. Низкая внутренняя цена на газ дает ему огромное преимущество, и любое значительное замещение газа возобновляемыми источниками энергии крайне маловероятно.

Внутренний рынок газа близок к насыщению. Большая часть новых поставок российского газа будет доступна для экспорта. Но будет ли на него спрос? Каковы перспективы мирового рынка газа и как на него повлияют изменение климата и энергетический переход?

Практически все эксперты сходятся во мнении, что следующие тридцать лет станут временем рекордно высокого роста спроса на природный газ. Газ, на который в настоящее время приходится около четверти мирового спроса на энергию, в 2020-х гг. обгонит уголь, а к 2040-м гг. – нефть. С этой точки зрения, к середине века газ и нефть станут двумя ведущими источниками энергии в мире. Доля нефти будет снижаться, но доля газа все равно будет расти. В абсолютном выражении мировой годовой спрос на природный газ к 2050 г. может почти удвоиться.

Что может стать причиной торможения роста мирового спроса на газ? В Азии уголь может выжить или даже процветать в качестве серьезного конкурента газу еще полтора-два десятка лет. В Европе потребление газа может быть сдержано замедлением экономического роста и сохраняющейся зависимостью от угля в некоторых странах. Последние прогнозы мирового спроса на газ стали заметно более осторожными. Например, BP еще в 2019 г. прогнозировала, что спрос продолжит сильно расти в 2040-х гг., но сейчас считает, что он может достичь пика к 2030 г., к 2050 г. он может вернуться к сегодняшнему уровню, а затем быстро снизиться.

Торможение роста продаж природного газа может наступить из-за конкуренции со стороны сжиженного природного газа (СПГ). Ожидается, что мощности по производству СПГ почти удвоятся – примерно с 365 млн т в год в 2019 г. до более чем

700 млн т к началу 2040-х гг. Сюрпризом для мирового рынка стал «сланцевый шторм», резко превративший Соединенные Штаты из импортера газа в экспортера, главным образом за счет СПГ. Вместе с другими экспортерами СПГ, такими как Катар и Австралия, США нацелились на традиционное доминирование трубопроводного газа в Европе, угрожая признанным экспортерам, особенно России.

Изменение климата сыграет для рынка газа двоякую роль. Большая часть развивающегося мира рассматривает изменение климата как меньшую проблему, чем загрязнение окружающей среды. Природный газ по-прежнему считается «полезным топливом», поскольку он чище угля; поэтому опасения по поводу качества воздуха будут способствовать дальнейшему увеличению спроса на газ, особенно в Азии. В Европе же газ утратил ауру чистого топлива, и ведется поиск альтернатив в русле политики декарбонизации.

Препятствием для продвижения газа в развивающийся мир будет высокая стоимость его доставки по сравнению с углем, а также отсутствие или неразвитость инфраструктуры распределения; следовательно, для вытеснения угля газом требуется решительный политический толчок. Политические элиты не имеют единого мнения: все согласны с вредными последствиями загрязнения от угля, но обеспокоены социальными и политическими последствиями прекращения его добычи. В частности, в Китае политика не раз менялась от одной стратегии к другой. Тем не менее Густафсон уверен: уголь будет побежден, и после 2030 г. единственным оставшимся конкурентом природному газу будут возобновляемые источники энергии

Как эти глобальные тенденции влияют на перспективы экспорта российского газа? Благодаря инвестициям в новые западно-сибирские газопроводы и экспортные трубопроводы Россия является поставщиком самого дешевого газа в Европу, и это, вероятно, сохранится в обозримом будущем. Однако у России нет аналогичных преимуществ в трубопроводном экспорте в Китай. Как его восточно-сибирские месторождения, так и новый трубопровод «Сила Сибири» оказались очень дорогостоящими, и любые аналоги, скорее всего, также будут дорогими. Прибыль от экспорта трубопроводной продукции в Китай до сих пор была разочаровывающей.

Транспортные расходы станут основной проблемой для российского СПГ. Большая часть затрат на поставку СПГ приходится на переработку и транспортировку. Основной российский центр производства СПГ, полуостров Ямал, находится примерно на равном расстоянии от европейского и азиатского рынков; таким образом, он может развиваться в обоих направлениях. Главное препятствие находится на востоке, поскольку российские танкеры должны пересечь скованный льдом Северный Ледовитый океан по Северному морскому пути, чтобы добраться до Азии. Поскольку лед продолжает таять, поставки российского СПГ в северный и центральный Китай должны стать конкурентоспособными, но в более отдаленные пункты назначения могут оказаться затруднительными.

На европейском рынке к концу 2030-х гг. битва с углем будет выиграна. Мощности энергетики, работающие на угле, снизятся примерно со 180 ГВт сегодня до менее чем 50 ГВт в 2040 г. Ликвидация угля может замедлиться из-за низких цен на него и политического сопротивления со стороны интересов, связанных с углем, но в долгосрочной перспективе исчезновение угля из большей части Европы неизбежно. По мере того, как уголь будет побежден, газ займет свое место в качестве главной цели экологической оппозиции, и после 2030 г. поле битвы сместится в соревнование между газом и возобновляемыми источниками энергии. Поскольку стоимость солнечной энергии и энергии ветра продолжит падать, газ в энергетической системе будет все больше ограничиваться функцией «пикового покрытия» – выработкой электроэнергии в режиме ожидания, когда не хватает солнца и ветра. Но эта функция тоже исчезнет, поскольку прогресс в технологии аккумуляторных батарей и более сложное управление спросом сделают хранение возобновляемой энергии более экономичным, чем даже самые эффективные газовые электростанции. К середине века спрос на газ в энергетическом секторе уменьшится.

За пределами энергетического сектора спрос на газ будет снижаться медленнее. В целом, Европа по-прежнему будет нуждаться в импортном газе, и Россия будет иметь хорошие возможности для его поставок. Но после относительно благоприятного десятилетия в 2020-х гг. экспортерам газа в Европу придется бороться за свою долю на сокращающемся рынке. Есть

ирония в том факте, что Россия, вложившая огромные средства в разработку газовых месторождений и трубопроводов нового поколения, предназначенных в первую очередь для европейского рынка, теперь сталкивается с перспективой его сокращения. Российские газовые стратеги сталкиваются с радикальной корректировкой, уходя от Европы в сторону Китая и остальной Азии.

Газовая история в Азии будет сильно отличаться от европейской. К середине 2000-х гг. газ стал главным приоритетом китайского правительства. С тех пор газовый сектор Китая быстро развивался. В 2018 г. потребление достигло 280 млрд м³, в основном предназначенных для промышленности и отопления жилых помещений; на электроэнергию приходилось всего 17%. Но, несмотря на быстрый рост, газ в 2018 г. составлял лишь 8% спроса Китая на первичную энергию. Увеличение этой доли является одной из главных энергетических и экологических целей китайского руководства.

Собственные ресурсы газа в Китае незначительны, поэтому в 2006 г. он начал переходить на импорт; его первый терминал сжиженного природного газа был построен в южной провинции Гуандун, поблизости от крупного центра спроса. Затем последовал крупный трубопроводный проект «линия с Запада на Восток», по которому газ из Туркменистана доставлялся на густонаселенное восточное побережье. В 2018 г. Китай импортировал более 90 млн т, что составляет треть его потребления. Из этого количества 60% составлял трубопроводный газ, остальное – СПГ, и доля последнего быстро росла. Газовая политика Китая на протяжении многих лет была непоследовательной и непредсказуемой, приоритеты менялись – от газа к углю и обратно. До тех пор, пока Китай не определит свою ценовую и тарифную политику, проникновение газа в китайскую экономику будет оставаться ограниченным, особенно на северо-востоке страны, где сеть трубопроводов все еще не развита.

Потенциал рынка огромен. Ожидается, что Китай увеличит потребление газа с 300 млрд м³ в год до более чем 500 млрд м³ в 2030 г. Но российский газ, поставляемый в Китай, столкнется с растущей конкуренцией со стороны всех источников. К туркменскому газу (импорт которого в Китай достиг 33 млрд м³ в 2018 г.) в 2017 г. присоединился газ из Казахстана, и ожидается, что объемы, поступающие из Центральной Азии, будут расти,

поскольку этот газ разрабатывается с участием китайских компаний, поставляющих кредиты, материалы и рабочую силу. Российские стратеги пессимистично настроены в отношении того, что российский газ сможет конкурировать с центральноазиатским, особенно учитывая, что бороться придется и с конкуренцией со стороны китайского угля. Так получилось, что большая часть недавнего роста спроса на уголь в Китае была сосредоточена в северных регионах Китая, через которые должны проходить российские трубопроводы. Российский трубопроводный газ также сталкивается с конкуренцией со стороны СПГ, в том числе собственного производства.

Другие экспортные рынки манят, но Россия еще далека от того, чтобы воспользоваться ими. Индия – яркий пример. Угольная промышленность Индии и ее энергетический парк, работающий на угле, постоянно приносят убытки, из-за низкого качества индийского угля и плохого состояния железных дорог. В результате даже новые угольные электростанции простаивают половину времени. У Индии амбициозные планы по внедрению СПГ, и она уже является четвертым по величине покупателем СПГ в мире, но ей не хватает мощностей для регазификации, а ее газотранспортная система протяженностью всего 17 тыс. км в 2020 г. крайне недостаточна для распределения по всей стране. Но важно отметить, что российский СПГ на сегодняшний день практически не играет в Индии никакой роли, если не считать доставки случайных грузов компанией «Газпром экспорт».

Российские энергетические стратеги уделяют все большее внимание потенциалу продуктов, которые производятся с использованием газа и затем могут быть экспортированы, таких как удобрения и химикаты. Десять лет назад перспективы казались особенно радужными в области полимеров, основного сырья для пластмасс и пленок. Нефтехимическая промышленность запланировала строительство шести крупных кластеров для удвоения производства полимеров к 2030 г. с целью достижения европейского уровня внутреннего потребления на душу населения, а также увеличения экспорта. Однако последующие события вынудили сократить производство. Сначала экономический спад в России привел к сокращению внутреннего потребления полимерной продукции. Затем быстрое наращивание производства полимеров в Китае вытеснило российский экспорт не только

в Китай, но и в Европу. По оценкам российских аналитиков, если планы России в области газохимии будут реализованы, они могут приносить до 7–8 млрд долл. дополнительной экспортной выручки в год. Однако критики жалуются на нехватку капитала и плохую координацию, и перспективы в настоящее время неопределенны. Таким образом, Россия не может ожидать спасения от газохимии.

Все эти факторы в совокупности создают пессимистичные долгосрочные перспективы для российского газа. Снижение объемов экспорта к середине века в сочетании с более низкими мировыми ценами на газ означает, что будущие доходы России от газа не приведут к замещению доходов от нефти. Таким образом, газ на некоторое время может помочь, но он не станет панацеей.

Двойственная роль российского угля

Уголь является одним из главных источников парниковых газов в мире. В 2019 г. из общего объема 34,17 Гт эмиссии CO₂ уголь «отвечает» за 45%, тогда как еще в 1990 г. его доля была 40,5%. В абсолютных объемах прирост ежегодного загрязнения от использования угля составил 12,7 Гт, или чудовищные +62% за 30 лет. Тем не менее многие годы уголь продолжает обеспечивать топливом почти 40% мирового производства электроэнергии.

За последние тридцать лет на возрождение и модернизацию в угольную промышленность затрачены огромные суммы. Угольный сектор больше, чем любой другой, высвечивает противоречия в энергетической политике России. Угольное лобби активно сопротивляется проблематике изменения климата, выступает против мер по борьбе с потеплением и по-прежнему сосредоточено на увеличении добычи угля, в первую очередь на экспорт. Российский уголь, действительно, был одной из движущих сил успеха путинской эпохи благодаря переориентации с внутреннего рынка на внешний. По сравнению с внутренним потреблением, которое оставалось на прежнем уровне, экспорт российского угля стремительно рос.

Но если рассмотреть его роль в широкой перспективе, можно увидеть, что уголь занимает только пятое место в доходах от российского экспорта. В 2019 г. (последний «нормальный» год перед атакой COVID-19) экспорт угля дал только 4% от совокупного

экспорта по сравнению с 44% от нефти и нефтепродуктов и примерно 12% от природного газа и СПГ. Эпоха угля стремительно уходит. В ближайшие десятилетия, по мере ускорения изменения климата, уголь постепенно переместится на вторые роли в мировом топливном балансе или вообще будет вытеснен из-за растущего глобального противодействия загрязнению и выбросам CO₂, а также быстро улучшающейся экономики возобновляемых источников энергии. Таким образом, в ближайшие десятилетия Россия столкнется с сокращением рынка. Цены на уголь, скорее всего, также снизятся. Долгосрочные перспективы российских доходов от экспорта угля довольно мрачны. Не лучше обстоит дело и на внутреннем рынке. Основным конкурентом угля в России является природный газ, который и дешевле, и доступнее. В ближайшие годы внутренний рынок угля сократится до регионов, наиболее близких к центрам добычи, в основном это южная Сибирь и Дальний Восток. В лучшем случае уголь останется региональным топливом с уменьшающейся долей в общем топливном балансе.

Густафсон обсудил положение России на европейском и азиатском рынках. Европейский рынок российского угля не продержится намного дольше следующего десятилетия, поскольку доля возобновляемых источников энергии неуклонно растет, как и политическая оппозиция углю. В Германии, согласно недавно принятому правительством плану, последняя электростанция, работающая на угле, будет выведена из эксплуатации в 2038 г.

Если в будущем и могло бы произойти расширение рынка сбыта российского угля, то только в Азии. Однако Азиатско-Тихоокеанский регион покрывает большую часть своего потребления угля за счет собственного производства и активного импорта из Индонезии и Австралии. Последние гораздо ближе, чем Россия, которая проигрывает конкуренцию, в первую очередь из-за огромных транспортных расстояний и ограниченной пропускной способности железных дорог. Таким образом, рынок Азиатско-Тихоокеанского региона, скорее всего, не окажется золотым дном.

Вывод, к которому приходит Густафсон, таков: российская угольная стратегия должна пройти два этапа: на первом России предстоит адаптировать свои производственные и транспортные системы к переходу из Европы в Азию; на втором – Россия должна снизить свои издержки, чтобы сохранить долю рынка

на сокращающемся рынке. Самая большая проблема возникнет в середине века, когда из-за изменения климата российский экспортный рынок угля в значительной степени исчезнет.

Густафсон отмечает, что адаптация угольной энергетики к требованиям углеродной нейтральности, происходящая повсюду в мире, в России даже не начиналась. В отличие от Японии и Китая, в РФ не добились никакого прогресса в области «чистого угля», и практически не используются сверхкритические технологии. Государственные расходы на угольную отрасль ничтожны по сравнению с огромным финансированием нефтяной и газовой промышленности. В 2015 г. обзор энергетических субсидий во всем мире, проведенный странами G20, показал, что в российские нефтегазовые компании и проекты вложено в среднем 22,8 млрд долл. национальных субсидий, в то время как угольная промышленность получала всего 43 млн долл. На самом деле она получает больше этого, но основная часть государственного финансирования состоит из помощи в покрытии затрат на закрытие шахт, поддержки заброшенных шахтерских городов и переселения шахтеров.

Литература/References

Густафсон Т. Колесо фортуны. Битва за нефть и власть в России. М.: Альпина Паблишерс. 2017. 599 с.

Gustafson, T. (2017). *Wheel of Fortune: The Battle for Oil and Power in Russia*. Cambridge, Massachusetts. London, England. 599 p.

Gustafson, T. (2020). *The Bridge. Natural Gas in a Redivided Europe*. Cambridge, Massachusetts. London, England.. 506 p.

Gustafson, T. (2021). *Klimat. Russia in the age of climate change*. Harvard University Press. 336 p.

Статья поступила 09.02.2022

Статья принята к публикации 21.02.2022

Для цитирования: Бухаров С. В. КЛИМАТ: что ждет энергетику и экономику России к середине XXI века (о новой книге Т. Густафсона. Часть 1) // ЭКО. 2022. № 3. С. 153–177. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-3-153-177

For citation: Bukharov, S.V. (2022). KLIMAT: What awaits Russia's energy industry and economy by the mid-21st century (on the New Book by T. Gustafson. Part 1). *ECO*. No. 3. Pp. 153–177. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-3-153-177

Summary

Bukharov, S.V., Independent Researcher

KLIMAT: What awaits Russia's energy industry and economy by the mid-21st century (on the New Book by T. Gustafson. Part 1)

Abstract. The central issue of the discussed book is the impact of planetary climate change on the development prospects of the Russian energy sector and its economy as a whole. The key factor in the geopolitical and economic process is the energy transition from fossil fuels to renewable and «green» sources - solar, wind, and nuclear energy. In the Russian climate, the coming changes will be more noticeable than in other countries of the world, and Russia will be the loser, not the winner, as mostly said in the Russian media. Gustafson shows: the Russian position on the global fossil fuel markets, strong under the current conditions, in the next decade will be preserved and even strengthened (mainly due to the development of natural and liquefied gas), but after 2030 it will start to weaken, and by 2050 it will be lost. The coal industry will suffer the most, it will be displaced by alternative sources, but gas, which for some time will continue to play the role of an energy substitute for oil, will still be gone, and Russia will be in a very vulnerable position, since it will lose its income in world markets - it will have nothing to offer its traditional partners. New partners, the countries of Southeast Asia, especially China, will absorb Russian exports for some time, but they will soon leave them too. After 2040 an accelerated degradation of basic industries of the Russian economy will begin, and new ones will not be created due to resource limitations. Gustafson draws attention to the neglect of climate issues in Russian politics, pointing out that it is dangerous for the country's future.

Keywords: *energy transition; export of energy and raw materials; carbon footprint; renewable energy sources; warming in Siberia; Northern Sea Route; energy infrastructure*

Борис Павлович Орлов: Учитель и Ученый

В 2022 г. 21 марта исполняется 100 лет со дня рождения профессора, доктора экономических наук Бориса Павловича Орлова, внёсшего огромный вклад в развитие экономических исследований в Сибири и стране в целом, в формирование Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР и экономического факультета Новосибирского государственного университета. Борис Павлович был крупным специалистом в области теории и методологии планирования, экономической истории, экономики транспорта, региональной и ресурсной экономики. Его учениками считают себя многие выпускники университета, известные экономисты и историки. Его имя носит одна из аудиторий нового корпуса НГУ.

Борис Павлович Орлов – участник Великой Отечественной войны, кавалер боевых наград. После демобилизации он поступил в аспирантуру Московского государственного экономического института (ныне Финансово-экономическая академия им. Г.В. Плеханова), которую закончил защитой кандидатской диссертации.

В 1962 г. Борис Павлович приехал с семьей в новосибирский Академгородок и возглавил сектор уровня жизни населения Сибири в ИЭиОПП СО АН. В 1964 г. защитил докторскую диссертацию по истории развития железнодорожного транспорта СССР и стал заместителем директора института по науке. Б. П. Орлов был активным сторонником развития количественных методов экономического анализа, способствовал становлению исследований по экономико-математическому моделированию, а экономическая история СССР стала для него предметом всей научной и научно-педагогической деятельности. В 1950-е годы Б. П. Орлов был преподавателем политической экономии у будущих организаторов экономико-математических исследований в Сибири, среди которых были два первых директора ИЭиОПП СО РАН – академики А. Г. Аганбегян и А. Г. Гранберг. Был первым деканом экономического факультета НГУ с 1967 г. по 1972 г.

Б. П. Орлов много лет был редактором журнала «Известия СО АН СССР» (серия общественных наук), а также одним из основателей, заместителем главного редактора журнала «ЭКО». Яркая образная речь, оригинальные идеи, доступность изложения, мягкая ирония и ненавязчивый демократизм позволяли ему одинаково легко общаться с крупными учеными, руководителями высокого ранга, аспирантами и студентами.

Научная, редакторская и преподавательская деятельность Бориса Павловича пришлась на непростой период, когда существовало множество ограничений и запретов при обсуждении развития экономики нашей страны и ее истории. В области теории ученые-экономисты не могли выходить за рамки установленных догматических положений, а в части анализа были обязаны пользоваться сомнительными статистическими данными. Но и в этих условиях он умудрялся давать максимально объективную трактовку событий. Правда, после каждой лекции по экономической истории СССР тщательно стирал с доски написанное. Несмотря на неоднократные просьбы студентов, он так и не издал эти лекции.

Кроме публичных лекций огромную роль в передаче знаний имели частные беседы с учениками, в которых Борис Павлович рассказывал о многих известных ему фактах из экономической и политической истории России. Надо сказать, что такое «образование на дому» было изначально в традициях Сибирского отделения АН СССР.

Одной из коренных проблем советской экономики он считал «чрезмерный оптимизм» – как приукрашивание возможностей в случае принятия планов, так и лакировку действительности при описании результатов. А это вело к обострению диспропорции в народном хозяйстве, к неэффективному использованию ресурсов.

В 1970–1980-е годы в системе общества «Знание» весьма широко практиковались лекции по популяризации науки в различных трудовых коллективах. Б. П. Орлов был востребованным лектором и со своими лекциями побывал в самых труднодоступных уголках Советского Союза, выступал перед авиаторами Тюмени, рыбаками Камчатки и Дальнего Востока, побывал на всех крупных объектах Сибири: в городах Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, в Братске, на стройках Канско-Ачинского

топливно-энергетического комплекса. Но одно из его выступлений, в котором он говорил об экономических проблемах СССР, послужило поводом для снятия его с должности декана экономического факультета.

Отличительной особенностью школы Б. П. Орлова в развитии методологии региональных исследований является опора на ретроспективный анализ фактической динамики социально-экономических процессов и эволюции структурных сдвигов в экономике регионов под воздействием экономических и политических решений государства. В качестве меры эффективности управленческих решений в районах нового хозяйственного освоения Борис Павлович предлагал использовать количественные оценки экономических и социальных потерь вследствие проявившейся диспропорциональной структуры хозяйства.

Для многих он был настоящим учителем. Любимый декан и преподаватель. Его знали, уважали и почитали не только студенты экономического факультета. Он знал в лицо, по имени и фамилии, наверное, почти всех студентов (и даже их детей), относился к ним с отеческой теплотой и неизменной доброжелательностью. При этом сохранял должную для декана требовательность и принципиальность. Он высоко ценил в студентах стремление к знаниям, в коллегах – профессионализм и эрудицию.

Редколлегия и редакционный совет журнала «ЭКО».

Использованы материалы *А. Г. Аганбегяна, В. Н. Харитоновой, В. И. Зоркальцева, Ю. П. Воронова.*

«Он учил нас думать»

*Красильников С. А., доктор исторических наук,
Институт истории СО РАН, Новосибирск*

Мы, вчерашние школьники, попали в НГУ в тот период, когда гуманитарный факультет еще включал в себя, помимо историков, филологов и матлингвистов, также и экономистов. Цивилизованный развод произойдет в 1967 г., когда экономический факультет получит свою законную институциональность.

Естественным было и взаимодействие преподавателей – гуманитариев с экономистами. Это, безусловно, влияло

на формирование нашего гуманитарного образования и, замечу, также и на профессиональные навыки: были достаточно удачные опыты применения ЭВМ в исторических исследованиях.

Но самое мощное и буквально ошеломительное влияние на наши взгляды, безусловно, оказали лекции Бориса Павловича Орлова. Он показал нам высокий стандарт осмысления того потенциала, который содержится в экономической истории нашей страны.

Во-первых, они резко контрастировали с достаточно сухими и вполне стандартными курсами, которые нам читали экономисты (политическая экономия капитализма и социализма). Во-вторых, в лице БП (так мы стали его называть) мы увидели и услышали не только замечательного лектора, но и оригинального исследователя-аналитика.

На нашем 4-м курсе в 1970-м мы слушали спецкурс БП с достаточно сухим названием «Темпы и пропорции экономического развития СССР». В те же месяцы нам вычитывали и политэкономии социализма, отчего контраст в восприятии официальных доктринальных вещей и того, о чем говорил БП, становился еще более очевидным, и даже отчасти шокирующим. Однако буквально сразу мы поняли, что читается фактически альтернативный курс привычным нам по прежним годам обучения дисциплинам истории КПСС и истории СССР.

Сейчас вполне отчетливо понятно, что это время – 1968-й и 1969-й – было «точкой сборки», пусть и недолгой, но достаточной, чтобы для части из нас посмотреть на наш строй, систему, иными глазами. Да, конечно, были и ожидания от «пражской весны» и «социализма с человеческим лицом», споры о границах реформирования и «обновления» строя, и не только в среде экономистов (об О. Шике), но и в среде студентов-историков (семинары отчасти это позволяли в некоторых пределах). БП освобождал свой анализ от идеологии, «приземлял» нас в мир социально-экономической реальности, где спокойно и логически, статистически обоснованно разрушал идеологему «социализма» как прогрессивного, «светлого настоящего и будущего», гармоничного строя с общенародной собственностью, планомерно и пропорционально развивавшегося и т.д.

БП даже немного буднично формулировал ход экономических процессов в нашей стране с позиций причинно-следственных связей, не назидательно, а доказательно. От него и через него мы узнавали о диспропорциях в экономике, о механизмах статистических фальсификаций, о цене некомпетентных директивных решений и многое другое.

Конечно, он не был ниспровергателем строя, он был ниспровергателем легенд и мифов, справедливо считавшим, что для науки и образования – это разрушительные вещи. Мы выходили после его лекций озадаченно погрузневшими, не вполне понимавшими, как поступить и распорядиться этими новыми знаниями.

Интересно, что у меня получилось в случае с БП «войти в реку дважды». Во второй половине 1980-х гг. в уже изменившихся условиях я слушал на курс его лекций, которые он читал для студентов-экономистов. И с удовлетворением отметил для себя, что фундаментально строй и логика построения лекций остались теми же, что и в 1970-м году. Разве что в своих комментариях он мог позволить себе более жесткие оценки. Не удержусь от цитирования некоторых оценок (по конспектам, которые я вел). Так, рассказывая о приоритетных установках второй пятилетки в плане политической цели (построить бесклассовое общество), БП говорил: «Неряшливо сформулировано, но отражает настроение руководства 30-х годов»; «Не анализировались возможные трудности, поскольку считалось, что большевики могут все»; «Прошлое нуждается в ревизии неверных решений, принятых в период культа личности»; «Экономика в 1937-м еще не была одноукладной, шестая часть чистой продукции производилась в личных подсобных хозяйствах».

Отдельно и достаточно жестко он останавливался на разрушительном влиянии 1937 г. (тогда это еще не получило у нас квалификацию «Большого Террора» по Р. Конквесту) на экономику страны: «Резкое ухудшение управления экономикой, репрессии затронули руководящие звенья всех наркоматов»; характеризовал Л. М. Кагановича на посту наркома путей сообщения как жесткого, но полуграмотного управленца, который «прорывы» в работе железных дорог, возникавших в силу ранее принятых ошибочных решений и диспропорций в нехватке топлива, решал примитивным способом (ехал поездом по управлениям ж/д с кадровым

резервом, снимая прежних управленцев, и не успокаивался, пока не расставлял всех, ехавших с ним «резервников»). Я тогда в конспекте выделил его прямую речь: «Нам страшно не везет на руководителей страны». И еще жесткая оценка реальности сталинской эпохи: «Поскольку не работали экономические рычаги, вводились меры внеэкономические».

Здесь только отмечу, что в своей текущей преподавательской деятельности при чтении в НГУ студентам-историкам части курса по межвоенному периоду (1921–1941) в ходе освещения аспектов экономической истории того времени я полностью опираюсь на публикации Бориса Павловича, выходявшие в экономических изданиях, в том числе и в журнале «ЭКО», а также и собственные конспекты его лекций, всегда при этом подчеркиваю, что стараюсь воспроизвести это так, как нам рассказывал на лекциях БП в 1970-м, полвека назад! Конечно, мы сейчас имеем гораздо больше информации о происходившем, но понимание основ «политэкономии социализма» еще в позднесоветское время нашему поколению сформировал Борис Павлович.

В 1989 г. мне довелось участвовать в проекте, реализованном по инициативе БП в журнале «ЭКО», где печаталась подборка, посвященная 60-летию первого пятилетнего плана. Помимо собственной, совершенно блестящей аналитической статьи, посвященной истории реализации первой пятилетки и ее последствий для отечественной экономики¹, он предложил подготовить и переопубликовать в журнале первоисточники, статьи антагонистов – сторонников генетического (В. А. Базаров, Н. Д. Кондратьев) и телеологического/директивного (С. Г. Струмилин) подходов к методологии планирования.

Не могу не отметить еще одну сторону равнодушия БП к возвращению памяти о трагическом прошлом нашей страны. В последующие несколько лет, в процессе становления деятельности новосибирского «Мемориала», усилиями Л. С. Труса было организовано несколько семинаров с обсуждением проблематики истории репрессий советской (сталинской, прежде всего) эпохи, в которых принимал участие и БП, живо интересовавшийся этой тематикой.

¹ Орлов Б. П. Истоки перестройки // ЭКО. 1989. № 5. С. 3–15.

С дистанции прожитых лет я неожиданно для себя обнаружил ощущение диалога с Борисом Павловичем почти четыре десятилетия спустя. Готовя доклад к очередной конференции по истории сталинизма осенью 2019 г., я поставил целью рассмотреть причины и последствия самого амбициозного депортационного плана 1930-х годов, когда чекистское руководство в начале 1933 г. предложило Сталину осуществить тотальную «чистку» европейской части страны от «неблагонадежного, социально опасного и вредного элемента», отправив на спецпоселения в Западную Сибирь и Казахстан 2 млн чел. Вождь не только одобрил проведение операции, но и добавил, что ее следует совместить с «разгрузкой» тюрем.

В процессе выполнения плана, реализация которого проходила с весны до осени 1933 г. (около шести месяцев), цифры высылаемых корректировались четыре раза, в результате «застыв» на отметке около 200 тыс. чел. «нового контингента», поступившего в эти регионы (140 тыс. в Западную Сибирь и 55 тыс. в Казахстан), что оказалось в 10 раз ниже первоначального плана. Подобного расхождения между замыслами и реализацией советская депортационная практика не имела ни до, ни после.

В поисках подходов к изучению данной проблемы я нашел статью знаменитого американского социолога Р. К. Мертон, классика структурно-функционального анализа, опубликованную им в 1936 г. и переведенную в России в 2009 г.² Несколько редуцируя подход Мертона, отметим, что тот выделял четыре наиболее значимых фактора, влияющих на отклонения от рациональной цели и приводящих к непреднамеренным последствиям при осуществлении больших социальных действий.

Первый – «знание/незнание»: неполнота знания делает возможным появление непредвиденных результатов. Второй фактор – ошибки, возникавшие на любой стадии реализации плана (оценка ситуации/выбор направления и методов/средств), например, часто встречается ошибочное применение/повторение действий, бывших в прошлом успешными. Третий фактор – «императивность ближайшего

² Мертон Р. К. Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия // Социологический журнал. 2009. № 2. С. 5–17.

интереса» («здесь и сейчас»): нацеленность на достижение непосредственных результатов, при которой отсекается учет других факторов и последствий. Четвертый фактор – действие по достижению цели часто выходит за пределы той области/сферы, для которой оно предназначалось и распространяется на другие сферы, создавая условия для возникновения непреднамеренных последствий (Там же. С. 10–15).

Исследование показало, что по сути провальный итог данной карательной операции 1933 г. был обусловлен тем, что в ходе ее осуществления совокупным образом проявились, хотя и в разной степени, все четыре обозначенных Мертоном фактора. Почему здесь об этом пишется? Потому что я, перечитывая статью Бориса Павловича 1987 г. в журнале «ЭКО», обратил внимание на словосочетание «обескураживающая динамика» применительно к сельскому хозяйству в годы первой пятилетки («...именно насильственное форсирование коллективизации объясняет обескураживающую динамику производства сельскохозяйственной продукции»³).

Таким образом, БП обозначает свой исследовательский подход, формулируя его, собственно, в том же мертоновском формате, но применительно к своей проблематике экономической истории: «Ретроспективный анализ планов показывает, что **конечные результаты их осуществления далеко не всегда совпадали с заранее сформулированными целями** (выделено в тексте БП). Несовпадения были подчас настолько значительными, что вызывали радикальные расхождения между намерениями и действительностью, превратились в конфликт между словом и делом. Казалось бы, причинно-следственный анализ этих несовпадений должен представлять первостепенный интерес и для плановиков, и для исследователей. Ведь главная прикладная ценность исторического знания в том, что прошлое подсказывает полезный совет для будущего. Однако накопленный в СССР огромный опыт осуществления среднесрочных планов менее всего описан именно с точки зрения такого анализа» (Там же. С. 34).

³ Орлов Б. П. Цели средних планов и их осуществление // ЭКО. 1987. № 11. С. 37

Здесь комментарии излишни, поскольку методика советского экономиста Б.П. Орлова и американского функционалиста Р.К. Мертон имеют под собой общую поисковую интеллектуальную платформу для социально-гуманитарных наук, будь то экономика, социология или история.

Когда в 2012 г. мы отмечали 50-летие организации гумфака НГУ, то подготовили справочное издание о факультетских профессорах за годы его деятельности. В справочнике среди биограмм историков и филологов есть и биограмма БП, что отражает общую позицию нас, составителей, слушавших лекции его спецкурса для историков, который он читал на протяжении двух десятков лет. Он, безусловно, из числа тех учителей, кто давал не только знания, но и учил думать.

«Нашему поколению повезло – мы могли опереться на плечи великих...»

*Водичев Е.Г., доктор исторических наук
Прага, Чехия – Варшава, Польша, январь 2022 г.*

Меня всегда привлекали проблемы, связанные с экономической теорией и ее воплощением на практике, однако почему-то я поступил не на экономфак, а на историческое отделение гумфака. Но тяга к экономике никуда не исчезла, и среди исторических дисциплин особый интерес вызывали те, что были связаны с анализом экономических процессов в историческом прошлом. В то время на факультете было немало хороших преподавателей, но количество вопросов экономического характера, остававшихся без ответов, лишь множилось.

И вдруг среди прочих предметов в расписании появился курс по экономической истории и новый для нас профессор-экономист – Борис Павлович Орлов. Он оказался блестящим лектором и преподавателем, умевшим установить контакт с явно не простой для него гуманитарной аудиторией и донести до нее свои собственные представления о динамике экономического развития СССР.

Непривычной была методология, на которой строился его курс – ретроспективный анализ экономического развития, основанный на сопоставлении и критическом анализе

достигнутых итогов с планируемыми результатами с учетом прошлого опыта и извлекаемых (или неизвлекаемых) из него уроков.

Необычным был и стиль подачи материала: строгий, четко организованный, аргументированный и опирающийся на интерпретацию разносторонних и разнообразных статистических данных. Было очевидно, что профессор Орлов привык не витийствовать за кафедрой, а вести диалог с умными студентами, к не очень умным и не заинтересованным в его предмете он оставался равнодушным, никому ничего не навязывая и не стараясь убеждать в необходимости именно его курса.

Во второй половине 1970-х годов, во времена моей учебы в альма-матер, чуть ли не четверть всей учебной программы занимали идеологизированные курсы — такие как научный коммунизм, научный атеизм, политэкономия социализма и т. п. Уже тогда многим было ясно, что научную теорию в них заменяли мифологемы, целью которых была индоктринация будущей «прослойки» советского общества, которой в рамках классовой теории считалась интеллигенция. Квинтэссенцией всего и вся в этой «фантазмагории чудес» был курс по истории КПСС, который непосредственно предшествовал лекциям Бориса Павловича. Он об этом знал, поэтому иногда интересовался, о чем шла речь на предыдущих занятиях. И после этого звучала фраза: «А вот теперь послушайте, как все было на самом деле», и начиналось самое интересное.

И становились понятными причины постоянного невыполнения в СССР пятилетних планов, драматического расхождения между долгосрочным и среднесрочным планированием, с одной стороны, и оперативным управлением — с другой, постоянного обращения к мобилизационным методам при реализации крупных экономических проектов и многое другое. Иными словами, на конкретных кейсах постепенно усваивались универсальные законы макроэкономики (этот термин еще даже не использовался в отечественной науке) и анализировалось их приложение к советской экономической практике. В то время это требовало изрядного мужества.

После приводимых БП данных и аргументов, построенных на основе релевантной методологии и богатых источниках,

крыть, как говорится, было нечем. Но у преподавателей по истории КПСС не возникало ни малейшего желания вступить с ним в заочную дискуссию, поскольку проигрыш в ней был бы очевиден.

У меня же, как и у некоторых моих коллег-историков, вопросов к профессору Орлову было немало. Мы их задавали, и он всегда старался отвечать вдумчиво и обстоятельно. Ограниченность времени для дискуссий в университетском расписании привела меня за ответами в сектор, которым руководил БП в Институте экономики и организации промышленного производства СО АН СССР. Впоследствии я стал бывать там довольно часто. К этому времени определилась область моей научной специализации – ретроспективный анализ систем организации и управления научно-техническим комплексом, в рамках которой наука в советской практике рассматривалась, по сути, как одна из отраслей экономики.

Мои студенческие годы и, в частности, курс профессора Орлова вернулись ко мне доброй памятью во время собственной профессорской деятельности в США. Конспекты лекций Бориса Павловича стали опорными для разработки моего лекционного курса и самым дорогим наследием университетских лет. Предложенные нам в стенах НГУ профессором Орловым методика анализа и система аргументации оказались вполне универсальными: построенный с использованием его подходов курс по советской экономической истории хорошо воспринимался и на другом языке в международной аудитории в стенах американского университета.

Знания и компетенции, полученные от Бориса Павловича, активно использовались мной и в дальнейшем, хотя я работал в рамках неэкономического профессионального сообщества. Иногда это даже создавало некоторые проблемы – докторская диссертация, по мнению некоторых коллег, оказалась излишне «экономизированной», но удалось сохранить ее основы, апеллировав к междисциплинарности и авторитету БП.

Годы идут, я сам уже четверть века именуюсь доктором и профессором, за плечами работа в разных странах и во многих российских университетах и институтах. Но, думая о прошлом, я всегда вспоминаю своих учителей, исто-

риков, социологов и экономистов. И совсем не случайно на форзаце одной из моих книг стоит посвящение Борису Павловичу Орлову.

«Борис Павлович – это начало экономического факультета»

Буфетова Л.П., доктор экономических наук, НГУ, Новосибирск

Борис Павлович Орлов – первый декан факультета по новой специальности, которая называлась тогда «экономическая кибернетика». Ни рабочих программ, ни программ курсов нет, состав преподавателей тоже нужно формировать. Но свободы тогда в университете было куда больше, чем сейчас, и была единая команда, увлеченная новым делом – становлением нового направления в экономических исследованиях и образовании. В тот период сложилось необходимое в таких случаях единство передовой науки и образования, в начале которого стояли две крупнейшие, среди многих других подвижников, фигуры: А. Г. Аганбегяна и Б. П. Орлова.

Скоро на факультете Бориса Павловича стали звать БП, как тогда было принято сокращенно называть очень уважаемых начальников.

БП был человеком с хорошим чувством юмора. При этом его юмор часто соотносился с какими-нибудь смешными историческими сюжетами, которых он знал бесчисленное множество. А великолепная память Бориса Павловича позволяла ему помнить многое из прочитанного, изученного и проанализированного, в чем мы убеждались и на лекциях по экономической истории, и в обыденной жизни в Институте экономики. Меня всегда удивляло, как он помнит всех студентов разных выпусков по именам? Как помнит материалы, помещенные в разных номерах экономических журналов, и легко подсказывает, где и что можно посмотреть.

Курс лекций по экономической истории всегда будут вспоминать студенты, прослушавшие его. Ведь не было в стране курса по математическим моделям в экономике, а нам он читался. Правилом на факультете в те годы было

учить студентов не по учебникам, даже если они и были, а по лекциям преподавателей. Так вот лекции БП нужно было проработать досконально. Ведь преподаватель требовал не запоминания фактов, а именно разбора периода, событий и экономических явлений. Конечно, это было непросто. И «отлично» по предмету у БП было получить еще труднее.

Лекции БП были насыщены статистическим материалом. Это касалось урожайности сельскохозяйственных культур, производства важнейших продуктов промышленности в Царской России в период индустриализации, планов первых советских пятилеток и фактического их невыполнения и т.п. Если статистические материалы нас мало впечатляли, то планы и их невыполнение в первые три пятилетки повергали в недоумение, поскольку расходились с официальными оценками. И так было со многими сюжетами экономической истории СССР.

Тогда мы не задавались вопросом об источниках множества статистического материала. Только потом, когда самим в научной работе пришлось иметь дело с экономической информацией, поняли и осознали значимость работы БП со статистической информацией, которую он нам демонстрировал на лекциях.

Лекции по экономической истории имели большое воспитательное значение для будущих экономистов-математиков: все нужно подвергать сомнению и проверять статистически. Авторитет этого курса для меня был так велик, что когда почти двадцать пять лет спустя мне предложили подготовить курс по экономической истории на факультете, я искренне испугалась: ведь невозможно сделать ничего подобного курсу Бориса Павловича.

Но главное – была, благодаря Б. П. Орлову, методологическая основа для курса лекций, как и для делового научного исследования: системность, выявление и обозначение причинно-следственных связей, значение традиций, и все это необходимо подавать в динамике.

«Б.П. Орлов: редактор, рецензент и научный руководитель»

Клисторин В. И., доктор экономических наук
Институт экономики и организации
промышленного производства СО РАН, Новосибирск

Борис Павлович был редактором экономической серии журнала «Известия Сибирского отделения АН СССР» на протяжении всего срока ее существования. Серия меняла название: сначала «общественных наук», потом «экономики и прикладной социологии» и, наконец, «Регион: экономика и социология». Так же был назван новый журнал, созданный в 1993 г. Но экономическую серию неизменно возглавлял Б. П. Орлов.

По сути, БП и был редакцией журнала. Для подобной работы требуются знания самых разных областей экономической науки, умение быстро уловить главную идею статьи, оценить ее значимость и вынести мотивированное решение. Доверие, которое испытывало научное сообщество к главным редакторам научных журналов, коррелировало с настроениями научного истеблишмента и позволяло существенно упростить работу. Но и ответственность была высока.

За время его работы в ИЭОПП СО АН СССР он выступил научным редактором около 20 индивидуальных и коллективных монографий, сборников научных трудов. Главными темами его работ были, разумеется, книги по проблемам и перспективам освоения Сибири, Западно-Сибирского нефтегазового комплекса и отдельных территориально-производственных комплексов. Кроме того, Б. П. Орлов уделял большое внимание методологии планирования, был пионером использования программно-целевого подхода в территориальном планировании. Здесь его идеи обогнали время, хотя сама проблема до сих пор далека от разрешения. Во всяком случае, в нашей стране. Вообще прогресс в развитии производительных сил регионов, в том числе и восточных, в те времена связывался с совершенствованием планирования в рамках экономической реформы, хотя сам БП к экономическим реформам после 1968 г. относился весьма скептически.

Мне повезло в том, что Б.П. Орлов был моим научным руководителем по кандидатской диссертации. Изначальная постановка задачи была проста: сколько нужно построить жилья в Академгородке для того, чтобы минимизировать очередь и сократить дефицит к 1990 г. Постепенно задача разрасталась и превратилась в модель развития города в составе агломерации. Что касается ответа на вопрос об объемах строительства, то был получен отрицательный результат: ликвидировать нехватку жилья не удастся, поскольку само жилье привлекает население и превращает городок в спальный район. В грамотном и аккуратном описании постановки проблемы, и, главное, интерпретации результатов Б. П. Орлов очень помог. Он прекрасно понимал, что далеко не всякая задача имеет решение при заданных условиях и отрицательный результат – тоже результат, иногда даже более важный, чем подтверждение гипотезы.

В следующих номерах вы прочтете:

- Оценка социально-экономического положения арктических моногородов России: региональный и промышленный аспект
- Демографическая динамика крупнейших городских агломераций России
- Университетские стартап-студии как новая модель трансфера технологий
- Состояние и перспективы доступного рынка грузовых услуг российских авиакомпаний
- К вопросу о стратегии развития железных дорог России в долгосрочной перспективе
- Байкал на весах экономики и экологии
- Российский рынок акций в 2015-2020 г.: волатильность и рыночная доходность
- Формирование ценовой динамики в России на фоне ускорения глобальной инфляции
- KLIMAT: что ждет энергетику и экономику России к середине XXI века (о новой книге Т. Густафсона. Часть 2)

Подготовлено к печати Сибирским отделением РАН.

«ЭКО» (Экономика и организация промышленного производства).

ISSN 0131-7652

E-ISSN 2686-7605

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС77 - 77209 от 20.11.2019

2022. № 3. 1–192

Художник В.П. Мочалов

Технический редактор Н.Н. Сидорова

Адрес редакции: 630090 Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17.

Тел./факс: (8-383) 330-69-25, тел. 330-69-35

E-mail: eco@ieie.nsc.ru

Адрес издателя: Сибирское отделение РАН
630090, г. Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17

© АНО «Редакция журнала «ЭКО», 2021. Выход в свет 31.03.2022

Формат 84x108 1/32. Цифровая печать. Усл. печ. л. 10,08

Уч.-изд. л. 10,8. Тираж 220. Заказ 127. Цена свободная

Отпечатано в Сибирском отделении РАН

630090, г. Новосибирск, Морской просп. 2

Тел. 330-84-66

E-mail: e.lyannaya@sb-ras.ru

<https://www.sibran.ru>